

СБОРНАЯ
РОССИИ
ПО ЗДРАВОВОМУ
СМЫСЛУ

НАШЦИ

16+

ЗИМА 2022/23



Английский инженер и другие иностранцы, которые выбрали Россию своим новым домом

«ВОЗЬМИ В ПОЛЕТ ЦВЕТЫ И БОМБЫ».

ИСТОРИЯ ДЕВУШКИ ДИНЫ,
КОТОРУЮ НАЗЫВАЛИ
«НОЧНОЙ ВЕДЬМОЙ»

Основательница журнала Elle и другие ростовчане, которые стали известны далеко за пределами родного города

Поддерживаем ваши таланты и мечты



8 800 200 99 29 | centrinvest.ru

ПАО КБ «Центр-инвест». Лицензия банка России
№92225 от 26.08.2016 г. Реклама.



8 800 200 99 29 | centrinvest.ru

ПАО КБ «Центр-инвест». Лицензия банка России
N92225 от 26.08.2016 г. Реклама.

- 8 «Вообще в России я был готов к удивлению, знал, что надо ожидать неожиданное. Вот ты с русским человеком делаете что-то обычное — едите, а через 5 секунд тебя уже ругают за то, что ты неправильно обращался с едой. «Неправильно ешь хинкали».

Писатель и актер, англичанин Крэйг Эштон из Петербурга.

- 14 «У меня в детстве не было такого чувства даже в Калифорнии. А тут мы вместе. На праздниках вместе, воду отключили — ругаться идем вместе. И мне это по душе».

Преподаватель, американка Лора Пикенс из Краснодара.

- 20 «Русский человек сделан из железа. Как вы думаете, сколько израильтян знают «наколи дрова топором»? А тут каждый мальчик, что жил на деревне у бабушки, это умеет».

Бизнесмен, израильтянин Илан Остроброд из Москвы.

- 26 «Все русские отдают дань уважения. Если я прихожу куда-то, то должен по кругу за руку поздороваться со всеми мужчинами: «Здрасьте! Здрасьте! Здрасьте!» Да я, может, не увижу тебя никогда! Мы даже имя друг другу не говорим!»

Джелатьере, итальянец Федерико Абис из Ростова-на-Дону.

- 32 «Все уже вышли из самолета, а меня не пускают, сказали, надо ждать. Потом позвали, и я вышел с трапа на красный ковер! Я для них был звезда: Митхун Чакраборти приехал в Кемерово».

Преподаватель танцев, индеец Ашвани Нигам из Москвы.

- 38 «В России можно жить очень свободно: перешагивать здесь, там, пока не дойдешь до предела. Но за этим пределом уже будет не дай бог! Русские это хорошо знают и предел чувствуют».

Инженер, англичанин Дэвид Бэванс из Воронежа.



- 42 «Одна из биографий нашей героини называется «La tsarine» — «Царица». Так, зная о ее российском происхождении и учитывая невероятную сферу влияния, называли Элен во Франции».

История Элен Гордон-Лазарефф, основательницы журнала Elle.

- 50 «Бывший казачий офицер начинал делать кино на коленке, но уже через 8 лет контролировал треть кинопроката в России, а фильмы его компании исчислялись сотнями».

История Александра Ханжонкова, основоположника российского кинематографа.

- 60 «Трусость да и вообще инстинкт самосохранения в девочках как будто отключили. До 1944 года все они летали без парашютов».

История Евдокии Никулиной, летчицы, Героя Советского Союза.

- 70 «Сто рублей в фонд организации зоосада сдал сам учитель, это были все его сбережения. На себя он денег не тратил, ходил все в той же шинели, в которой пришел с фронта».

История Владимира Кегеля, учителя биологии, создателя Ростовского зоопарка.

- 76 «В совсем уж голодном 1921 году 14-летний Ваня с другом решили сбежать. Скопили чуть-чуть денег, раздобыли патроны и обрез. Собирались в Бразилию, а там как повезет».

История Ивана Семенова, основателя журнала «Веселые картинки».

- 84 «Эй, Тима, откуда у тебя фингал?» — крикнули из зала. «Из трамвая случайно выпал. А знаете, что такое хепенинг?» — спросил он в ответ».

История Сергея Тимофеева, лидера рок-группы «Пекин Роу-Роу».

- 94 «Многие реформу ЖКХ воспринимали как тягость. А я принял это как возможность. Я исходил из того, что тема инфраструктуры, жизнеобеспечения — это то, с чем мы в этот мир приходим и всю жизнь находимся».

Интервью с руководителем ИД «ЕвроМедиа» Владимиром Денисовым.

№35-36

зима 2022/23

Журнал «Нация. Есть повод
гордиться Россией»

**Редакция****Главный редактор**

Андрей Юрьевич Бережной

Арт-директор

Константин Травин

Выпускающий редактор

Наталья Приходько

Допечатная подготовка

Игорь Иваненко

Корректор

Наталья Лаврентьева

Дирекция по рекламе

Екатерина Рейш,

тел. 8-950-405-40-40,

ekaterina.reish@gmail.com

PR

Светлана Лещенко

Секретарь редакции

Анастасия Константинова

Над номером работали:

Андрей Бойко, Иван Болдырев,
Илья Иткин, Светлана Ломакина,
Ольга Майдельман, Николай Пашин,
Длеб Садов, Евгений Халдей,
Николай Хомчик, Иван Шагин,
Аркадий Шайхет, Пол Шутцер

Макет

Константин Травин

Учредитель и издатель:

ООО «ЕвроМедиа»

Руководитель ООО «ЕвроМедиа»

Владимир Денисов

Отдел подписки и распространения:

тел. 8-918-555-01-76

e-mail: deyneko@mediayug.ru

Служба логистики:

Юлия Дейнеко, Александр Дерюгин,

Олег Денисенко, Юрий Заноза,

Юрий Пьянов, Александр Цвет

Представительство в Москве:

115280 г. Москва,

БЦ «Омега Плаза», ул. Ленинская Слобода, 19

Представительство в Санкт-Петербурге:

191014, г. Санкт-Петербург, ул. Караванная 1, офис 252В

Представительство в Казани:

420061 г. Казань, БЦ «Корстон», ул. Н. Ершова, 1а

**Адреса учредителя,
издателя и редакции**

344022, г. Ростов-на-Дону,
БЦ «Аристократ», ул. Б. Садовая, 162/70, 4-й этаж
344082 г. Ростов-на-Дону,
ул. Станиславского, 8а-10, корп. Б-3, оф. 18
e-mail: info@euromedia.ru

www.nationmagazine.ru

Единая горячая линия: 8 800 200-89-49

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации: ПИ № ФС 77-54168 от 17 мая 2013 г.

Рекламные публикации размещаются в журнале в соответствии с ФЗ № 38 «О рекламе» от 13.03.2006 г.

Информационно-аналитическое издание.

Тираж 10 000 экземпляров.

РАСПРОСТРАНЯЕТСЯ БЕСПЛАТНО.

Издается с декабря 2012 года.

Все права защищены.

Подписано в печать 02.12.2022 г. Заказ № 2253

Отпечатано: ИП Федосеев В. А. (типография «Лаки Пак»)

344013, г. Ростов-на-Дону, ул. Мечникова, 112, тел.: (863) 256-77-40, 256-77-90

Дата выхода в свет: 07.12.2022 г.

Обложка

Евдокия Никулина.



Перейти на
nationmagazine.ru

PRINT
DIGITAL
ONLINE



евромедиа

ЦЕНТР
РАЗВИТИЯ
СМИ

Журнал издается при содействии автономной некоммерческой организации «Центр развития СМИ».



Фото
Ивана Антонопуло:
Ростов-на-Дону,
1860-е годы.

ПРИЗНАНИЕ СЧАСТЛИВОГО ЧЕЛОВЕКА

Самому не верится до конца, но в декабре 2022-го «Нации» исполнилось 10 лет. Ничем в своей журналистской жизни я не занимался так долго. А для моей младшей 9-летней дочери «Нация» — это вообще то, что было всегда.

И я очень рад, что все так сложилось. Я даже... сейчас прислушался к себе... по-настоящему счастлив. Что десять лет меня окружают такие замечательные и интересные люди. Авторы «Нации», герои «Нации» и ее читатели.

Мы не делали этот номер нарочито юбилейным, и все же он получился особенным. Это номер признаний в любви. В первой его половине иностранцы — герои проекта «Из России с любовью» рассказывают, как и почему они выбрали для себя русскую жизнь. Как, например, калифорнийка Лора стала краснодаркой, а уроженец Лестера Дэвид — воронежцем. Этот проект мы создали при поддержке Президентского фонда культурных инициатив.

Вторая же часть журнала — это несколько историй из совместного с банком «Центр-инвест» проекта «Гражданин Ростова-на-Дону». И это наше признание в любви родному городу.

Главный редактор Андрей Бережной

(Полные версии этих проектов читайте на nationmagazine.ru.)


PRINT
DIGITAL
ONLINE



евромедиа

Закажите на **OZON.ru**

услуги digital-агентства МИД «ЕвроМедиа»



СОЗДАНИЕ
САЙТА



SMM-
ПРОДВИЖЕНИЕ



SERM



SEO-
ОПТИМИЗАЦИЯ



евромедиа
digital-агентство

ОБУЧЕНИЕ
SMM

Закажите по ссылке



Профессионально для профессионалов



**КАК АНГЛИЧАНИН
СОЧИНИЛ СВОЙ КУПЛЕТ
К ГИМНУ РОССИИ
И ПОСЕЛИЛСЯ У РЕЖИССЕРА
БАЛАБАНОВА**

Веселый человек Крэйг Эштон, который пишет о себе: «Переехал из туманного Манчестера в солнечный Петербург» — лингвист, автор книги (на русском!) «Извините, я иностранец», актер и популярный блогер. Вот уже больше 15 лет он не просто живет в России, но искренне любит ее, как и свою русскую жену Алису.

беседовала Ольга Майдельман
фото архив героя публикации

— Когда вы захотели поехать в Россию?

— О, это было еще в школе, в 17 лет. Перед университетом я решил изучать два языка, один был немецкий и второй нужно было выбрать: японский, бразильский, китайский. Но единственная страна, которая меня интересовала — это Россия, ее история... «Тетрис» на меня тоже повлиял. Я очень любил «Тетрис», это глупо звучит, но...

— **Вовсе не глупо! «Тетрис» — классная игра.**

— Это классная игра, да! Ее придумал русский. Мы все играли на Gameboy. И музыку, там в заставке мелодия «Коробейников», каждый из нас знает. Там, если ты совсем победишь игру, в конце танцуют казаки и ракеты летят на фоне интересных домов. Я спросил у мамы, что это за луковые здания? Мама сказала: «А это русские церкви». Мне было 8 лет. В общем, Россия мне показалась как единственная родная страна. Я посмотрел на размер, ресурсы. Я подумал, что в будущем у нее, должно быть, огромный потенциал, и хорошо будет уметь говорить на этом языке.

— **Поехать в Россию, наверное, не совсем типичное желание для мальчика из Манчестера.**

— О, совсем не типичное! Англичане в основном и не уезжают никуда. Только маленький процент. Все обычно живут там, где родились. Все мои друзья из школы, все остались или в том же городе, или на той же улице в том же доме. Спустя 40 лет.

— **Есть такая русская пословица: где родился, там и пригодился.**

— То и пригодился, да! Это очень по-английски. Ты родился, потом в 20 лет начал заниматься своим садом. Через 20 лет у тебя дети. И так далее. Я жил там, где мои родители родились и где их родители родились. Сестра живет за углом. Да, мы не любим переехать. Я странный такой англичанин.

— **А я в юности очень хотела поехать в Манчестер. Люблю The Stone Roses, Joy Division, The Smiths. Они все оттуда. Знаете такие группы?**

— Да? Круто! Конечно, знаю, я танцевал в клубах под них. Все ходили в майках с названиями этих групп. The Stone Roses особенно.

— **А какая русская музыка была вам известна, когда вы жили в Англии?**

— Только «Тату». Помню, что в первом году университета, это был, наверное, 99-й, постоянно играла на телевизоре «Я сошла с ума» и «Нас не догонят». Альбом назывался «200 км на встречной»? По встречной, спасибо, да! Я знал каждую песню, даже самые глупые. Мне нравились и слова, и голоса. Музыка тоже ничего, попсовая, конечно, но хорошо сложенная, качественная. И голоса, это было самое главное — такие высокие, как будто крик души. Эти девчатские голоса очень тронули меня, я часами сидел и слушал. Из-за них я сделал большой прогресс в изучении языка песнями. До этого я, как все, зубрил, зубрил, зубрил. Читал всякую классику, но это не помогает.

— **Чехов, Достоевский — нет?**

— А Чехов ничего, кстати. Достоевский никак. Это, конечно, высокий уровень очень. Слова я понимал, а месседж, посыл — нет... А в «Тату» все было ясно: нас не догонят, мы убегаем. И поэтому я стал слушать потом очень много русской музыки: Земфира, «Кино».

— И что оказалось самым сложным в изучении языка?

— Буква ы — уф! Я долго называл ее б1, она так выглядит, и никто не мог ее произнести. И мягкий знак был «маленький б», потому что, ну как сказать ее? И еще двойной негатив ваш. Типа «я никого не знаю».

— А как вам такое выражение «да нет, наверное»?

— Знаете, это самое простое. Мне часто задают этот вопрос. И каждый раз удивляются и не верят, что я сразу понял. Спрашивают: «Вы, наверное, не понимаете «да нет». — «Да нет, понимаю!» (Смеется.) Но есть другие вещи, где надо было сломать мозг. Самые короткие слова, вот это сложно: «аж», «уж», разница между «а» и «но».

— Суффиксы?

— Суффиксы я обожаю. «Окно», «окошко», «окошечко», «окошечко». Это мило, прямо очень мило.

— Правда, что первую русскую женщину, которая вам встретилась, звали Любовь Сердечная? Это прямо нарочно не придумаешь.

— Да, так! Она работала в школе, где мы занимались русским, как менеджер управляла приезжавших... ся, приезжавшимися...

— Приезжавшими?

— Приезжавшими? А-а, потому что управлять чем, кем. Вот тоже такие глаголы добавьте в трудный список! Помните песню «Звезда по имени Солнце»? Там есть похожая фраза: «на растрескающейся... земле».

— Растрескавшейся земле?

— Да! Просто нереально! Я сидел один час однажды, повторыл, и у меня не вышло. Получалось только «растрещащаща».

— Какие еще необычные люди встречались вам здесь?

— Очень много. Особенно вначале, когда еще было такое поколение: умные люди, которые раньше работали в высоких позициях в СССР. Физики, математики... Сейчас люди стали более западные. Я меньше чувствую эту разницу между нами. А тогда это было очень ярко выражено. Глаза другие даже. Более серьезные, хмурые советские русские. Очень эрудированные. Они всегда спрашивали: «Что вы читаете сейчас?» И обычно мой ответ был про какую-то детскую книгу на русском. А когда я спросил: «А вы?» — «А я уже все прочитал». И это была правда. Они знали всю классику, могли цитировать.

Большая причина, почему я остался, это то, что я был окружен такими людьми. Люди из Манчестера, ну, мы попроще, и никого особенно не волнует, какие книги люди читают, никакие разговоры про это не могут быть. Когда я вернулся в Англию, я понял, что мне скучно. Я хотел сидеть и слу-

**ЛЮДИ ИЗ
МАНЧЕСТЕРА,
НУ, МЫ ПОПРОЩЕ,
И НИКОГО ОСОБЕННО
НЕ ВОЛНУЕТ, КАКИЕ
КНИГИ ЛЮДИ ЧИТАЮТ,
НИКАКИЕ РАЗГОВОРЫ
ПРО ЭТО НЕ МОГУТ
БЫТЬ. КОГДА Я
ВЕРНУЛСЯ В АНГЛИЮ,
Я ПОНЯЛ, ЧТО МНЕ
СКУЧНО. Я ХОТЕЛ
СИДЕТЬ И СЛУШАТЬ
ЭТИХ РУССКИХ.**

шать этих русских. У них знание было другое — глубокое и очень редкое.

— Что-то из русских обычаев вас удивляло? Посидеть на дорожку, выпить на посошок.

— Выпить на посошок и у нас есть. Вот «сидеть на минуту» меня умиляло. Вообще в России я был готов к удивлению, я знал, что надо ожидать неожиданное. Все было удивительно, все-все было немножко не то. Вот ты с русским человеком делаете что-то обычное — едите, а через 5 секунд тебя уже ругают за то, что ты неправильно обращался с едой. «Неправильно ешь хинкали». Нельзя поставить пустую бутылку на стол.

И способ обращения к другому человеку меня удивлял. У нас очень все мягко и надо сильно беречь собеседника. Ты говоришь: «Возможно, у тебя другое мнение». Нельзя ему сказать, что он не прав. А русский: «Да нет, конечно, неправ ты!» Просто прямо скажет, и все. И я всегда удивлял русских, что обиделся: «Ну, как вы могли мне такое сказать?» — «А что? Я тебе просто сказал, что я думаю». Это искренне и честно. И это правильно, если ты русский. А если ты англичанин, надо не врать, но быть, как бы сказать... очень деликатным. Но, в принципе, врать.



На балконе петербургского Дома кино с женой Алисой.

И в очередях у вас свои правила. И я думаю, есть хорошие причины, почему. Выжили те, которые пришли и сказали: «Я только спросить». А потом зашли и купили всю колбасу. (Смеется.) У нас в Англии не было таких кризисов.

Ходят шутки в Европе: если в одном месте есть два англичанина, там сразу появится очередь. Мы реально это делаем на автомате, это часть нашей культуры. В наших детских книгах есть про очередь, например, в «Мишка Паддингтон». Никто не лезет вперед, если лезет, тогда он вычеркнут из общества. Он плохой человек и должен умереть, чтобы его гены не пошли в следующее поколение. Что вы смеетесь? Все серьезно. (Смеется.)

— Если бы вы сразу не стали жить в таком красивом городе, может, и не остались бы в России? Как вы описываете Петербург в Англии?

— Обычно я говорю, что это огромный живой музей, это немножко похоже на... как это сказать... город из тортов! Там везде красивые торты, и ты между ними ходишь. Настолько украшено все.

Архитектура в Петербурге очень вдохновляет, я бы сказал, это 25% почему я хочу там жить, но люди — это главное, что меня привлекает.

— И как, друзья хотят ехать сюда?

— Да нет. Все боятся. Давно. Все, что они знают про вас — это калашников, МИГ, ракеты, бомбы и танки.

— Какой недружелюбный список!

— Да, пропаганда работает. Уговорить, что все по-другому, нереально. Только притащить. Я сестер притащил. Им очень понравилось. Но друзья отказались. Я им сказал: «Я там известный, я тебя познакомлю с отличными людьми!» Они такие: «Ну калашников же!»

— А как вы сами познакомились с известными русскими режиссерами Балабановым и Месхиевым?

— Дайте подумать... Меня пригласили на вечеринку, и там был Месхиев с женой. А Месхиев такой человек, если идея пришла в голову, он уже этим занимается. Он сказал (громко): «О! О! Я буду учить английский с вами, хорошо?» Я сказал (говорит тихим, испуганным голосом): «Хорошо». Месхиев знал, что на работе мой контракт не продлили, моя виза закончилась и мне было негде жить. Он подсказал, наверное, Надежде, жене Балабанова: «Слушай, ты берешь Крэйга, он у вас живет и учит Петра». Win-win, все в выигрыше. Наверное, так. Надежда была очень довольна,



что их сын Петр сразу получил пятерки. Все думают, что я какой-то волшебник. Но он очень способный. Его просто плохо учили до меня.

Я прожил в квартире Балабановых год, в комнате, которую Алексей использовал как монтажную.

— **А самого Алексея не пришлось учить английскому?**

— А он уже говорил. Он жил какое-то время в Ливерпуле, в Манчестере. Я прямо удивился, когда он увидел меня — и «Oh, hello». Я: «Чево?» (Смеемся.)

— **О чем вы говорили с одним из самых русских режиссеров?**

— Он... как это сказать... intense. Как огонь постоянно. Каждый разговор — важный. И глубоко сразу. Когда он пригласил меня играть в шахматы, через две минуты он уже расспрашивал меня про мою веру в Бога и почему я не верил, «надо быть терпеливым в этом, Крэйг!». Такие разговоры твердые, конкретные и искренние. Не было small talk, никакого chatting. Был вариант «душевный разговор — или ничего». И это было очень круто.

— **Ваш любимый фильм у Балабанова?**

— Сейчас подумаю. (Вздыхает.) Сложно сказать любимым, потому что они все — впечатляющие. Один из самых впечатляющих фильмов в моей жизни — это «Груз 200». Я ощущал это как тяжелый удар в живот. Физическое ощущение. Как будто часть мозга отклеилась. Если вы знаете Ларс вон Триер? «Меланхолия»? «Груз 200» на этом уровне. Я не пожалел, что увидел. Еще раз не посмотрю, но это было нужно. Мне было важно понять Россию со всех сторон, не только с тех, которые нравятся, а те, которые пугают, тоже. Такое есть в каждой стране.

Мне понравился его «Морфий», потому что это моя любимая русская книга. Я обожаю Булгакова. У меня очень долго в интернете был никнейм Bulgakov.

Ну, и «Брат-2», немножко такой русский экшн-фильм, похож на «Рембо».

— **А как вы сами попали в кино?**

— Месхиев как режиссер начинал фильм «Ладога» (мини-сериал 2013 года), а я тогда учил его и нагло просто сказал: «А там нету британских солдат?» Я думал, что могу найти

какую-то мелкую роль. Он такой: нет-нет. Потом: «А немецкий знаешь?» — «Знаю». — «Хорошо! Пилотом будешь». Они как раз искали немецкого пилота. Но оказалось так много текста! Я даже нанял преподавателя, потому что перестал заниматься немецким, когда влюбился в русский.

Потом много кастинг-директоров узнали про меня, и я стал такой... ну, стандартный иностранец: у меня мордочка иностранная, и я говорю по-русски. Так что я хорошо подходил, но навыки актерские, их у меня мало.

— **Сколько уже фильмов у вас? Британского солдата так и не дали сыграть?**

— 6-7 фильмов. Не дали пока. В основном это фашисты. Один раз американский шпион, еще мелкие дипломаты.

— **В издательстве «АСТ» в 2021 году вышла ваша книга «Извините, я иностранец». Очень классная, я читала отрывки и хохотала. Что в итоге понравилось больше — быть писателем или актером?**

— Писателем! Актером — это тяжелая работа на самом деле. Актеры делают гораздо-гораздо больше, чем просто прочитать слова. Это волшебство. Я видел, как только началась съемка, у них голос, лицо, даже осанка поменялась! Все тело. Аура у них меняется. Это были актеры театра, которые пришли в сериал.

И еще в кино ты ждешь, ждешь, ждешь, а потом тебя сунут перед режиссером и камерой, и 50 человек смотрят. И каждая твоя ошибка стоит 10 тысяч долларов. Неприятно. Один был режиссер очень злой, который кричал мне (*кричит неприятным голосом*): «Станиславского не слышу!», что я плохо играл. Он так орал. Он так не любил меня. Все меня жалели. Это было дико. Сейчас я бы просто ушел, сказал бы: «Оставьте себе деньги и пошлите вы знаете куда!» А тогда я был моложе и просто терпел.

И был другой режиссер: даже когда я забыл слова, он спокойно относился к этому. Такой прекрасный человек. С такой русской добротой. И все потом очень хорошо у нас пошло.

— **Как и где вы познакомились с женой Алисой?**

— Когда-то давно она наняла меня через мою подругу, хотела учить английский. Но тогда она была замужем, и романтики никакой не было. И спустя три года, мы уже перестали заниматься, она написала. Я был в Англии, потерял все: визу, контракт, все закрылось медным тазом... А, закрылось, спасибо! Это из моих любимых выражений. Алиса постоянно так говорит.

И она спросила: «Не собираешься ехать в Россию? Мне нужны уроки». Это был момент, когда я был на дне... стал думать про жизнь в Англии. И ее звонок был такой... надеждой, что в России меня ждут. И я вернулся и учил ее еще один год. Потом через год мы начали дружить, и когда я

работал на кинофестивале Месхиева, у меня был билет на церемонию завершения. Я ее пригласил. И тогда началась романтика.

— **Что в вашей семье заведено по-английски, а что по-русски?**

— М-м-м. Ну, некоторый английский индивидуализм есть. Немножко такая отдельность и граница. Но, знаете, много наших западных мужчин жалуются, что жена в ресторане или на дом ничего не заказывает, а потом берет еду у них из тарелки. Им не нравится. А в России все едой постоянно делятся. И это все разрешено между нами. Но сначала мне было неловко. И когда гости приходили и начинали есть мою еду, как будто они дома... Но это моя еда! (*Смеется.*)

Это место, где я не русифицировался, хотя скрываю это. Я не согласен с домашним коммунизмом. Я старался это убрать и быть как щедрый русский человек. Я же хожу к друзьям, ем у них, и им не жалко. Но я не могу, я... как это слово? Ну не, не скупой. Жадный! Я жадный иностранец! Я ничего с этим не могу делать.

— **А в чем вы стали русским?**

— Я стал более конкретно и прямо говорить, без всяких украшений. В Англии все удивляются, что я смею такое делать. А в России это такая радость: как думаешь, так и сказал. Если не прав, может быть какой-то срач, но потом все будут дружить снова.

— **Крэйг, вы сочинили замечательный куплет к гимну России. Это же вы сочинили?**

*«И прыгают кони, гуляют медведи,
Пушистые волки страну сторожат!
Растут у нас грибы и красные ягоды,
Варенье ты ешь, я сварила сама!
Сла-аа-ався, Оте-ее-чество!..»*

— Да, это мое! (*Радостно смеется.*) Мне нравится гимн России. Мне завидно прямо. В вашем гимне про страну, про историю, про предков, про будущее, про народ. Это так вдохновляет! Ну, еще и музыка, конечно. Этот гимн делает то, что гимн и должен делать. Ты поешь и чувствуешь что-то. Я с трудом пою русский гимн, у меня слезы появляются.

— **Долго вы писали этот куплет?**

— Пять минут! Я просто закрыл глаза и подумал, что русские любят? Ну, вот варенье, всякие ягоды, животные красивые большие... И все пришло как-то очень быстро.

КАК АМЕРИКАНКА ПРЕВРАЩАЕТ УЛИЦУ СОВХОЗНУЮ В «УЛИЦУ СЕЗАМ»

«Для меня Америка — как мама, а Россия — как папа. Сегодня я переживаю все это, как свое личное». История Лоры Пикенс, родившейся в Калифорнии и переехавшей в Краснодар.

беседовала Светлана Ломакина
фото автора, архив героини публикации

Я ждала Лору во дворе ее многоэтажки на улице Совхозной в спальном районе Краснодара. Вокруг толпой носились дети, на лавочках в тени деревьев прятались от жары старики. Во дворе царила краснодарская сиеста.

Но, как только появилась Лора, мир вокруг закружился: у одного соседа она справилась о здоровье, другого спросила, когда же рожает жена, третья дама сама обратилась с вопросом о подготовке детей к школе. Лора входила в разговоры со скоростью пулемета.

— Мне очень нравится наш двор! — сказала она мне с гордостью. — Он моя детская мечта. Я родилась в Калифорнии, там было много соседей, много детей, и я росла на улице. Когда мне исполнилось 10 лет, родители переехали в Южную Каролину, там мы жили в лесу — никаких соседей. Для родителей это был кайф, а я любила людей! Хотела жить, как в «Улице Сезам» — знаете такую детскую передачу? Там герои живут на одной улице очень дружно, всегда помогают друг другу. Здесь в Краснодаре это комьюнити есть.

Вот я вижу женщину, она уже лет пять работает в «Магните». Я знаю ее детей и семью. И она нас знает. Один раз мне надо было подняться домой, и я хотела оставить своего ребенка ненадолго одного на площадке. Он начал плакать, я сказала: «Саша, посмотри вокруг — это твои соседи. С ними у тебя никогда не будет чувства потерянности, ты не должен переживать!» У меня в детстве не было такого чувства даже в Калифорнии. А тут мы вместе. На праздниках вместе, воду отключили — ругаться идем вместе. И мне это по душе.



— Летние отключения воды — классика русской жизни. Привыкли уже?

— О да! Набираю баклажки. *(Смеется.)* Вообще это, конечно, неудобно, но детей купать в ванне, поливать их, как в детстве, мне нравится, это очень трогательно.

Лора вышла ко мне в легком белом платье, волосы выкрашены в блонд, яркий макияж, стильная бижутерия.

— Вы красавица. Как киноактриса, — не смогла я промолчать. — Думаю, что наши южные мужчины это тоже замечают.

— Но я не знаю, это потому что я выгляжу, так мне говорят, как Мэрилин Монро, или потому что я громкая? А может потому, что я улыбающаяся? Я всегда улыбаюсь и со всеми разговариваю: с бабушками очень люблю, они интересно рассказывают о прошлом, с рыбаками, в магазинах...

— С харрасментом вы не сталкивались?

— Это очень важная тема, — улыбка моментально сходит с

ее лица. — Меня многие знакомые здесь спрашивают, почему в Америке это такая обсуждаемая тема? Почему MeToo так себя ведет? Они не любят мужчин? Нет. Это реально не комфортно. Я всегда была яркой девушкой и в 15-16 лет уже выглядела, как взрослая. И на моей работе шеф, коллеги, клиенты были неадекватны во внимании ко мне. И мне хотелось от них защититься.

— А здесь, в России, есть такой напор?

— Здесь я работаю репетитором, у меня нет начальника, поэтому я не знаю, что должна делать женщина, чтобы продвигаться по карьерной лестнице. Но из того, что я слышу, у вас нет настолько острой проблемы. Для женщины здесь нормально надеть на работу облегающие брюки, которые подчеркнут ее фигуру. Считается, что она показывает свою красоту. В Америке такие брюки воспримут как сигнал, рекламу. Почему так, я не знаю. Но одна мысль у меня есть. Когда у вас был первый женский космонавт? Валентина ее звали.



Калифорнийское детство Лоры.

— **Терешкова полетела в космос в 1963 году.**

— А в Америке первая женщина-астронавт полетела в 1983-м! У нас еще 20 лет назад была такая установка в обществе: «Женщина?! Ой, пожалуйста, не надо!» Это наш менталитет. Но сегодня у вас многие неправильно воспринимают феминизм. Это не ненавидеть мужчин. Феминизм — это одинаковые права, возможности и зарплаты. У вас тут никогда не было таких проблем, как на моей родине. Но тут есть другое: многие женщины дома часто чувствуют себя, как раб. И они сами так для себя делают! Сейчас объясню. Мой старший сын Саша... как называется ребенок, который ничего не кушает?

— **Малоежка.**

— Да, мой сын такой человек. Я решила делать ему каждый день недели одинаковое меню, чтобы он привык: понедельник — пицца, вторник — тако, среда — фрайд чикен, жареная курица, четверг — спагетти, пятница — рыба, суббота — большие сэндвичи, воскресенье — котлеты. Получается, разное меню из разных стран. Суп постоянно мы не едим. Мамы в России говорят, что это неправильно, но я американка, я к этому не привыкла, простите меня все! Хотя иногда я готовлю что-то русское: борщ, солянку, плов. Очень люблю селедку под шубой. Обожаю окрошку!

ЖИЗНЬ В РОССИИ НЕПРОСТАЯ. ДАЖЕ КОГДА ТЫ ЧУВСТВУЕШЬ СЕБЯ СТАБИЛЬНО, ПОНИМАЕШЬ, ЧТО ВСЕ РЕЗКО МОЖЕТ ИЗМЕНИТЬСЯ. НО ЛЮДИ К ТАКОМУ ПРИВЫКЛИ И ВСЕГДА ГОТОВЫ ЕЩЕ К ХУДШЕМУ: «ЧТО ТАМ ОПЯТЬ? ДА ЛАДНО?! ДАВАЙ-ДАВАЙ! НЕСИ СЮДА ЕЩЕ ПРОБЛЕМЫ! Я ВСЕ РАВНО БУДУ ЖИТЬ РАССЛАБЛЕННО!»

— А я ее так и не поняла.

— Что ты! Это же мокрый салат! Вот видишь, получается, я в этом больше русская, чем ты. Но я не понимаю вареную курицу. Это же ужас! Есть тысячи пособий «Как приготовить курицу», а вы делаете самое скучное, неприятное... Но я отвлеклась. О домашнем рабстве: я очень люблю, но сама не готовлю пельмени. Их делают те, у кого есть время и кто думает, что жизнь требует жертв. Если ты сам не сделал пельмени, ты неправильная мама. Все, что сделано быстро, это некачественное, и детей так кормить нельзя. Готовить надо так, чтобы было больно! Только тогда еда будет полезная, и мама будет молодец! *(Смеется.)* Нет, я такое не делаю.

— Давайте теперь с самого начала. Расскажите о своей семье и о том, как вы оказались в России.

— Мои предки по папиной линии из Германии, они приехали в Америку сто лет назад. А по маминой род идет еще со времен Авраама Линкольна, мои прапрапрадеды жили в средней части Америки и занимались фермерством. Папа у меня работает в сфере IT, а мама занималась консалтингом. Когда мне было лет пять, мы на время переехали жить в Лондон. Это было очень impressive, эти детские воспоминания очень на меня повлияли, и я хотела это чувство — жить, где все другое, повторить. Думала, что поеду в Германию, на родину предков, но потом я захотела в Россию. Когда уже закончила институт и поработала графическим дизайнером, решила, что все, пришло время — еду!

— Почему Россия?

— Она была, как *enigma*. Страна с тайной. Когда я была маленькая, в школе нам говорили, что СССР — это враг. «Хорошо, что ты живешь тут, а не там». И мне было так интересно, а что там такого страшного? Я не верила и хотела узнать загадку России. В 90-х наши отношения потеплели. Помню, как я побывала в музее Space Center Houston *(Космический центр Хьюстона)*. И там увидела, какая Россия сильная страна в космонавтике. Этот музей показывал, что мы можем дружить. Пусть будет конкуренция, но она помогает нам развиваться и работать!.. Это было чудесное время, а сегодня мое сердце разбито, когда я вижу, что происходит. Мне очень жаль, это очень неправильно. *(Голос дрожит.)* Для меня Америка — это как мама, а Россия — как папа. Я переживаю все это, как свое личное.

Лора замолкает, глаза ее влажнеют. Неловкая пауза. Я прошу разрешения снять с ее белого платья напившегося крови москита.

— Краснодар — это как джунгли! — Лора мгновенно переключается, смеется. — Но и в Ростове тоже так, небольшая разница?

— Совершенно небольшая!

Хохочем уже обе.

— Итак, 13 лет назад вы прилетели в страну-энигму. Что вас тогда удивило?

— Я прилетела летом, мы ехали в Краснодар через поля, через фермы, и был большой овраг с водой, по берегу через каждые 50 метров стояли таблички «Купаться запрещено!». И под каждым знаком купались люди. Не между табличками, а именно под ними. И это было мое первое подозрение, что вот она, русская душа.

Потом я начала узнавать город и увидела, что здесь люди постоянно бегают: за автобусами, к открытию магазина. Почему они так боятся опоздать, я до сих пор не понимаю. И за все эти годы бегать не стала: спокойно подхожу, и мне открывают дверь.

Жизнь в России непростая. Даже когда ты чувствуешь себя стабильно, понимаешь, что все резко может измениться. Но люди к такому привыкли и всегда готовы к еще худшему: «Что там опять? Да ладно?! Давай-давай! Неси сюда еще проблемы! Я все равно буду жить расслабленно!» И сейчас, когда мир захотел заставить россиян погрустнеть, они сказали: «Нет!» И это тоже русская душа, которую многие не понимают.

Лора хорошо изучила Краснодар, объездила его весь на велосипеде, жила в разных районах. Живет скромно, одевается на распродажах в интернет-магазинах. Отхватывает сережки за 200 рублей и платья за 500. Переплачивать за бренды глупо, это, говорит, типично американская черта.



Лора с сыновьями Сашей, Даниилом и мужем Виктором.

— Наше с вами знакомство по телефону началось на бегу: вы бежали на родительское собрание, я тоже спешила в школу. Но я занятая мать, вечно все пропускаю, а вы в школе чуть ли не живете. Что вы там делаете?

— Я занимаюсь волонтерской работой. Помните, я сказала, что хотела бы жить, как в «Улице Сезам»? И свою жизнь я строю так, чтобы помогать людям. У меня ведь очень удачная судьба, поэтому я хочу благодарить ее и отдавать добро обратно. Сейчас я отдаю свою любовь, силы школе — в материнском комитете. Наши дети — самое важное, что у нас есть. На каком бы языке не говорила другая женщина, она любит своего ребенка так же сильно, как и я своего. Это наша точка соприкосновения.

У нас в школе вначале были сложные отношения: родители не могли понять друг друга, дети не дружили. Я не хотела входить в комитет. Думала, я глупая американка, не знаю тут ничего, не очень хорошо говорю по-русски. Но во время собраний, когда увидела, что люди не могут договориться, поняла, что я тут нужна. В Америке я работала в коммуникациях. Решать сложные вопросы мирным путем — это мой calling, призвание. И я стала ходить на собрания и говорить: мне важно ваше мнение и ваше тоже, но давайте попробуем сделать так? Наш лексикон стал меняться, среда уже не такая токсич. И дети стали дружить.

— При этом вы работаете репетитором?

— Да, учу людей разговорному английскому. Пять дней в неделю по семь занятий в день. Поэтому у меня нет времени на «делать домашние пельмени!» (Хохочет.)

— Вы знаете и нашу систему образования, и американскую. Что можете о них сказать?

— Я знаю, что в России ругают систему образования, которая у вас последние 20 лет. Много экзаменов, много бумаг у учителей, мало времени на обучение. Эти проблемы пришли к вам из нашей американской системы. У нас там не только ЕГЭ, ОГЭ, но и каждый месяц контрольные работы. На учебу времени остается очень мало. Я в школе училась очень хорошо, но ни к университету, ни к работе не была подготовлена. Потому что в американской школе детей не готовят к настоящей жизни. И вообще, если в 11-м классе ты знаешь, что такое глагол, ты уже молодец! Если не знаешь, «ну, ничего, ты же старался». Когда я пришла на работу, оказалось, что я ничего не знаю и не умею. В России школьники к жизни готовы. Но есть и минусы: учителя подробно не объясняют, многое надо учить самому. То есть мне не нравится ни американская система, ни русская, которую я сейчас вижу. Советскую систему я не видела.

— **Как вы выбирали имена сыновьям?**

— Саша был сразу, это международное имя. Второго сына я тоже хотела назвать международно — Роберт. Но муж сказал: у нас так зовут таксистов из Сочи. И предложил назвать сына в честь его любимого писателя Даниила Хармса. Объяснил мне, что он абсурдный и некомфортный. И я сказала: я за! Мы все такие: абсурдные и некомфортные! (Смеется.)

— **Ваш муж местный. Рок-музыкант, насколько я знаю. Гитарист?**

— Надо говорить басист. Музыканты, когда так говоришь, обижаются. Мы познакомились на рок-вечеринке. Я думала, дети будут говорить на двух языках: со мной на английском, с папой на русском. Но поскольку папа у нас почти ничего не говорит, а мама говорит бесконечно, дома дети общаются на английском. А в школе, во дворе — по-русски.

— **В чем разница между американскими и русскими мужчинами?**

— Американские более эмоциональные. Мы позволяем им плакать. Многие думают, что они из-за этого слабее, но нет. Русские мужчины брутальные, но, если у них копятся эмоции, они или ругаются, или бухают. Это проблема, поплакать было бы лучше для здоровья.

— **Вы рожали в Америке или здесь, в Краснодаре? В обычном роддоме?**

— Даже интереснее: у меня тогда не было гражданства, и я рожала в больнице для... как это слово? Негражданиц?

— **Негражданин, мигрантов?**

— Наверное. Я не платила никому. Думала так, если врачи каждый день принимают детей, то они умеют это делать. Пришла и сказала: «Вы эксперты, я вас буду слушаться!» После родов меня положили в палату с другими женщинами. И мы друг другу помогали: у кого-то ребенок плачет, кому-то звали врача. Мне такие взаимные помощь и общение нравились.

В Америке я бы заплатила 10 тысяч долларов и лежала бы в палате 5 звезд. А зачем? Мне нужен здоровый ребенок, и все.

Врачи ко мне были очень добры. А женщины в палате говорили: «Это потому, что ты американка». Но я думаю, нет. Потому что я готова была их слушаться и уважала их знания. У моего сына после рождения нашли артрит. И три недели мы лежали в больнице. Там была очень строгая врач, немножко страшная. Но я поняла: она любит не вас, а вашего ребенка, своего пациента. У нее достаточно знаний, чтобы его вылечить, и вам надо только не мешать. Я это обожаю! В последний раз, когда мы были у нее, я хотела сказать ей очень большой текст: «Мне очень нравится ваше внимание

к моему сыну, на-на, на-на...» А как увидела ее, сказала только: «Я вас люблю!» Она не ожидала, кажется.

— **У вас как-то был пост в телеграме о том, что русские замкнутые, осторожные, всегда ждут плохого исхода. Можете привести пример из жизни?**

— Давай. Мы в супермаркете получили купоны на хорошую скидку. Они действовали один день. Мы купили, что хотели, и у нас осталось 12 лишних купонов. Я подошла к людям и начала искать, кто хочет? Но люди мне не верили: какая-то странная, отдает свое. Потом одна женщина все-таки взяла купон, за ней взял мужчина, который раньше отказался...

Такие поступки я стараюсь делать постоянно: покупаю что-то для школы, помогаю соседям, людям на улице. Иногда меня считают странной или глупой, но в 98% случаев я вижу положительный результат: я помогаю кому-то, он поможет еще кому-то. А потом добро снова вернется ко мне. В Америке есть такое выражение — pay it forward, заплати вперед. Впервые я столкнулась с этим, когда была студенткой. Я стояла у автомата с чипсами, очень голодная, а денег не было. Какой-то человек заметил меня и дал доллар. Я обещала его вернуть, но он сказал: не надо! Я решила отдать этот доллар другому человеку, кому он будет нужен. Так я живу с юности. И в России, где люди очень настороженные, живут трудно, в сложных условиях, эта передача добра очень нужна, она нас всех поддерживает.

— **Что вы еще поняли о русских за эти 13 лет? И сильно ли вы русифицировались сами?**

— Не думаю, что очень сильно. Иногда мне говорят: ты больше русская, чем американка. Но нет, я американка — доверчивая, эмоциональная, открытая. Может, только перестала сильно загадывать наперед, быть уверенной в своем будущем? В этом да, я уже похожа на русских. А еще я стала говорить русскую мантру — все будет хорошо. Это такая магия, с ней легче жить.

А что я узнала о русских? Они сильные, аккуратные, умные. Но это не выученный ум. У нас есть такое выражение street smarts. Не могу точно перевести, но это мудрость, которой не учат в школе. Русские очень быстро понимают, кто перед ними, что от человека ждать, их трудно обмануть. А американцев легко, я тоже очень доверчивая и уже на первой встрече думаю, что человек передо мной хороший и желает мне добра. Поэтому я первая иду на контакт и обращаюсь ко всем с улыбкой. Но видите же по нашей «улице Сезам», как реагируют люди? Цепочка добра работает!



ИЗРАИЛЬТЯНИН ИЛАН ОСТРОБРОД — ОБ АСТРАХАНСКОЙ РЫБАЛКЕ, СЫЗРАНСКИХ ГРИБАХ И ЖЕЛЕЗНОМ РУССКОМ ХАРАКТЕРЕ

В конце нашего разговора я пожелала директору московского кошерного супермаркета удачной рыбалки в Астрахани. «Вы что! — Илан прямо взвился. — Скажите — без хвоста, без чешуи! Вы же с Дона, у вас же тоже рыбалка! Как можно такое желать?» Взвился — и тут же над собой посмеялся. Для евреев смеяться над собой — часть культуры. Такая же, как для нас верить в приметы про хвосты и чешую.

беседовала Светлана Ломакина
фото Илья Иткин, архив героя публикации

Илан родом из Хайфы. Туда в 1972 году переехали из Одессы его бабушка и дедушка — Сара и Изя. Так началась израильская часть семейной саги Остробродов. В 1978-м в ней появился еще один герой — внук Илан. И Сара Соломоновна, одесский учитель русского языка и литературы, начала вкладывать во внука разумное, доброе, вечное.

— Бабушка никогда не заставляла меня учиться. Она просила. Но так, что я не мог ей отказать. *(Смеется.)* Пока мои друзья играли в футбол, у меня было «Я помню чудное мгновенье». Потом дедушка Изя тащил меня на шахматы. Я еще не все буквы выучил на иврите, но знал наизусть таблицу умножения. То есть я рос как советский еврейский мальчик. Дома все говорили на русском. И только, когда бабушка наезжала на дедушку, переходила на иврит. Очень скоро он стал и моим основным языком и вытеснил русский. Говорить по-русски я более-менее мог, но чтение и письмо совсем пропа-

ли. Когда я приехал в Россию, пошел в Люберцах в школу, к учительнице младших классов, и попросил подучить меня писать и читать. А потом понял, что сейчас это не очень нужно: можно нанять секретаря, в телефоне есть словарь и Т9, все стало значительно проще.

— **Что еще помните из израильско-советского детства?**

— Как дедушка ел картошку в мундире. Это был целый ритуал: он отваривал картошку, нарезал селедку, брал рюмку водки и произносил: «Рыба должна плавать!» Этой рюмкой он и ограничивался.

— **Почему вы решили переехать в Москву и делать бизнес здесь?**

— У меня в Израиле был ресторан, много русской клиентуры: ваши олигархи, Роман Абрамович. И многие русские говорили: ты должен со своими мозгами ехать в Россию, у тебя все получится. Я рискнул. Приехал в 2005-м к другу — осмотреться, понять, чем могу заниматься. Друг угощал меня супом, и я попросил крутоны — такие подушечки, подобие гренков, у нас их добавляют в суп. Друг говорит: закончились, надо привезти из Израиля побольше. И я понял: вот то, что нам нужно! Привез целый контейнер. Половину продали, половина осталась — отдали собакам. А сегодня в моем супермаркете «Кошер гурме» это самый популярный продукт. Дело в том, что тогда я был еще слабенький: понимал культуру, людей, но не понимал, куда надо двигаться в сторону бизнеса. И места продаж были не очень удачные: хлебные отделы, углы какие-то — люди не понимали, что это за товар. Сейчас наш супермаркет находится недалеко от главной синагоги и Еврейского музея. И крутоны, или шкедей-марак на иврите, не залеживаются.

— **Что еще из кошерных продуктов пользуется популярностью в Москве?**

— Если называть топ-пять, то помимо крутонов это турецкий кофе из Израиля, растворимый кофе из Израиля, вино и бамба — это хрустящее лакомство из арахиса, как кукурузные палочки.

— **А вы из русских блюд и продуктов что любите?**

— Их очень много. Я же вырос на советско-еврейской кухне — все ем. Удивила меня тут только рыба. Нигде в мире больше нет такой вкусной! Судак, лещ, камчатская рыба. Когда я еду в Хайфу, везу в подарок красную икру, щучью икру, о которой многие даже не слышали.

— **Ваши самые первые впечатления от российской столицы.**

— Я приехал зимой! Нет, я слышал о русском холоде, но не представлял, что это такое: вышел из аэропорта в своей, как мне казалось, теплой курточке, джинсах и кроссовках на улицу — и чуть не умер на месте. В Москве было минус

**ИНОСТРАНЦЫ
ПРИЕХАЛИ, КАКИЕ-
ТО ОТЧЕТЫ
ПОКАЗЫВАЮТ
НА ПРЕЗЕНТАЦИИ:
СИНИЕ И КРАСНЫЕ
СТРЕЛОЧКИ,
СЕКМЕНТЫ РЫНКА.
И СИДЯТ ДВА
БОГАТЫХ РУССКИХ
МУЖИКА. ИМ ВСЕ
ЭТО ПОКАЗЫВАЮТ,
ЧТОБЫ ОНИ
ВЛОЖИЛИСЬ
В БИЗНЕС.
НО МУЖИКИ МОЛЧАТ,
ИМ СКУЧНО.**

пятнадцать, и стеной шел снег. Я бегом до машины, меня встречали друзья, и кричу: «В магазин! За теплыми вещами!» Когда оделся, пошел гулять по Москве. И все меня тут удивляло. На Красной площади за ЦУМом продавали «феррари» и «бентли». На улицах куча «мерседесов» и других дорогих машин. Когда я уезжал, в Израиле такого не было. Ну «мазда», ну «субару». «Роллс-ройс», может, один на весь Израиль отыщешь. К московской роскоши я не был готов. И к таким огромным размерам города, расстояниям тоже. Несколько дней изучал метро.

— **Язык вы знали. Но все же, наверное, случались какие-то неувязки?**

— Некоторые слова я наделял своими значениями. К примеру, думал, что дилетант это профессионал. И уважительно говорил про кого-то: «Ну, что вы! Он же дилетант!» И все на меня так смотрели, с удивлением, иногда посмеивались, но открыто никто ни разу не сказал, что я несу ерунду. (Смеется.)

Вы, ты — тоже до сих путаю. Обращаюсь ко взрослому человеку на ты, потом начинаю извиняться. Еще отчества. В Израиле их нет, поэтому я запоминал что-то одно: вот



Илан на работе.

идет мой деловой партнер Леонидович. А как его зовут? Начинаешь издалека разговор, чтобы получить подсказку, вспомнить имя. Медленно-медленно я привык и к этому, а что делать?

— **Как вам правила ведения бизнеса в России?**

— Здесь легко открыть фирму: нужно 10 000 рублей уставного капитала, пошел, зарегистрировался, оформил документы у нотариуса — и ты уже бизнесмен. В Израиле эта процедура значительно длиннее и дороже.

В России легче работать с поставщиками, проще договоры. Все прозрачно и понятно: не нужно приглашать юриста, чтобы вникать в каждую мелочь. В Израиле даже договор на коммунальные услуги — такое событие! Тут так: ты мне шаблон договора, я его подписал — и все, работаем. Эта простота мне нравится.

И сотрудников низкого звена в России легче найти, чем в Израиле: грузчиков, уборщиков, работников зала.

А еще в русском бизнесе многое делается на импульсе. Был я как-то на важной встрече: люди обсуждали большие дела, инвестиции. Иностранцы приехали, какие-то отчеты показывают на презентации: синие и красные стрелочки, сег-

менты рынка. И сидят два богатых русских мужика. Им все это показывают, чтобы они вложились в бизнес. Но мужики молчат, им скучно. Подходит время обеда. Поели, выпили по сто граммов, заговорили о жизни. И тут мы слышим: «Ладно, фиг с вами, надо попробовать». В этот момент я понял, что вот так Россия и живет, на импульсе. И что мне тут будет нескучно! (Смеется.)

— **Чем русские евреи у вас на родине отличаются от местных, израильских?**

— Всем. В первую очередь, русские, хотя будем говорить шире — жители бывшего СССР, не знают иврит. Они живут в своей культуре, слушают русскую музыку, смотрят свои фильмы, общаются только между собой. Одежда у них была поначалу другая — однотонная, темная, а у израильтян светлая и яркая. Местные ходили во вьетнамках, а русские надевали сандалии с носками.

Второе — это мимика и жесты. Израильтяне очень сильно разговаривают руками. Есть даже такая шутка: если завязать израильтянину руки, он онемевает! И вот еще вспомнил анекдот. Пожилой еврей долго наблюдает за регулировщиком на оживленном перекрестке. Наконец не выдерживает

и подходит к нему: «Я очень-таки извиняюсь, но с кем вы все это время разговариваете?» Израильские евреи все такие! И я сейчас, когда с вами общаюсь, в одной руке держу телефон, а левая мне помогает в рассказе. Третье — русские евреи тихие. Они говорят спокойно, входят спокойно. Вот я тоже, живя в России, стал потише. И почти ушла моя еврейская наглость. В Израиле нормально подойти в ресторане к чужому столику, вытащить из чужой пачки сигарету, сказать «спасибо» и уйти. Или даже не сказать. В России ты можешь получить за такую наглость по башке. У меня таких случаев не было, я это заранее усвоил. *(Смеется.)*

— В чем вы еще изменились за годы жизни в Москве?

— Стал большим джентльменом: даю женщине первой выйти из лифта, подаю руку, ухаживаю. В Израиле все это было необязательно: в ресторане принято, что каждый платит за себя, женщина может даже обидеться, если ты взял ее счет. Она же тоже зарабатывает, равные права! Тут какой бы состоятельной ни была женщина, ты должен заплатить — это культура.

К одежде долго привыкал. В Израиле всегда тепло, и в гардеробе у нас три пары кроссовок и стопка маек. В России нужна куча одежды. И шесть видов обуви, которую все время надо чистить. Куртки, ветровки, пуховики, плащи, куда это все девать?! А у женщин шубы! Раньше я не мог отличить шиниллу от драной кошки, а теперь умею и понимаю: вот идет женщина в норке, а это соболь. Когда моя бабушка Сара умерла, мы открыли ее шкаф, а там лежали две шубы. Она привезла их в Хайфу из Одессы и так ни разу и не смогла надеть...

Когда ты идешь в России на какое-то мероприятие, ты должен «одеться». В Израиле это только начинается: года два три как стали носить костюмы на мероприятия. Когда я уезжал, такой культуры не было, в банк и на деловую встречу можно было пойти в шлепанцах, главное, чтобы у тебя были дорогие солнечные очки. В Москве я тоже однажды так пришел в банк и запомнил, что очки тут не помогут; в России в банк лучше надеть костюм. *(Смеется.)*

Я стал внимательнее к словам. В Израиле ты можешь обидеть человека, извиниться, еще раз обидеть, еще раз извиниться — и все это в течение десяти минут. В России такой номер не пройдет.



Илан на рыбалке.

Привык к более холодным отношениям с соседями. В Израиле все знают, кто с кем и почему. В России, если ты живешь в большом городе, хорошо, если знаешь по имени двух соседей. Сейчас, слава богу, мы переехали в частный дом, в деревню Малаховку. Это не очень крутой поселок. Много дачников, много приезжих. Мы общаемся, каждый может постучать, попросить шланг. Так жить мне нравится.

— У вас в семье отмечали русские праздники? Они отличались от праздников здесь?

— Конечно! Я всегда знал, что есть Новый год, но не знал, что он может продолжаться неделю. Приехал к своим друзьям в деревню, их дачи — забор к забору. Поприветствовали в одной семье, поздравили другую, третью. Потом вы-

несли стол на улицу, собралась вся деревня — 12 часов, поздравления, фейерверки. Хорошо! Праздник закончился, все пошли спать. Наступило 1 января — и все повторилось. Плюс поиграли в хоккей, снова поели-выпили, пообщались. Ладно. 2 января: снова гости, оливье, селедка под шубой, шампанское, разговоры. 3 января: праздничное мясо закончилось, начались шашлыки и «особенный салат» от чьей-то тещи... До 4 января я доживал, но потом, — тут Илан делает многозначительную паузу, и в его голосе появляются повинные нотки, — потом я уставал. А мои русские друзья еще держались. Но это ваш колорит. Нигде в мире такого нет, кроме России. И, я считаю, это должно оставаться. В середине декабря говорю моим поставщикам из Израиля: если мы сейчас не успеем, то до 12 января я не смогу перевести вам деньги. Они удивляются: «А где ты будешь все это время?» Я на месте, но страна на стопе. Как в поезде: 28 декабря дернут стоп-кран — и все! Израильтяне реально не могут это понять.

— В чем вы стали немножко русским?

— Вот в этом во всем, о чем рассказал, и стал. Новый год, рыбалка в Астрахани, куда я езжу два раза в год за полторы тысячи километров. Сегодня ночью как раз уезжаю в Астрахань. Для Израиля, который можно объехать за 9 часов, такое путешествие — как полет в космос. Там, чтобы проехать 300 км, ты уже готовишься внутренне, моешь машину... Когда я им рассказываю о жизни и расстояниях в России, они очень удивляются. А многие, наверное, до конца и не верят.

— Я была в Астрахани по работе. Пасла верблюдов. Вы там с таким колоритом не сталкивались?

— Верблюды для меня не колорит, в Израиле их много. Но лошади! Красивые, большие, они бегали вдоль реки — гривы туда-сюда. Смотришь на них, и дыхание останавливается.

Был в Карелии, там деревья выходят из воды, дома из старого дерева — это неопишимо!

Я очень люблю рыбалку, из-за нее я бывал даже на Камчатке. Вообще видел 25 городов и много-много настоящей России.

Москва — это город работы и богатства. Все бегают, покупают-продают, суетятся. А Россия живет совсем по-другому. Едешь в Сызрань, видишь эти деревянные дома, вдоль дороги продают ягоды, грибы, рыбу. Помню, заехали в какую-то деревню, девочка продавала грибы. Холодно так было — она стоит вся накутанная, лицо такое красивое, но очень грустное. Мой друг так ее пожалел, что купил у нее все, что было, 20 ведер грибов! У нас было 3 машины, мы загрузили этими грибами багажники доверху, а потом насильно дарили их всем друзьям. (Смеется.)

Вот это настоящий колорит России. Смотришь, насмотреть-

ся не можешь — на природу, такую разную, на старую архитектуру. Настоящая Россия — это то, что есть вокруг областных городов.

...Дважды на дороге в России мы вылетали в кювет. В первый раз нас вытащили русские мужики на тракторе, а второй раз — чеченцы на «кадиллаке». Если бы такое случилось в Европе, мы бы вызывали дорожную службу. Они бы долго ехали, потом вытаскивали нас по всем правилам, тоже очень долго. А тут только вылетели, подбегают какие-то мужики — дернули, поехали!

В этом и есть русский характер. Русский человек сделан из железа. Как вы думаете, сколько израильтян знают «накопи дрова топором»? А тут каждый мальчик, что жил на деревне у бабушки, это умеет. Как вы думаете, сколько израильтян знают, как солить и сушить рыбу? Русские люди подготовлены к жизни в спартанских условиях.

— Вы не раз в интервью восхищались нашими пенсионерами. В России стариков принято жалеть: пенсии маленькие, лекарства дорожают и так далее.

— Нет, я ими правда восхищаюсь. Мой тесть, когда ему было за 70, косил траву только косой. Я с газонокосилкой устаю!.. Теща живет с нами на одном участке, но в отдельном доме. И вот она постоянно в работе: зимой чистит лопатой снег, весной сажает цветы, летом что-то пропальвает, осенью копает. Притом, что она еле ходит! Никто ее не заставляет это делать, она так хочет. А наши израильские пенсионеры целыми днями сидят на скамейке — и «ля-ля-ля». Мне кажется, они знают больше следователей!

— У вас жена русская. Как познакомились?

— Я управлял продуктовым магазином в поселке Томилино, это Люберецкий район. У меня были небольшие поставщики, такие люберецкие пацаны, вежливые боксеры, которые стали бизнесменами. И они каждый раз просили, чтоб я закрыл им накладную на 23 600 рублей. А поставщиков у меня было под полтысячи, поэтому про их 23 600 я каждый раз забывал. Ну, и те ребята говорят своему бухгалтеру: «Слушай, Ульянов, ну что уже в сотый раз ехать туда из-за копеек? Зайди к тому болгарину, поговори с ним». А меня часто принимают то за итальянца, то за испанца, тут я стал болгарин. Вот она приезжает, узнает, что я не болгарин, и говорит вдруг: «Как я ненавижу вашу фаршированную рыбу» (злая была, что пришлось ехать ко мне из-за мелочи). Я ей: «Ну, ладно! Теперь я вас точно запомнил. Оставьте свой номер, я вам перезвоню и сообщу, что счет я погасил!» Она оставила, я перезвонил, и вот уже 15 лет мы вместе.



ОЛИМПИЙСКАЯ ЧЕМПИОНКА И МОРОЖЕНЩИК С ОСТРОВА САРДИНИЯ

Владлена Бобровникова и Федерико Абис — люди в Ростове-на-Дону известные. Она — левая полусредняя местной гандбольной команды, олимпийская чемпионка. Он — владелец популярной джелатерии *Mamma Mia da Federico*.

В их истории и большой спорт, и большая любовь, и вкусный семейный бизнес.

беседовала Светлана Ломакина
фото архив героев публикации

Я стою в джелатерии и никак не могу выбрать на пробу один из тридцати сортов джелато и сорбета. Сорбет — разновидность фруктово-ягодного безмолочного мороженого, а джелато — итальянский замороженный десерт из коровьего молока и сахара с добавлением ягод, фруктов, шоколада, орехов, даже сыров. Джелато отличается от привычного нам мороженого меньшим содержанием молочных жиров.

— Какое мороженое самое популярное в Италии?

— пытаюсь получить подсказку у джелатьере.

Федерико:

— Пломбир, наверное. Фисташковое популярно, нутелла. Мороженое с лакрицей. Но здесь его не воспринимают, у вас считается, что лакрица, она же солодка — это лекарство.

Влада:

— Клиентам постарше мы советуем попробовать у нас пломбир. И они говорят: «О, ваше мороженое, как советское». Хотя итальянское делается по другой технологии, нам такая оценка очень приятна.

— Как понять, что джелато хорошее?

Федерико:

— Если после него вам не хочется пить, значит, хорошее. Джелато — очень капризный продукт: чуть-чуть другое молоко, и вкус уже не тот. Но мы нашли маленькую ферму в

Ростовской области, где покупаем действительно хорошее натуральное молоко. Где нашли, не скажу, секрет. И технологии тоже секрет. Это ведь самое главное — вкусный рецепт и знание технологии.

Зато не секрет причина, которая привела его в Россию: Федерико по уши влюбился.

12 лет назад российская гандболистка Владлена Бобровникова уехала играть по контракту в Италию за клуб «Сассари» на острове Сардиния. Накануне нового 2011 года на вечеринке познакомилась с профессиональным пловцом Федерико Абисом. Правда он спортивную карьеру уже заканчивал.

— Фе сказал мне потом, если бы я не говорила по-итальянски, то он не стал бы иметь со мной дело, — смеется Влада. — Я тогда знала язык на бытовом уровне. Но

После исполнения серенады друзья подняли Федерико к невесте.



сложные фразы не понимала, сленг, юмор тоже. И когда он что-то писал мне, я бежала к итальянкам, с которыми жила на квартире: «Девчонки, переведите!»

— Как вы оказались в Ростове?

Влада:

— В 2012 году мне предложили здесь контракт. Я говорю: «Фе, ну что, поедем на два года?» Он согласился. И это было удивительно, потому что сарды обычно не покидают Сардинию, живут на острове из поколения в поколение, но Федерико рискнул.

— Что вы знали о России, когда собирались сюда?

Федерико:

— Вообще ничего. Даже названия города — Ростов-на-Дону не слышал. Знал только стереотипы, что в России нет ни капли солнца и медведи, как у нас собаки, гуляют по улицам. И холодно, очень холодно! Поэтому накупил толстых пижам, теплых штанов и свитеров, чтобы в них ходить дома и спать. Ничего не пригодилось. *(Смеется.)*

7 октября будет 10 лет как мы здесь. В первый раз приехал в Ростов с Сардинии в доме на колесах. Посадил своих родителей, двух собак, погрузил багаж. Ехали 5 тысяч километров, а на российской границе нас встречала Влада.

— И как вам тут пришлось поначалу?

Федерико:

— Трудно. Главная трудность — язык. Я ничего не понимал, поэтому сидел дома или гулял с собаками и ждал Владу с тренировки. Прошло два месяца, и я решил, что больше так не могу: или начинаю работать, или уезжаю домой. Но тогда уже Влада нашла мне преподавателя, и я начал учить русский язык.

В Италии русский в университетах приравнивается к китайскому и арабскому, он очень тяжелый. Я прошел 10-15 занятий — начал кое-что понимать, но дальше уже учил язык на работе. Я пошел официантом к ростовскому итальянцу Джорджио Мацце в ресторан Sapore Italiano. Им было прикольно, что у них в зале работает итальянец, а мне полезно.

— Чем русский, пусть и с итальянской кухней ресторан отличается от ресторана в Италии?

Федерико:

— В Италии более уважительное отношение к официантам. И сам хозяин заведения может подать вам блюда. А тут официант — работа для студентов, временная, сезонная. И отношение посетителей часто свысока.

В России в ресторанном бизнесе все более правильно, все считается по граммам. А в Италии это семейный бизнес, все делается от сердца, и не смотрят, сколько пасты накладывают: не много ли?

Еще меня вначале очень удивляло, как русские завтрака-



Свадьбу играли на Сардинии. Из Ростова специально привезли мотоцикл «Урал», о котором Федерико давно мечтал.

ют. В Италии завтрак — это капучино и круассан. А тут, ресторан только открылся, зашли двое: «Капучино, коньяк, карбонара». Я спрашиваю: «В какой очередности вы это хотите?» — «Все вместе!» Они выпивают коньяк с капучино. А потом начинают есть пасту!

Влада:

— Я помню тот день. Фе пришел домой с работы потрясенный: «Аморе, аморе! Ты представляешь, что сегодня было? Как они могут утром столько есть?» *(Смеется.)* Он тогда смешные слова с работы приносил: не мелочь, а мелочка, почему што, кухня, зал курячий и некурячий. А еще посудомойщицы и уборщицы учили его своему русскому.

Федерико:

— Ё-пэ-рэ-сэ-тэ! Трудно, но я научился. *(Смеется.)*

Спустя три года жизни в Ростове Федерико сделал Владе предложение. В небе над Веней.

Влада:

— Мы тогда путешествовали по Европе в доме на колесах. Пошли в Вене в парк аттракционов кататься на колесе обозрения, поднялись на самый верх, и вдруг Фе начал копать в сумке. Роемся и роемся!

Федерико:

— Колесо там огромное, я думал, что оно сделает всего один круг, спешил, искал! А она ля-ля-ля, ля-ля-ля. Она такая всегда: любит разговаривать больше, чем я. Очень похожа на итальянку.

Влада:

— Я не могла понять, чего он копошится. И вдруг: «Аморе!

Выходи за меня!» Я чуть не упала с того колеса! Итальянцы умеют красиво ухаживать. У них, например, есть такая традиция: в ночь перед свадьбой жених приходит к дому невесты и поет серенаду. Свадьба у нас была на Сардинии, я жила в отеле на очень живописной старинной улице. Вдруг слышу пение. Выхожу на балкон, а там Федерико с моими друзьями, из России на свадьбу приехали человек двадцать. Он пел мне «Я тебя люблю» — песню Адриано Челентано с припевом на разных языках... Федерико большой выдумщик и романтик: такие сюрпризы я получаю от него до сих пор.

— Необычные сережки на вас: число 17 и буквы VB — тоже его подарок?

Влада:

— Да, подарил после чемпионата мира-2019, на котором я в составе сборной России выиграла бронзу. 17 — мой игровой номер, VB — инициалы. Забавно, но в Италии это число считается несчастливым. У них даже в самолетах нет 17-го ряда. И в пятницу, 17-го, Федерико говорил: «Не надо делать никаких важных дел!» Когда я пришла в итальянскую команду, этот номер был свободен, никто не хотел брать. Но мне это число приносит удачу.

— А вас какие русские приметы удивляли?

Федерико:

— Что надо посидеть на дорожку. Что нельзя давать вечером деньги в руки, надо положить их на пол. И нельзя свистеть!

Влада:

— Он постоянно насвистывает. И ему все говорят: не свиستي, денег не будет! А он так поет. И не понимает, почему нельзя петь? *(Смеется.)*

— Вы несколько лет проработали в ресторане, а потом решили открыть свое дело. Как все вышло?

Федерико:

— Да, я работал с 10 утра до 10 вечера, меня повысили до администратора. Но хотелось работать не на кого-то, а на себя. Мы нашли итальянскую пару, скооперировались и открыли джелатерию. Я выучился делать мороженое, начал разбираться в тонкостях, технических моментах. Так мы проработали пять лет, а потом наши с партнерами пути разошлись. Но что ни делается, все к лучшему: теперь у нас новое место, в парке Революции, где много людей, и нас уже все знают. Так что работаем на развитие.

— Правда, что вы вложили в первое кафе вашу олимпийскую премию?

Влада:

— Да, покупка помещения и ремонт — это моя премия. Но у нас все общее. Патриархальный устав семьи никогда

**МЫ ОТКРЫЛИ
НАШЕ КАФЕ ЗА ДВЕ
НЕДЕЛИ. А МОЖНО
БЫЛО ОТКРЫТЬСЯ
ВООБЩЕ ЗА НЕДЕЛЮ
И ПРИВОДИТЬ
ПОТОМ БУМАЖКИ
В ПОРЯДОК.
В ИТАЛИИ ТЫ
ВНАЧАЛЕ СОБЕРЕШЬ
ВСЕ ДОКУМЕНТЫ,
И ЭТО МОЖЕТ
РАСТЯНУТЬСЯ
НА МЕСЯЦЫ.**

мне не нравился, и я еще на Сардинии сказала Фе: у нас равные права. Сегодня ты зарабатываешь, завтра я. Когда он только приехал в Ростов и несколько месяцев не работал, все было на мне. Он переживал, но я говорила, когда-то я закончу с гандболом, а у тебя будет бизнес, будешь содержать семью.

— Гандбол ведь довольно травматичный вид спорта, верно? Влада:

— Да, но я с 11 лет занимаюсь гандболом, а мне скоро 35, так что я привыкла к травмам, синякам и шрамам. Когда прихожу с фингалом, а как-то мне даже нос сломали, Фе, шутя, говорит знакомым: «Это не я! Это не я!»

— У вас очень длинный список побед. Какие из них самые главные?

Влада:

— Конечно, Олимпийские игры. Золото в Рио в 2016 году и серебро Токио-2020. Бывает забавно: когда люди узнают, что я олимпийская чемпионка, они приходят в такой восторг, как будто я не человек.

Федерико *(с гордостью)*:

— Но ты необычный человек, так и есть.

— Вы на играх жены часто бываете?

Федерико:

— Когда играют в Ростове, хожу на все, я там наше мороженое продаю. А когда на выездах, то редко.

Влада:

— У нас папа полноценный участник всех домашних дел: может помыть посуду, постирать, поиграть с дочкой. А когда у меня тренировки или сборы, то вообще все на нем. Он даже итальянские сказки на ночь читает. Наша дочка Ария говорит и на итальянском, и на русском свободно. Еще она в свои четыре года с удовольствием и очень далеко плавает и уже начала играть в гандбол. Кровь не водица.

— Ария Абис — красиво звучит. Абис что значит в переводе на русский?

Влада:

— Пчелка. Федя Пчелкин! *(Смеется.)* Моя мама обожает зятя и так его и зовет: Федюся, Федечка. Мама очень помогает нам с дочкой, когда мы оба на работе.

— Вы не первый герой в нашем проекте, который выбрал Россию новым домом из-за любимой женщины. А по каким еще причинам, как вы думаете, человек, приехавший сюда на время, может остаться на долгие годы или даже навсегда?

Федерико:

— Из-за бизнеса. Я всегда считал, что если у человека есть семья и работа — это уже хорошо. Здесь намного легче оформлять бумаги. Мы открыли наше кафе за две недели. А можно было открыться вообще за неделю и приводить потом бумажки в порядок. В Италии ты вначале соберешь все документы, и это может растянуться на месяцы. А тут — ты сегодня решил, завтра открываешься в техническом режиме. Бумажки собираешь потом.

— За эти десять лет вы в чем-то стали немножко русским?

Федерико:

— На сто процентов стал русским за рулем: ругаюсь не хуже любого местного водителя! *(Смеется.)* В этом году стал есть крошку.

— Какой он, русский характер?

Федерико:

— Нельзя так, в общем, сказать. Все люди очень разные. Влада, как я уже говорил, похожа на итальянку, очень эмоциональная, веселая. Другие русские спокойные. И все отдают дань уважения. Если я прихожу куда-то, то должен по кругу за руку поздороваться со всеми мужчинами: «Здрасьте! Здрасьте! Здрасьте!» Да я, может, не увижу тебя никогда!



Русско-итальянская счастливая ячейка общества.

Мы даже имя друг другу не говорим! Зачем здороваться за руку? Это мне непонятно.

...А еще русские не сдаются и из любой ситуации находят выход. Сейчас трудные времена. Но при всех санкциях, при всем этом давлении русские не унывают, а постоянно находят новые способы их обойти.

— Вы задумываетесь о том, сколько времени еще будете жить в России?

Федерико:

— Как сложится судьба. Я приезжал на 2 года, а уже 10 лет здесь. У нас развивается бизнес, я открываю для Ростова все новые и новые вкусы джелато. С горгонзолой не пробовали? А лавандовое? Это очень интересно: наблюдать, как люди едят его впервые, удивляются, благодарят. Тогда есть чувство, что остался тут не зря.

МОСКВА СЛЕЗАМ НЕ ВЕРИТ, НО ТЫ ТАНЦУЙ, АШВАНИ, ТАНЦУЙ!

История гуру Ашвани Нигама больше похожа на сценарий болливудского фильма. Потомок знатного индийского рода мечтает стать профессиональным танцором, но в его касте это занятие считается постыдным. Ашвани долго утаивает свою страсть к танцам, а когда тайна раскрывается, уезжает из солнечного Дели в хмурую Москву 90-х. Плачет, сидя в голой квартире, глядя на Останкинскую телебашню. Но потом в его судьбе случается счастливый поворот, Ашвани обретает тысячи учеников, славу и большую любовь. И все это под танцы, танцы, танцы.

беседовала Светлана Ломакина
фото архив героя публикации

Собственно, благодаря танцам я и узнала о гуру. Лет десять назад увидела его танцевальные уроки по кабельному ТВ. Харизма учителя выплескивалась через экран. И я тоже попадала под его магию: откладывала кастрюли и утюги и делала «вот так вот» руками. Получалось не очень.

— **Гуруджи** (почтительная форма обращения к гуру, учителю. — Авт.), мне индийские танцы не дались. Наверное, надо быть каким-то особенно расслабленным человеком, чтобы так гнуться. А мы, русские, часто зажатые, напряженные.

— Поэтому, когда мы учимся, начинаем с языка тела. Мимика, взгляд, руки. Да, для русских людей это сложно. Но не потому, что с телом что-то не так, нет. Это психология. Русские боятся открыться, наверное, сказывается непростая история страны, память поколений. Из ста человек, если есть два-три таких, которые сразу легко идут на контакт, это уже большой успех. Но проходит год-два, смотришь, а у них лица уже другие, они легче танцуют и живут. Через танец выходит вся негативная энергия: люди начинают говорить свободно, показывать себя. И с этого момента русские танцоры начинают танцевать не хуже индийских.

— **Расскажите свою историю с самого начала.**

— Мое имя Ашвани переводится как «врач от Бога». Фамилия Нигам указывает на принадлежность к касте браминов. Это самая высокая каста в Индии: брамины служат в храмах, занимаются преподаванием, медициной. Мой папа





был журналистом, старший брат стал редактором. Шесть моих дядей, тетя по линии отца и все мои кузены работают в офисах на хороших должностях, один я отбился.

— **Как же так вышло?**

— Я закончил университет с красным дипломом и даже 6 лет проработал инженером в японской компании. Так хотел мой отец. Но с детства я играл на разных инструментах и танцевал. В Индии танцуют все, но в нашей касте, тем более для мужчины, это не может быть профессией. Поэтому я танцевал после работы. Откладывал деньги в банк под проценты. Планировал, когда накоплю достаточно, прийти к отцу и сказать: «Я сделал, что вы хотели! Теперь я уйду в танцы». Но отец неожиданно умер. Я уволился, но маму расстраивать не хотел, поэтому утром выходил из дома, как будто иду в офис, а вечером возвращался, как из офиса. Она ничего не подозревала два года, а потом я был ей зачем-то нужен, и мама позвонила мне на работу. Вечером мне устроили спектакль: «Тебе 28 лет, пора жениться, отцы предлагают своих дочек и вдруг ты, потомок

древнего рода, танцор! Тьфу-тьфу-тьфу! Кем ты стал?!»

Я решил уехать из Индии. Написал заявление в наш МИД: попросился преподавателем танцев в другую страну. У меня был хороший потенциал — 2 место на государственном конкурсе. Мне предложили две страны на выбор: Индонезию и Россию. Это был 1996 год: в Индонезии было очень беспокойно, в России был бардак после развала СССР. Но в МИДе мне так расписали Москву! Что я буду жить при посольстве, что у меня будут тысячи студентов и все они говорят на английском, а некоторые даже на хинди! *(Хохочет.)*

— **А что было на самом деле?**

— Шок! Мороз — ладно, я был готов. Но жил я не при посольстве, а на ВДНХ, это три станции на метро, которые надо было еще проехать, не зная ни одной русской буквы. Вокруг на английском никто не говорит. И я прилетел во время, когда Москва готовилась ко Дням Индии, все индийские преподаватели были заняты — и обо мне забыли. Мне дали квартиру, в ней была электрическая плита. Я та-

ких не видел никогда, попытался разобраться, но она не работала (позже правда оказалось, что сломаны были только три конфорки из четырех). Первый день я ел чипсы, которые остались в сумке. На второй решил заварить чай. Без кипятка: из крана текла горячая вода. Заварился чай не очень хорошо, но молоком я его подправил.

Мои вещи из Индии должны были прийти только через неделю. Денег у меня не было, говорить я не мог, города не знал. Еще меня напугали, что одному ходить по улицам нельзя. В те годы мы сильно страдали от скинхедов. Одного моего индийского коллегу жестоко избили, специально поломали пальцы. Я тоже убежал от них несколько раз в метро (надо было добежать до лестницы, там милицкий патруль), однажды от девушек-скинхедов; я даже подумать не мог, что такие бывают...

Вот так в самом начале я сидел голодный в голой квартире в центре Москвы. Ложился спать без белья, и подушка перьями колола мне лицо (у нас подушки набивают ватой или кокосовым волокном, они не колются). Помню, как встал ночью, вышел в гостиную — за окном мигает Останкинская башня. Я смотрел на нее и плакал: куда я попал? Так прошло два дня, а на третий пришел учитель, который жил со мной на этаже: «Ой, извините, мы были заняты. Забыли про вас». Принес индийскую еду. Я поел, успокоился, потом вышел на работу, мне дали 150 долларов аванса, вещи мои пришли, жизнь понемногу наладилась.

— **Много москвичей в 1996 году хотели учиться индийским танцам?**

— Это был еще один шок. Я мечтал, что у меня будет большой зал, много студентов, они ног моих будут касаться, как в Индии принято. И все будут в восторге от моего профессионализма! Прихожу. Зал у меня самый маленький из всех: 8 на 8 метров. И ни одного студента. Я пошел к секретарю: «Кого учить?» Она обзвонила бывших учеников.

Через три дня пришла одна девочка 16 лет. Через месяц было 15 учеников. Через год — уже сотни, дальше — тысячи.

— **После яркого теплого Дели какой вам показалась Москва?**

— Мы жили на ВДНХ, там дипломатические дома, вокруг много деревьев, очень красиво и чисто. Мне после старого Дели, где два человека не могут одновременно пройти между домами, Москва, где на дороге в ряд помещается восемь машин, казалась огромной.

Наш родовой дом находился напротив дворца Лал-Кила (главная резиденция императоров с 1652-го по 1856 год, главная туристическая достопримечательность Дели. — Авт.). В нашем хавели, особняке, было 52 комнаты. Когда-то он принадлежал одной из жен императора, а после ее смерти достался нашим родственникам, которые работали у императоров бухгалтерами. В этом хавели жила вся наша большая семья: дяди, тетя, их дети. Но эти 52 комнаты маленькие и темные. А в московской квартире их у меня было всего три, но такие огромные, что я уставал бегать из кухни в гостиную. Мне это нравилось.

— **И когда у вас все более-менее наладилось, вы знакомитесь со Светланой, своей будущей женой?**

— Да. Ей тогда было 18 лет, она тоже инженер, гидробиолог. Училась на 1-м курсе. На танцы ее привела подруга; у Светы умерла мама, период был в жизни непростой. Сначала я обратил на нее внимание из-за одежды. У нее не было сари, и она сходила в кришнаитский храм и купила там странную пижаму, выглядела в ней очень смешно. Но при этом было видно, что умная, внимательная: за месяц выучила то, что я преподавал год. Я хотел ее продвигать. Но в один прекрасный день Света пришла, а у нее волосы в сантиметр! Ее подруга занималась стрижками, они экспериментировали, испортили ей прическу, и в итоге — жужжух под машинку. А у меня спектакль! Я хотел ее поставить выступать! Я очень ругался: в индийском танце даже мужчины такой маленькой прически не делают! Света послушала и ушла. Я жалел: девушка была хорошая, могли бы и парик на нее надеть. Зачем я так?

И вдруг через полгода она приходит, я обрадовался и уже отнесся к ней аккуратнее. Мы начали потихоньку сближаться, общаться. А у меня уже заканчивается контракт с посольством. Студенты просят, чтобы я оставался: найдем, где вам жить, будем платить. А Света сказала, что если я пойду в Индию, она пойдет за мной! Это мне понравилось, и я решил остаться. Тогда мы с друзьями снимали квартиру, Света приходила, помогала мне по дому, а потом, когда пришлось уходить с квартиры, предложила переехать к ней. Поскольку мы моральная пара, решили пожениться.

— **Как отреагировали близкие на появление молодой жены?**

— Мама, когда я сказал, что буду танцором, сомневалась про мою ориентацию, переживала, что у нее вообще не будет внуков. А тут я ей прислал видео с моего урока: в зале танцевали девушки. Спросил маму, какая могла бы мне нравиться. Там были яркие девушки, сильно накрашенные, но она показала на самую скромную, Светлану Павлову. И я сказал, если и вам она нравится, то я точно женюсь! (Смеется.) Мама удивилась: «Правда? Я так рада!» Потом: «Она русская? Христианка? Ничего, я рада». Светлане тогда

было 25, а мне 37. В Индии 37 — это большой возраст, молодую хорошую девушку вы уже не найдете.

Но все мои родственники, кроме мамы, были против. Некоторые сказали, что я для них умер и не должен к ним приходить. На нашей свадьбе в Индии были только мама, родной брат, его жена и дети.

...Как-то мы несколько недель жили у моего брата. Нам сделали отдельный холодильник и дали посуду для гостей, чтобы мы не ходили на их кухню. Кухня для индийской семьи — священное место, вход туда разрешен только своим. Светлана хотела что-то разогреть, но ее не пустили. Она не поняла, почему. Я объяснил: разница культур, ничего не поделаешь. Отношение к нам как к экзотике из зоопарка было до тех пор, пока не родились дети. А потом уже все, приняли как положено. Дети — это моя кровь.

— Сколько их у вас?

— Самая старшая — Ишика, ей 18 лет. И три сына: Нил, 14 лет, Никетан, скоро 11, самый младший Васанта-Василий, 7 лет.

— Все дети, я знаю, на домашнем обучении.

— Да. И все родились дома. Света категорично решила рожать сама, и сама же их обучает. Получается у нее хорошо. У меня не так хорошо: я русский язык выучил, свободно говорю, научился читать, а писать не могу без ошибок. «А» и «о» не различаю, вада могу написать, малако. Дети смеются, какие ошибки я делаю!

Вообще у нас золотые дети, очень скромные, ведут себя всегда прилично. Общество уже таких людей не принимает, я говорю жене: домашнее обучение — это хорошо, но им жить-то надо настоящим! Но Света против. Старшая дочка уже готовится к поступлению в художественное училище.

— Какое вероисповедание у детей?

— Они христиане. Я сам предложил жене крестить их. Мы живем в России, значит, должны следовать правилам своей страны. Но у детей есть и вид на жительство в Индии, мы там часто бываем. И моя мама после рождения первого ребенка год жила в России, приезжала помогать.

— У нас говорят: муж — голова, а жена — шея. Куда шея повернет, туда и голова. Как у вас в семье с этим?

— Такая же ситуация. Даже можно сказать, что жена и шея, и голова. Я только руки. Они работают, приносят деньги, а голова и шея разбираются, куда их тратить. В Индии я все деньги отдавал маме, она выделяла мне на жизнь. А тут все отдаю жене. Ничего не изменилось. *(Смеется.)*

— Слышала, что Светлана к вам обращается на вы.

— И я к ней на вы. Когда мы ругаемся, получается очень мяг-

**ЯКУТЫ ТАКИЕ
СПОКОЙНЫЕ!
Я ПРИВЕЗ ИМ
ТАНЦЫ ЯРКИЕ,
ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ —
«ОЙ, НЕТ, НАМ НАДО
МЯГКИЕ ТАНЦЫ,
МЫ ТАК БЫСТРО
НЕ ЛЮБИМ».
В ПИТЕР ПРИЕХАЛ
СО СПОКОЙНЫМИ
ТАНЦАМИ —
«НЕТ! НАМ НАДО
ТЫГЫДЫН-
ТЫГЫДЫНЧИК!»**

ко. «Вы козел!» — «Нет, вы козла!» «Вы» смягчает зло, сколько бы его ни было. И когда я ругаю детей, тоже перехожу с ними на вы, чтобы не проявлять грубость. Поэтому сильного ругательства у нас не бывает. Но я и глазами пугаю, они у меня достаточно большие, чтобы выразить все, что я думаю.

— Да! Помню по вашим видеоурокам, как вы танцуете лицом, мимикой, это что-то удивительное.

— Индийские танцы — единственные в мире классические танцы, где можно показывать больше десяти эмоциональных состояний мимикой. Я это умею. Могу вас научить ругаться глазами. Но это годы тренировок! *(Смеется.)*

— Вы преподаете классический индийский танец, а Светлана — танцы в духе Болливуда. В чем разница?

— Болливуд — это не стиль, а каша из модных танцевальных направлений. Если вы смотрите индийский Болливуд 1960-70-х, то там танцуют рок-н-ролл, самбу, румбу. В 80-х — это диско и брейк-данс, сегодня еще что-то.

Но Светлана владеет не только bolliwood dance, у нее диплом профессиональной танцовщицы классического индийского танца катхак. Она была первой моей ученицей, которая получила такой диплом. И я горжусь! Кстати, я тоже преподаю Болливуд. Правда, не такой современный, а ретро-Болливуд, старые песенки, которые мне по душе.

— Сколько у вас было учеников за 25 лет в России?

— Когда я учил в посольстве, было тысячи две. В 2003 году я создал театр индийского танца «Таранг», по-русски зна-



Ашвани, Светлана и их дети: дочка Ишика, сыновья Нил, Никетан, Васанта-Василий.

чит «волна». Я художественный руководитель театра, Светлана — хореограф. У нас много учеников, среди них много детей. Плюс я провожу семинары: летаю в разные города России и там по 3-4 дня учу группы. Если всех собрать, то тысяч двадцать пять учеников, наверное, будет. Две-три тысячи занимаются постоянно, и есть люди, которые со мной уже больше 20 лет. Очень многие ученики преподают. И их ученики преподают. Я дедушка индийских танцев в России. *(Смеется.)* И вот уже несколько лет мы со Светланой читаем лекции о культуре Индии в Государственном музее Востока.

— **Сколько городов вы видели в России?**

— Около сорока. И не только городов — сел, аулов, деревень. Я был в Якутии. В первый раз там лошадь эту попробовал кушать, как его зовут? Олень!

— **Якуты отличаются от москвичей?**

— Якуты такие спокойные! Я привез им танцы яркие, эмоциональные — «ой, нет, нам надо мягкие танцы, мы так быстро не любим». В Питер приехал со спокойными танцами — «нет! Нам надо тыгыдын-тыгыдынчик!» Люди в России разные, и желания у них разные, и представления об Индии. Многие, особенно из маленьких городов и сел, никогда в Индии не были. Но смотрели кино, любят музыку и много фантазируют. Мне часто жалко, что они не могут увидеть все своими глазами, поэтому я хочу помочь, даю литературу, видео. В этом тоже моя культурная миссия.

— **Но при этом вы говорите, что уже чувствуете себя русским.**

— Сам в шоке! В Индии считают так: на каком языке человек разговаривает во сне, тот и язык его души. И я во сне уже даже с родителями говорю по-русски. Но это понятно: мои друзья — русские, близкие — русские, крестные у детей — тоже русские. Вот и я стал внутри души русским.

— **А какие они, русские люди?**

— Щедрые и веселые. Чувствительные, добрые, радостные. Помню случай, когда мы были с выступлением в одном маленьком поселке, а у моего московского студента там жили родители. Он пригласил меня в их дом. У них не было денег, чтобы купить еду. Полезли в погреб, пошли на огород копать картошку. Я ситуацию понял, подарил им какую-то сумму денег — на жизнь. Но они купили барана, сметану, хлеба и накрыли стол. Я говорю: «Зачем? Это же была вам помощь!» Но нет, такие вот люди.

В Кемерове был семинар. Все уже вышли из самолета, а меня не пускают, сказали, надо ждать. Потом позвали, и я вышел с трапа на красный ковер! Шел, как король: хлеб-соль, улыбки, радость вокруг. Я для них был звезда: Митхун Чакраборти приехал в Кемерово! *(Смеется.)* Конечно, я был в восторге.

Я смотрел на этих людей, вспоминал, как все начиналось, какой путь я прошел — и сам себе не верил...

«КУПИЛ ВАЛЕНКИ, ФУФАЙКУ — ЖИТЬ В РОССИИ СТАЛО МОЖНО»

Воронежский англичанин Дэвид Бэванс ездит на «Оке» и рассматривает звезды в телескоп. Настоящий шукшинский герой.

беседовала Светлана Ломакина
фото автора, архив героя публикации



Дэвид пригласил меня в местный ирландский паб, который атмосферой и вкусами напоминает ему родину. Но оказалось, что импортного пива в пабе из-за санкций практически нет. «Из старых запасов осталось немного чешского и бельгийского, — с грустью сказала девушка за барной стойкой. — Остальное — напоминающая британцев Москва». Дэвид вздохнул и вполголоса прорычал: «Проклятие капиталисты! Что они с нами сделали?!»

И мы втроем захохотали.

Первое впечатление от Дэвида — пират из советского мультфильма «Остров сокровищ»: у него знатная борода, пожелтевшая от курения, хрипловатый голос, громкий заразительный смех и вполне себе пиратские шутки. А еще Бэванс ездит на красной «Оке»: машину эту он получил в 90-х в счет зарплаты.

— Я инженер. Приехал первый раз в 1988 году еще в Советский Союз в командировку — запускать станки в воронежском НПО «Энергия». Тогда заключили международный контракт, но все было сделано через одно место, и вместо 6 недель я тут пробыл полгода. Пришла зима, холод! Я пишу домой: «Срочно шлите теплые вещи!» Но когда они придут? Пошел на рынок и купил валенки, фуфайку, ватные штаны — все! Жить в России стало можно. *(Смеется.)*

— Когда я вам звонила из Ростова, в трубке шумели станки. Что вы в тот момент делали?

— Электродвигатели. Сейчас тоже из-за санкций мы начали выпускать асинхронные двигатели. Например, в лифтах они есть. Делаем очень дефицитный вещь — классический омыватель для «Жигулей». Это маломощный микродвигатель. Автозаслонки на печку — тоже наша работа, двигатели для железной дороги. Сейчас идут заказы на импортозамещение, дел много.

Дэвид родом из города Лестер. И как сам о себе говорит, если кто-то родился с серебряной ложкой во рту, то он — с гаечным ключом. Случилось это в 1956 году, и чуть ли не с момента рождения его отец, инженер, вовлекал сына в ремонт всяких механических штук. В 6 лет Дэвиду доверили починку мотоцикла. А к 12 годам он мог уложить на лопатки любого взрослого рукастого соседа.

— Нас в семье трое. Старший брат занимался торговлей, сейчас ему за 80. Сестра после того, как вышла замуж, занималась домом, она тоже старше меня, на 9 лет. Один я не-

нормальный: в 65 еще работаю и от работы кайфую! Как говорят? Старость не радость из-за дурной молодости, — балагурит Дэвид. — У меня молодость была очень дурная и веселая! Но я бы ничего не поменял. Мне есть что вспомнить!

— Город Лестер, что там интересного?

— У нас в центре есть руины — это римская стена начала нашей эры. Недавно там нашли скелет Ричарда III. А так, Лестер — типичный промышленный город. К сожалению, теперь таких городов в Англии почти нет. Промышленность страдает, не дай бог, как, с начала Маргарет Тэтчер. Я как рабочий сразу понял, что добра она нам не принесет. Начался распад Великобритании. Фирма, которая направила меня в Россию, вскоре обанкротилась, но я получил приглашение от «Энергии» остаться, и поскольку это промышленность, то, что я очень люблю, согласился. С 1988 года с маленьким перерывом я живу в России. Сейчас работаю слесарем-ремонтником на фирме «Экар».

— Вы уже три раза похвалили свою работу. У вас и дома в гараже, наверное, стоят станки?

— Нет, станки остаются на работе, а дома я работаю головой. Бывают такие сложные интересные задачи, которые надо решить! Я лежу перед сном и думаю, думаю, кручу и — оп! — придумал!

— Каковы были ваши первые впечатления от России?

— Что я стал ребенком во взрослом теле: слабый, уязвимый, беспомощный. Все, что написано, не можешь читать, все, что слышишь, не можешь понимать. И тебя никто не понимает, тогда же мало кто говорил по-английски. Помню, мы с начальником, он приехал в СССР пораньше, пошли в продуктовый магазин. Это было утро, наш привычный завтрак — яйца и сардельки. На сардельки показали пальцем — 6 штук. А яиц на витрине не было. Начальник забыл, как они называются. Стоит и говорит: «Я хочу... Я хочу десять штук...» И ко мне по-английски: «Как они называются по-русски?» — «Да откуда же я знаю, я только приехал!» — «А где словарь?» — «У тебя на тумбочке в гостинице остался». Так мы между собой перебрасываемся вполголоса, а потом мой начальник говорит по-русски: «Я хочу десять штук» и делает так!

Дэвид начинает кудахтать, машет руками, как крыльями, немного поднимается над столом и как будто достает откуда-то снизу сзади невидимое яйцо.

Втроем мы снова грохаемся со смеху.

— И что вы думаете? — продолжает Дэвид. — Нас в этом магазине запомнили, и мы больше никогда не стояли в очереди! А мне этот урок показал, что не надо стесняться. Пусть люди смеются: над тобой, вместе с тобой, что-то хорошее из этого все равно получится.

— Кстати, о яйцах. Тут в меню я вижу маринованное яйцо. Это что такое?

— Классическая английская закуска. Как у вас маринуют огурцы, в Англии — яйца. У нас их продают в таком виде в магазинах, но я ни разу не покупал почему-то. Я вообще очень привередлив в еде. Когда только женился, жена повела меня в гости к своим родственникам. Там был во-от такой стол. «Это попробуйте, это и это!» — мне говорили. А жена, она медик, сказала: «Не приставайте, он сам покушает. Так, это он не ест, это не ест и это...» — «Бедная, как же ты его кормишь?» — «Прекрасно, потому что он готовит сам».

— Правда, сами?

— Конечно! Курица с начинкой, запеканка, картошка крупными ломтиками и рыба в кляре, маринованная свекла ломтиками на бутерброд, мясо делаю разное...

— Понятно, вы знатный повар. А что категорически не любите?

— Соленые огурцы и помидоры, чеснок, черный хлеб, селедку не люблю.

— Да, сложно вам, наверное, за русским столом...

— Прекрасно! У меня здесь столько друзей, что можно ходить из гостей в гости и там есть одно, тут другое... Вот что меня еще удивляло, когда приехал: магазины были пусты, а холодильники набиты. Я спросил, в чем фокус? Мне ответили: русская система. Объяснить ее невозможно. Помню, как в Англию из Советского Союза вернулся один мой друг, байкер. Отсюда он уезжал в слезах. Все спрашивали его: «Ну, что там такого? Что именно тебя так вставило?» А он не может объяснить. Я такой же: не могу объяснить, в чем кайф этой русской системы, но мне тоже очень нравится.

— А если все-таки попробуем? Что англичанину у нас хорошо?

— Я могу говорить только за себя. Мне нравится открытость, что люди у вас здороваются за руку, в Англии это не принято. Сейчас для России очень сложное время, но даже при нем я ощущаю себя здесь гораздо более свободным, чем в Англии или Америке. Если я хочу пойти погулять, мне не надо брать карту и смотреть, где я могу ходить, какое поле чужое. Там это знать обязательно.

Тут любят говорить: на Западе порядок. Но он достигается своей ценой: это нельзя, то нельзя. Здесь порядок своеобразный. Вспомнил случай. В 90-х годах я приехал в Москву в британское посольство. Захотел в туалет, а он закрыт. «Извините, — говорят, — кто-то спер поплавки из бачка. Не работает!» Я пошел на улицу, там на туалете висит ржавый замок. Недалеко стоял милиционер, я к нему. Объяснил, что ищу. Милиционер оглянулся по сторонам и тихо сказал: «Вон сколько вокруг деревьев, давай беги по-

быстрому». Можно представить, что английский полицейский так тебе ответит? Нет! Он будет следить за тобой, даже если ближайший туалет на Луне.

— Дэвид, давайте от земного к небесному. Вы известный в городе любитель астрономии, о вас пишут СМИ: вот, мол, англичанин показывает воронежцам звездную жизнь. Как вас космос затянул?

— Еще в 7 лет, когда родители подарили мне книгу по астрономии. Я стал чаще смотреть на небо. Однажды, уже взрослые, мы с сестрой сидели в саду, и — фу-ух! — по небу пролетел ярчайший метеорит. И дальше звездопад. Это было сильное зрелище! Мы сидим, а они летят и летят, — у Дэвида увлажняются глаза. — Но серьезно я увлекся уже здесь. У меня был старый советский монокуляр, половинка бинокля. Поздним вечером я сидел на даче за городом и смотрел в монокуляр на звезды, минут тридцать смотрел, начал различать подробности: Юпитер со спутниками, туманность Лагуна, впечатлился. Жена говорит, в Воронеже есть магазин «Четыре глаза», там продают телескопы; я туда пошел, купил хороший телескоп. И началось: лекции, мастер-классы, так называемые «тротуарки» — тротуарная астрономия. Это когда мы вытаскиваем на улицу телескопы, и обычные прохожие могут в них посмотреть. Однажды в свой первый телескоп я увидел сразу три галактики! Искал галактику Сомбреро, а получил такой подарок! Секунду...

Дэвид достает телефон, показывает фото галактики Сомбреро, рассказывает, что астрономы впервые обнаружили ее еще в XVIII веке. Помогло им яркое сияние, исходящее от галактики. Удаленность Сомбреро от Земли — 28 миллионов световых лет.

— Выглядит она просто потрясающе! Но в городе такое видеть сложнее, мешает засветка. Поэтому мы каждый год выезжаем за 70 км от Воронежа к моему другу в деревню. В последний раз было 150 человек! Я всех друзей приглашаю: давайте, приезжайте, посидим, посмотрим на звезды, поговорим. Среди увлеченных астрономией нет дураков. Многие знают физику, математику, необычно мыслят. В 2019 году мы в такой компании ездили в Архыз. Там замечательная обсерватория. Вот это была феноменальная поездка! Небо там просто усыпано звездами, голова идет кругом даже без телескопа.

— Видела в соцсетях фото вашей «Оки» с телескопом внутри. Он занимает половину салона.

— Это наша старая семейная шутка, что в «Оке» со мной ездит или жена, или телескоп. Я хотел поменять машину, положил глаз на новую, но не смог посадить в нее свой зад. (Хочет.) У меня есть британская пенсия, но с этими санкциями никак не могу ее получить. Тем более, что с этими

деньгами вышло, как в России 90-х: того, что раньше хватило бы на машину, теперь хватит на четыре шины. Но ничего, для своих 25 лет моя тачка классная.

— Обычно люди ругают российский автопром.

— Нормальные машины. Но, конечно, как говорил Генри Форд, самая лучшая машина — новая.

— Жена не обижается, что иногда с вами ездит не она, а телескоп?

— Жена у меня с юмором, иначе как бы она со мной жила? Она мне подарила на день рождения третий телескоп. Говорит, лучше смотреть в телескоп, чем в бутылку. *(Хохочет.)*

— Что вас так манит в космосе? Другая жизнь?

— Другая жизнь, я думаю, там есть. Ну, невозможно, чтобы она получилась только на Земле. Вот Европа — спутник Юпитера, там может быть жизнь. Я не говорю, что разумная, но раз есть вода, а она основа жизни... Я очень люблю Юпитер, даже больше, чем Сатурн. Потому что там видна погода! Я сижу у себя на даче под Воронежем и вижу: вот, на Юпитере сейчас идет шторм... Представляю, что именно там происходит, пытаюсь объяснить с помощью физики.

А я подумала в этот момент, что, как только он заговорил о космосе, все пиратское в нем растворилось и на первый план вышел шукшинский герой, работяга, купивший на укрытые от жены деньги микроскоп и просиживающий за ним вечера напролет.

Пока я удивляюсь новому Дэвиду, он рассуждает о том, что наша жизнь — это квантовая запутанность, вспоминает нейтронную звезду магнетар. Она обладает такими сильными магнитными свойствами, что, например, смогла бы даже за несколько тысяч световых километров высосать все железо из крови человека.

Рассказывает мне о черных дырах: все знают, что они огромные, но есть же еще и маленькие, и совсем маленькие, которые возникают в нашей атмосфере, но жизнь у них очень короткая, буквально одно мгновение.

От рассуждений о космосе Дэвид как-то плавно уходит в политику: достается Лиз Трасс и ее коллегам, которые не дотягивают до настоящих лидеров, правивших Великобританией еще каких-то полвека назад.



Веселая молодость Дэвида (он справа). Лестер, 1975 год.

— Дэвид, вот смотрю я на вас — и вижу и яркий английский характер, и загадочную русскую душу. Удивительная гремучая смесь.

— А как вы хотели? 33 года прошло там и почти уже 33 здесь! На самом деле мы все, люди Земли, между собой похожи. Просто у русских нет строгих правил. Ни в жизни, ни в языке. Английский язык структурный. А русский может кидать слова, как хочет. И это психология народа. В России можно жить очень свободно: перешагивать тут, здесь, там и вот там, пока не дойдешь до предела. Но за этим пределом уже будет не дай бог! Русские это хорошо знают и предел чувствуют.

И я поняла, что лучше финала для нашего разговора не придумать. К тому же, уже скоро отходил мой поезд. Я попросила позвать бармена, чтобы расплатиться.

— Даже не выдумывайте! Вы разве не поняли, что я уже русский? Русские денег с девушек не берут. Вы про космос лучше побольше напишите: в августе был такой красивый звездопад Персеиды! Пусть люди вечерами чаще поднимают голову вверх...

ДРУЖИЛА С КОКО ШАНЕЛЬ, ОТКРЫЛА МИРУ БРИЖИТ БАРДО. ИСТОРИЯ УРОЖЕНКИ РОСТОВА, СОЗДАВШЕЙ ЖУРНАЛ ELLE

Элен Гордон-Лазарефф была живой легендой Франции. Она создала журнал Elle, который после Второй мировой войны стал для француженок и подружкой, и поддержкой, и сыграл важную роль в развитии женской эмансипации. Как же это получилось у девочки из Ростова-на-Дону?

автор Ольга Майдельман
фото Пол Шутцер (Life)





Одна из биографий нашей героини называется «La tzarine» — «Царица». Так, зная о ее российском происхождении и учитывая невероятную сферу влияния, называли Элен Гордон-Лазаревф во Франции. Она открыла миру Брижит Бардо, ее постоянным автором была Франсуаза Саган, друзьями — Коко Шанель и президент Жорж Помпиду. Словом, весь парижский бомонд вращался в ее вселенной.

...Останься мадам Гордон в России, ее бы звали Елена Борисовна. Родилась она в Ростове-на-Дону в 1909 году. Папа будущей француженки Борис Абрамович Гордон был купцом I гильдии. Надо думать, коммерческая жилка перешла к ней на генном уровне, поскольку отец Елены всегда и везде получал выгоду. Из бумажной красильни и маленькой типографии Борис с братом Ноем создали ведущее издательство на Дону, выпускавшее самую читаемую газету «Приазовский край», и, будучи либералом, Борис как-то даже занял приличную сумму Максиму Горькому на выпуск газеты «Новая жизнь».

Братья Гордоны успешно занимались банковским делом. В 1912-1913 годах одну за другой выкупили все табачные мануфактуры Ростова: Асмолова, Кушнарева и Асланиди. (Только папирос эти объединенные фабрики выпускали в год около 20 миллиардов.)

В общем, владельцы заводов, газет, пароходов (какое-то время Борис Абрамович управлял Русским обществом пароходства и торговли). Но наступило то самое новое время, и Гордоны, даже помогая средствами Добровольческой белой армии, увидели, что сила в Гражданской войне на стороне большевиков.

Успев вовремя перевести финансы в европейские банки, они уехали: сначала в Стамбул, потом в Париж. Освоившись во Франции, Борис Гордон снова взялся за любимое дело. В 1932-м он выкупил у русского эмигранта Мирона Миронова еженедельный журнал «Иллюстрированная Россия».

Это было издание, объединившее чуть ли не все таланты русской эмиграции. Только в редколлегии состояли, на минуточку, Иван Бунин, Зинаида Гиппиус, Дмитрий Мережковский, а уж кто только не публиковался!.. По-настоящему звездный состав классиков. Даже обложки рисовали первые художники эпохи: Александр Бенуа, Иван Билибин, Константин Коровин.

Словом, запах свежей газеты, редакторские разговоры, атмосфера свободных взглядов на жизнь были знакомы Леночке Гордон с детства. Образование единственной наследнице дали самое лучшее. Училась в престижном лицее, затем поступила в Сорбонну на филфак, где изучала литературу и этнологию — науку о народах. И уж, конечно, мимо нее не прошла парижская наука любви: в 19 лет Элен выскочила замуж за молодого ученого Поля Марка Жюля Жана Родница и родила дочь Мишель.

Но она была не из породы домохозяек. Защитив диплом, Элен устроилась на работу в Музей человека (антропологический филиал Парижского музея естествознания) и вскоре с удовольствием присоединилась к экспедиции ученых в Африку. Отправилась изучать древний народ догонов: тогда в моде была теория об их особой космогонии, доказывающей, что инопланетный разум существует. Сильные впечатления были гарантированы.

Все путешествие Элен вела дневник, а вернувшись и перечитав его, поняла, что об этом стоит рассказать. Она смогла опубликовать свой текст в L'Intransigeant («Непримиримый») — оппозиционной газете. Это было ее первое вхождение в мир журналистики.

Как-то на вечеринке один из друзей-этнографов представил Элен как начинающую журналистку невысокому мужчине. Это был молодой амбициозный редактор модной газеты Paris Soir («Вечерний Париж») Пьер Лазаревф. Ну, надо же, какое совпадение: он тоже выходец из России! Молодые люди (обоим не было и 30) сразу же разговорились, как будто были знакомы уже давно.

Они зацепились друг за друга мгновенно, с первого взгляда. Будто сложилась мозаика. Нет, красавцем Лазаревф не был: маленький, в очках, да еще и рано лысеющий.

Но интересный, увлеченный, с прекрасными манерами и неподдающейся описанию харизмой. Элен его покорила: умная девушка, одета со вкусом, глаза сияют энтузиазмом, да еще и миниатюрна, как статуэтка. Шарман, очаровательная.

Так, с первой встречи между ними стало расти чувство, которому ни брак Пьера, ни ребенок Элен (она к тому времени рассталась с мужем) не могли помешать.

Да, Пьер тоже был сыном русских эмигрантов, но родился в сердце Парижа, на Монмартре. Журналист с младых ногтей: свою первую газету сделал еще в школе в 9 лет, а первый настоящий материал опубликовал в 12. Ему было всего 24, когда он стал главным редактором «Вечернего Парижа» — головокружительная карьера.

Впрочем, это не было слепой удачей: Pierrrot les Bretelles, Пьеро в подтяжках, как прозвали его коллеги, был трудолюбом и блестящим редактором, точно угадывающим конъюнктуру. Его ругали за обывательский стиль, но он всегда держался своего: писать просто и точно, выдавать ясную лаконичную информацию, не терять юмора, делать яркие заголовки. Все это было чуждо помпезному стилю газет того времени. И именно поэтому тиражи «Вечернего Парижа» взлетели до небес.

Пьер предложил Элен работу под своим началом — вести «Детский уголок» в

**ОНИ ЗАЦЕПИЛИСЬ
ДРУГ ЗА ДРУГА
МГНОВЕННО. БУДТО
СЛОЖИЛАСЬ
МОЗАИКА. НЕТ,
КРАСАВЦЕМ
ЛАЗАРЕФФ НЕ БЫЛ:
МАЛЕНЬКИЙ, В
ОЧКАХ, ДА ЕЩЕ И
РАНО ЛЫСЕЮЩИЙ.
НО ИНТЕРЕСНЫЙ,
УВЛЕЧЕННЫЙ, С
ПРЕКРАСНЫМИ
МАНЕРАМИ И
НЕПОДДАЮЩЕЙСЯ
ОПИСАНИЮ
ХАРИЗМОЙ.**



Рождественский номер



И. БИЛИБИНЪ.

«СКАЗКА О ЦАРЬ-СУЛТАНѢ» LIBRARIUM.FR



Во Франции отец Элен выкупил у другого русского эмигранта журнал «Иллюстрированная Россия». Слева обложка, нарисованная художником Иваном Билибиным, 1928 год.

воскресном выпуске. Для детской страницы молодая мама выбрала подходящий псевдоним — Tante Juliette, тетя Джульетта. Как пишет Ростислав Смольский в своей книге «Забытые в изгнании», редакция «Пари-Суар» поначалу посмеивалась над новенькой, называя за глаза «зеленой мышкой»: в первый день она надела довольно яркий костюм. Все считали ее просто очередной пассией шефа.

Они ошибались. О нет, это была вовсе не мышка. Уже через несколько лет у Элен появится совсем другое прозвище — «маленькая стальная птица»: за размах задумок и железный характер. Она начала вникать во все тонкости печатного дела, пристрастно изучать письма читательниц, чтобы понять, чего же ждут от газеты женщины. Ее страница быстро стала популярной, выйдя за рамки интересов детской аудитории, обращалась к их мамам. Именно такая близкая связь с читателями ляжет в основу будущего Еллы.

Тем временем служебный роман выросал в отношения, которые не скроешь. Пьер разводится с женой и сразу же делает предложение руки и сердца Элен. Она переезжает вместе с дочерью, которую Пьер принял как родную, к нему в квартиру на рю де Монпансье.

Но увы, счастье было недолгим. Это 1939 год. Франция вступила во Вторую мировую войну. Во время немецкой оккупации закрылись все газеты и журналы, но хуже всего то, что начались гонения на евреев, а у Эллен и Пьера не то слово, какие еврейские корни. Во Франции начинается холокост. Из оккупированного Парижа супруги успевают сбежать в свободный Нью-Йорк.

Для Пьера американская жизнь стала настоящим изгнанием. Как пишет французский журналист Тристан Гастон, Лазаревф переживал в США моменты глубокой депрессии, не зная английского языка, потеряв прежний сумасшедший ритм жизни, сферу влияния и сонм читателей.

А вот для Элен неожиданно открылись новые возможности. Она свободно владела английским, смогла устроиться в приложение к New York Times и взять раздел в Harper's Bazaar. Дотошная дочь издателя и здесь стремится разобраться, как все устроено, и еще сильнее увлекается идеей создать исключительно женский журнал.

В 1944-м Пьер первым возвращается в освобожденную Францию, Элен позже на 8 месяцев. В Америке они разделились — не только из-за работы, начались проблемы в отношениях, мелкие увлечения на стороне. Но, встретившись в Париже, супруги будто обретают второе дыхание.

Пьер подхватил, как упавшее знамя, подпольную газету Сопротивления и сделал из нее новое издание — France Soir, «Вечерняя Франция». Первый номер вышел уже в ноябре 1944-го. А затем на долгие годы «Франс-Суар» стала главной ежедневной газетой страны. Ее тиражи зашкаливали (в лучшие годы больше 1,5 млн экземпляров). Лазаревф, говорили его коллеги, «будто заново изобрел журналистику», поступившись всеми канонами тех времен.

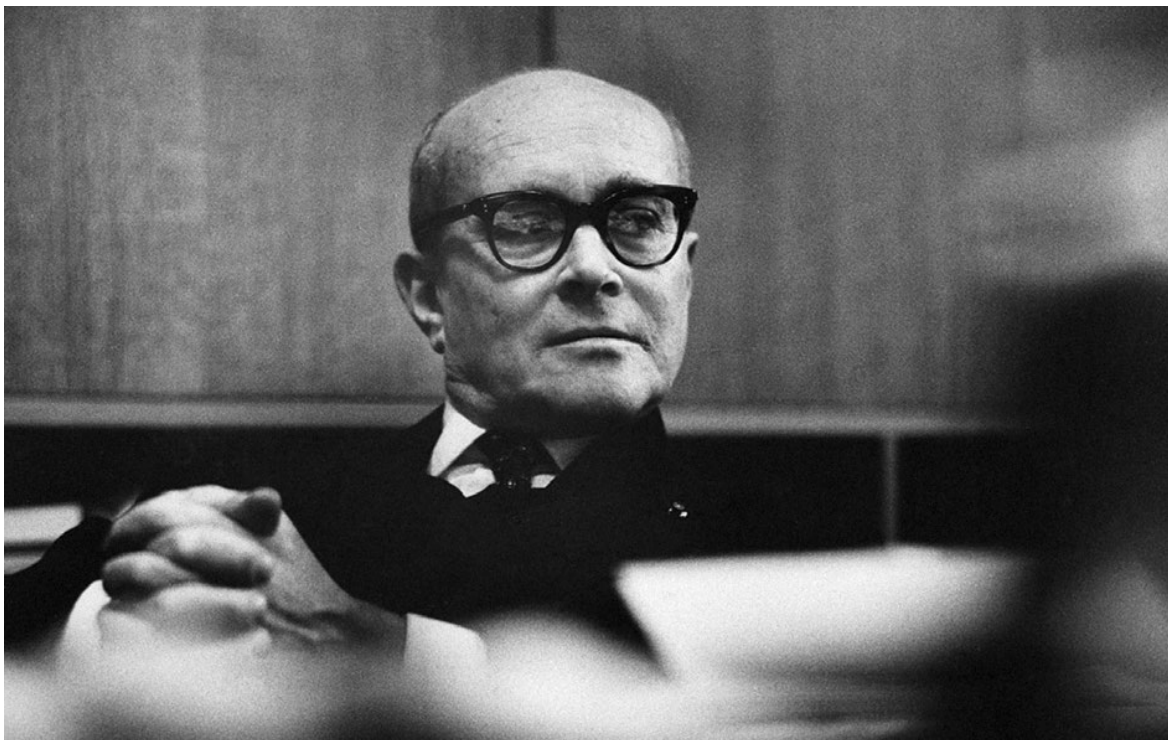
Тут были и политика, и экономика, и криминал, но и сплетни, афиши, анекдоты и даже комиксы. Один из них был особенно популярен: комикс по серии романов «Анжелика» Анны и Сержа Голлон, нарисованный художником Жаном Беллюсом, с каждым выходом прибавлял газете новых читателей.

А еще секрет был в том, что Пьер Лазаревф находил лучших авторов страны. В «Вечернем Париже» одним из его репортеров был Антуан де Сент-Экзюпери, для «Вечерней Франции» писали Жорж Сименон и Жан-Поль Сартр.

Известный журналист Филипп Лабро вспоминал: «Пьер отправлял нас делать репортажи по всему миру, не задумываясь, сколько это будет стоить газете. У него была поразительная способность чувствовать, чего ожидают самые широкие слои читателей, при этом газета никогда не была вульгарной. Настоящий маленький гений».

**НАРАВНЕ
С РЕЦЕПТАМИ
ИЗ ПРОДУКТОВ
ПО ТАЛОНАМ
И НОВОСТЯМИ
ИЗ ЖИЗНИ
ЗВЕЗД ELLE
РАССКАЗЫВАЛ
ЧИТАТЕЛЬНИЦАМ
О СОЦИАЛЬНЫХ
ПЕРЕМЕНАХ,
ВЫБОРАХ,
СТАТИСТИКЕ
ПО РАЗВОДАМ,
О ЖЕНЩИНАХ,
РАБОТАЮЩИХ
НЕ ТОЛЬКО РАДИ
ЗАРАБОТКА.**

Сначала его звали «Пьеро в подтяжках», позже он стал «Королем Парижа». Французский медиамагнат второй половины XX века Пьер Лазаревф.



Так же поразительно точно Элен чувствовала, чего хотят женщины. Вернувшись в Париж, мадам при полной поддержке мужа (он снял ей редакцию двумя этажами выше своей) придумывает журнал с названием Elle. В нем и имя создательницы, и местоимение женского рода — «Она». Элен формулирует идею своего журнала: «Le sérieux dans la frivolité, l'ironie dans le grave» («Серьезно о легкомысленном, легко о серьезном»). Как метко заметил фотограф Дени Вестхофф: «В Elle соединились французский стиль, американское предпринимательство и славянская душа».

Зная, как все устали от серых оттенков, Элен непременно хочет, чтобы новое издание было ярким. В послевоенной Франции дефицит всего, но пробивной издательнице удается-таки выпустить первый французский цветной журнал (его напечатали в США).

Казалось бы, кому в 1945-м было дело до этого? Но уже первый номер разошелся тиражом 110 000 экземпляров.

Elle был создан не для потребителя (в стартовом выпуске вообще не было рекламы, да и позже она не бросалась в глаза). Желание быть свободной сильнее желания жить красиво. И Элен это понимала. Не случайно именно в этом году француженки впервые в истории получили право избирательного голоса.

Поэтому наравне с рецептами из продуктов по талонам, советами по переделке старых платьев и новостями из жизни звезд Elle рассказывал читательницам о социальных переменах, выборах, абортах и контрацепции, о статистке по разводам, о женщинах, работающих не только ради заработка. Цель? «Привести в порядок все знания, необходимые женщинам нашего времени, чтобы взять ответственность за себя и за других». Ни больше ни меньше.

Будучи журналом и о моде, Elle выдержал конкуренцию с Vogue и L'Officiel: они воспевали роскошь и престиж, а издание Элен поддерживало практичность. Ее дочь Мишель Розье вспоминала: «В детстве мне довелось почувствовать, сколько весит одежда от Диор. Это был кошмар. Трудно представить, как женщины могли дать себя обмануть этой новой моде, придуманной мужчинами. Модели были красивые, но допотопные и, в конце концов, антифеминистические».

Элен страстно хотела, чтобы для женщин писали женщины. Хотела и получила. Серию репортажей в Elle делала молодая писательница Франсуаза Саган, бунтарский голос нового поколения. После того, как в 1954-м вышел ее первый роман «Здравствуй, грусть», она устроилась репортером к Элен Лазарефф, и вместе они придумали формат дневника путешествий по самым красивым городам Европы и Северной Америки. Каждый текст звался созвучно роману: «Здравствуй, Неаполь», «Здравствуй, Венеция»...

«Улицы в Неаполе желты и многолюдны. Царствуют тут дети, ослы и трамваи», — усмехаясь, подмечала Саган в первом репортаже. Или: «Венеция очень красива, возможно, даже слишком: я в ней задыхаюсь. Сложно говорить о тайном очаровании Венеции — весь свой шарм она выставляет напоказ...»

Специально для Elle писала и одна из самых знаменитых эмансипе XX века Коlette — классик французской словесности, первая женщина в Гонкуровской академии (литературном обществе, вручающем главную литературную премию Франции).

Одна из статей самой Элен наделала много шума в... СССР. Речь в ней шла о пылящихся в фонде Эрмитажа шедеврах французских модернистов: Матисса, Сезанна, Ван Гога. В 1954 году супруги Лазарефф совершили вояж в Страну Советов, где подозрительно много фотографировали (их даже арестовали ненадолго). «Сокровища искусства, найденные в России на чердаке» — так громко озаглавил свой текст американский журнал Look, перепечатавший сенсацию.

Директор советского музея Михаил Артамонов отозвался на навет: «Пропагандировать это, с позволения сказать, искусство миллионам посетителей Эрмитажа было бы по меньшей мере глупо. Пусть оно остается достоянием узкого круга пресыщенных гурманов, извращенный вкус которых вовсе не является нормой для здоровых людей».

Elle подарил миру и новый секс-символ — Брижит Бардо. Элен открыла ее еще



Обложка первого номера журнала Elle, ноябрь 1945 года.



Элен Гордон-Лазаревф и Кристиан Диор.

в 14 лет, сняв для обложки майского номера в 1949 году. Мать Брижит на съемку согласилась неохотно и поставила условие — не упоминать имя дочери. В подписи оставили только инициалы. Так случайно возник знаменитый псевдоним — В.В.

Через год Элен Лазаревф снова решила поставить на обложку прелестную девушку, она называла ее «моделью женщины будущего». Фото стало для Брижит началом начал. Номер увидел помощник режиссера Роже Вадим (да, мужчины тоже засматривались на Elle) и пригласил Бардо на кинопробы; влюбился и через несколько лет снял ее в своем режиссерском дебюте — откровенном фильме «И Бог создал женщину», дав старт мировой «бардомании».

Бардо и правда стала ролевой моделью для женщин по всему миру и еще не раз появлялась на обложках Elle. Однажды Элен Лазаревф удалось свести ее с самой Коко Шанель, коллегии которой Elle с удовольствием печатал. Вот только Шанель терпеть не могла Бардо.

Одна из моделей Шанель Анн-Мари Капбер-Куацца вспоминала, что Элен Лазаревф часто упоминала Брижит в разговорах и просилашить для нее платье, но мадемуазель была категорически против. Она считала, что Бардо совершенно не соответствует духу ее Дома. В конце концов, Шанель согласилась из уважения к Элен, своей подруге. Когда Бардо пришла в ателье, мадемуазель бегло бросила взгляд на актрису и сказала: «Раздевайся». Это Бардо и сделала — прямо на моих глазах. Шанель, до этого ни на секунду не умолкавшая, подняла взгляд... Впервые в жизни она потеряла дар речи. Бардо была восхитительна, а Шанель любила красивых людей. Результатом стало нежное полупрозрачное платье из черного муслина. Подобный эффект на нее однажды произвел лишь Ален Делон — по понятным причинам».

Мадам Лазаревф дружила со многими кутюрье и знала толк в моде. Спустя всего несколько месяцев после дебютного показа Кристиана Диора его New Look уже занял место на страницах Elle. Так же, как и в свое время веселые нахальные мини-платья Андре Куррежа, полосатый «свитерок бедного мальчика» Сони Рикель или платье-мешок Баленсиаги.

Во Франции говорили, что Элен «не столько отражала моду, сколько определяла ее». Истории некоторых брендов вели отсчет звездного часа после того, как попадали на страницы Elle.

К 1960-м годам аудитория журнала оценивалась в 800 тысяч читателей. Появился слоган-каламбур: «Si elle lit, elle lit Elle» — «Если она читает, она читает Elle». В 1969-м журнал начнет издаваться и в Японии; с середины 1980-х — в США, Великобритании, Италии, Германии, Китае; в 1996-м — в России.

...Супруги Лазаревф — настоящая четвертая власть, медиамагнаты. Но магнаты-трудоголики. «Франс-Суар», например, во время алжирской войны (1954-1962) иногда выходил несколько раз в день! (Да, буквально в онлайн-режиме, а в редакции в то время работали 400 журналистов.) При этом параллельно Пьер занимался другими тиражными изданиями и увлекся телевидением, создав невероятно популярное телешоу «Пять колонок на первой полосе»: когда его показывали, пустели рестораны и кинотеатры.

19-летняя Мирей Матье, «новая маленькая Пиаф», так вспоминала важную встречу с самым влиятельным журналистом, королем Парижа: «Кабинет господина Лазаревф по размерам больше, чем все вместе взятые комнаты, которые наша семья занимает в квартале Круа-дез-Уазо, но сам он маленького роста, и это меня сразу же успокаивает... Теперь я понимаю, почему сотрудники называют своего шефа просто Пьер. Его так и хочется назвать по имени, потому что сразу возникает такое ощущение, будто вы с ним давным-давно знакомы. Он приподнял свои очки на лоб, должно быть, чтобы получше разглядеть меня вблизи. «Если вы победите (Матье участвовала в песенном конкурсе. — Авт.), мы подробно опишем вашу историю. Она очень поучительна, очень человечна!»

Внушительным был не только кабинет, к тому времени супруги переехали из парижской квартиры в особняк в Лувесьен, тихое и красивое местечко рядом с Версалем. Их имение называлось la Grille Royale, Королевские ворота. Вокруг раскинулся парк с озером, где плавали утки, тут не был слышен шум шоссе.

Каждое воскресенье неутомимые Элен и Пьер устраивали в Лувесьене неприглаженные светские приемы. Кого здесь только не было! Мария Каллас и Марлон Брандо, Ив Монтан и Симона Синьоре, Генри Киссинджер, Мартин Лютер Кинг, Франсуа Миттеран, Жорж Помпиду, Ромен Гари и прочие, и прочие. Именно здесь отмечали свадьбу Франсуазы Саган с Ги Шеллером, ее издателем.

Для супругов Лазаревф эти «воскресенья» были не просто данью гостеприимству, а неиссякаемым источником информации и влияния.

Только нога Шарля де Голля, вернувшегося к власти в 1958 году, не ступала на лужайку Лувесьена. Но в Париже ходили слухи, что утро каждого понедельника де Голлю присылают список гостей, бывших у Лазаревф накануне вечером. И что мадам де Голль читает каждый номер Elle от корки до корки. Элен была в восторге от таких новостей.

Хейтеры называли чету Лазаревф «монстром с двумя головами», настолько цельным тандемом они были, даже несмотря на возникающие у обоих романы на стороне. Между прочим, один из романов, связь Пьера с кинопродюсером Маг Бодар, помог выйти на экраны знаменитым «Шербурским зонтикам». Пьер, прочитав сценарий, посоветовал любовнице взяться за проект, от которого все отказывались, и был прав: получился мировой хит!

И все же король Парижа и царица оставались рядом и любили друг друга до конца жизни. Они прожили вместе 30 лет и 3 года, наполненных всем, кроме скуки. Пьер прожил 65 лет, Элен — 78 (ушла из жизни в 1988 году).

Их медиа надолго пережили своих создателей. France Soir просуществовала до 2006 года, но принципы ее журналистики — канон и сегодня. У Elle по-прежнему десятки миллионов читательниц по всему миру.

А русскую фамилию Лазаревф знает, пожалуй, каждый француз.



КАК ДОНСКОЙ КАЗАК СНИМАЛ КИНО НА ДЕНЬГИ НИКОЛАЯ II

Александр Ханжонков — основатель российского кинематографа,
казачий офицер, ставший киномагнатом.

автор Ольга Майдельман
фото Иван Болдырев



Он начинал делать кино на коленке, без опыта и нужного образования, но уже через 8 лет контролировал треть кинопроката в России, а фильмы его компании исчислялись сотнями (за 12 лет — почти 800 игровых и документальных картин!). Какой путь прошел казачий офицер небольшого чина до киномагната первой величины с бешеным капиталом в 2 млн рублей? Надо сказать, что у самых истоков рождения кино стоит еще один донской казак — Иван Болдырев, который вопреки уготованной карьере писаря решил выбрать неровный путь фотографа. Его бытовые казачьи портреты (фото слева — «Сборы на службу» И. Болдырева, 1875–76 годы) известный критик Стасов считал произведениями искусства, не уступающими полотнам передвижников. Болдырев сделал немало открытий в фотографии, но дал толчок кино, первым изобретая в 1882 году гибкую светочувствительную негорючую пленку.

Через пять лет американцы Гудвин и Истмен создали целлулоид, и поехало. В конце XIX века проекторы азартно конструировали и в России, и по всей Европе. Аниматограф, фоноскоп, тахископ, оптический театр, хронофотограф, плеограф — как только их не называли. Даже Эдисон приложил руку, создав кинетоскоп.

И все же наиболее удачным аппаратом оказался синематограф братьев Люмьер, и в декабре 1895 года они устроили первый киносеанс — в Париже на бульваре Капуцинок. Публика, как говорится, неистовствовала. «Ожившие фотографии» казались чудом, фантастикой. Киношная лихорадка мгновенно охватила полмира.

В городах и городках появляются электробиографы — залы для чудес. Выглядят они правда совсем не волшебны: обычно это амбар, сарай или бывший магазин с прибитым к стене полотном экрана и будкой для киноаппарата. Под экраном сидит пианист, в зале стоят полсотни разносортных стульев или вообще ничего: так публики вмещается еще больше. А публики столько, что иногда порядок наводит полиция.

В одно из таких заведений — «Биограф Р. Штремер» на углу Соборного и Дмитровской (ныне Шаумяна), пылающее огнями цветной гирлянды на входе, и попадает в 1905 году молодой офицер Ханжонков, с трудом пробившись сквозь очередь и давку.

Ростов не чужой ему со школьных лет — учился здесь в Андреевской гимназии (сейчас школа №43). Потом окончил юнкерское казачье училище в Новочеркасске и 9 лет отслужил в Донском 1-м казачьем полку; воевал на русско-японской войне, где был ранен и подумывал подать в отставку.

Короткий киносеанс в Ростове производит сильнейшее впечатление на Ханжонкова и меняет всю его жизнь. Было вот что: «видовая» картина с бурными волнами Тихого океана, хроника с прибытием поезда и две примитивные комедии. «Движущиеся картинки» сопровождалась не только бурной игрой тапера, но и вздохами, вскриками и громким смехом публики. Ханжонков зачарован больше всех. «Я вышел на улицу опьяненный. То, что я увидел, поразило меня, пленило, лишило равновесия», — писал он в книге «Первые годы русской кинематографии».

Женившись в 27 лет на Тоне Баторовской, дочери владельца магазина швейных машинок «Зингер», он получает «реверс» — 5000 рублей (такие деньги давали офицерам, вступившим в брак до 28 лет). Их он и решает вложить в новое дело, и уже в декабре 1906 года Московская купеческая управа дает добро на учреждение Торгового дома «А. Ханжонков и К°» «с целью торговли кинематографическими лентами, волшебными фонарями, туманными картинами и другими товарами для фабрикации всех этих предметов».

Ханжонков неплохо зарабатывает на прокате фильмов французов — братьев Пате и Люмьер. Образование у него, потомственного дворянина, прекрасное: он владеет и французским, и итальянским, что позволяет напрямую заключать сделки с европейскими фирмами. Но торговать Ханжонкову не очень интересно. Он грезит о собственном кинопроизводстве. Первым опытом и первым провалом стала картина «Палочкин и Галочкин»: «действующие лица — два комика — оказались снятыми в некоторых местах без голов».

Вообще на русском поле экспериментов его опередил кинофабрикант Абрам Дранков с фильмом о Стеньке Разине, выпущенным в 1908 году. «Понизовая вольница»

считается первой отечественной кинокартиной. Однако скоро постановщик этой картины уходит к Ханжонкову со словами: «Дранков угробил Разина по первому разряду». Это был Василий Гончаров, инженер-железнодорожник по профессии, но киношник по призванию, в истории он навсегда останется как первый русский кинорежиссер.

Он заявляет Ханжонкову, что в Париже в мастерской Пате «изучил все тайны съемочного искусства», и приступает к съемкам. Правда методы его вызывают удивление: он, например, репетирует с актерами, держа секундомер в руке, и при съемке они двигаются очень уж резко, чересчур.

Вначале не получается ничего. Плохо вышла драма в стиле «табор уходит в небо»: цыгане просто в ужасе «заморозились» перед человеком, крутящим ручку уставленной на них камеры. Стройка Московской окружной дороги публике скучна. На гоголевскую «Женитьбу» не хватает естественного освещения. Но неудачи Ханжонкова не сломили.

Он решает, что нужно строить свое ателье. Интересно, что для этого требовалось разрешение... архиерея. А тот считал синематограф делом греховным. Предложили убедиться лично: никакого греха! Архиерей согласился при одном условии, чтобы ни единая душа не видела, как он смотрит кино. В пустом зале священнику показывают «видовые картины» для детских сеансов: реку Нил и тому подобное. Чудо техники потрясает архиерея до слез, досмотрев, он воскликнул: «До чего Господь может умудрить человека!» Разрешение дано. Дело закипело.

Первым грандиозным успехом становится фильм о последствиях невиданного землетрясения в Италии, в Мессине. Съемку вообще-то вели операторы всех крупных фирм: Gaumont, Eclipse, Pathe и прочие, но в от-

ношении «сверхсенсации» важна скорость, а они потеряли время: на Рождество московская таможня, конечно же, закрыта. Ну, а пока французы нервничают, к нашему герою приезжает итальянец с чемоданом пленки. Ханжонков придумал хитрый ход: заплатить пошлину не московской, а пограничной таможне, живущей по новому стилю, они праздник уже отметили. Его фильм готов первым. 60 катушек разлетелись, как горячие пирожки.

Синематограф развивается сумасшедшими темпами, но за пару лет он становится не только чудом XX века, но и выгодным аттракционом, прибыльной коммерцией. Теперь публике показывают уже не прибытие поезда, а так называемый «парижский жанр» — «фильмы для взрослых», их дают после основной программы за отдельную плату. Показы эти имеют бешеный успех. Неудивительно, что за кино скоро закрепилась дурная слава: разврат и больше ничего! В 1908-м выходит даже губернаторский указ, запрещающий ученикам гимназий «посещать трактиры и кинематографы».

Ханжонков твердо решает бороться за настоящее киноискусство — и снимает лермонтовскую «Песнь о купце Калашникове». Музыка к «фильму» для оркестра и хора сочинял Михаил Ипполитов-Иванов, ректор Московской консерватории, в целом выходило мощно. Съемки подходят к концу, как вдруг выясняется, что Дранков, зная о замысле своего конкурента от него же самого, тоже затеялся с Калашниковым и близок к финалу!

Ханжонков в растерянности (после этого случая замыслами он не делился ни с кем, о сюжетах не знали иногда и сами участники съемок), но тут ему помогли ставшие



Александр Ханжонков.

друзьями партнеры в Италии: моментально напечатали позитивы. И 100 пленок разошлись так же экстренно, как и Мессина.

«Песнь о купце Калашникове» критики назовут «первой исторической картиной». Громкая премьера состоялась во время гуляний на Масленицу, в феврале 1909-го. Кинозалом стал манеж — самое большое помещение в Москве. Калашникова играл Петр Чардынин, выпускник класса Немировича-Данченко. Зрителей — около 7 тысяч, сейчас такие толпы собирают только рок-звезды.

Кстати, ровно в это же время, весной 1909-го, в США возникает Союз независимых: объединяются кинофирмы, снимающие ленты на Западном побережье, подальше отсюда, где главенствует изобретатель кинетоскопа Томас Эдисон, жаждущий монополии. Самым удобным для съемок становится возникшее на месте испанской колонии предместье Лос-Анджелеса — поселок Голливуд...

Голливудом для Ханжонкова стали московские Сокольники, где он взял в аренду дачу. Теперь он старается прежде всего красиво снять массовки, для чего к нему с радостью нанимаются московские студенты. Правда, иногда в сценах XVI века может мелькнуть неснятое пенсне или калоши, но на эти ляпы приходится закрывать глаза.

Декорации условны: мельницей для пушкинской «Русалки», например, служит деревянная купальня с приделанным наспех колесом. А в финальной сцене подводное царство просто нарисовано на большом заднике, однако эту сцену критики хвалили больше всего. (У кино свои законы, это быстрее всех понял Жорж Мельес, в это же время создающий во Франции невиданные спецэффекты из ничего.)

Сценарии немого кино, вернее сценариусы, содержали чисто техническую информацию о постановке, актерскую сверхзадачу объясняет режиссер. Делает он это «на нерве», повышенным тоном, «чтобы вызвать соответствующее настроение». Немое кино вообще было очень громким: кричат режиссеры, свою роль кричат актеры, шумят любопытные, которые толпами скапливаются везде, где идет съемка.

Кстати, именно Ханжонков первым учредил хлопотливую должность помрежа, помощника режиссера. Сначала в обязанности того входит только запись артистов для съемки, потом еще десяток других дел, а скоро остается только удивляться, как можно было вообще обходиться без такого незаменимого человека. Помрежем становится «Калашников» — Петр Чардынин, он же сыграл и Ермака в фильме «Ермак, покоритель Сибири». Скоро актер сам овладевает новой профессией кинорежиссера и уже не только снимается, но и снимает в ателье Ханжонкова (на его счету 200 картин).

Дранков со своим «Калашниковым» провалился, но, когда Ханжонков при личной встрече хотел выразить ему свое фе, добродушно развел руками: «Чего сердиться, Александр Алексеевич? Вы на этом деле заработали, я потерял». Конкурируют, однако, постоянно.

Оба они, да и вообще все киношники, хотят запечатлеть на пленку живого Льва Толстого. Тот отказывается.

Дранкову первому удается сенсация: он снял великого старца во время его приезда в Москву на собственный 80-летний юбилей (по одной версии, часть своей хроники Дранков делал как папарацци из окошка уличного сортира Ясной Поляны). Ханжонков же первым выпускает «Похороны Льва Толстого» — тоже ажиотажный фильм. Заказов на него столько, что пленку печатают без устали двое суток.

Кстати, первыми «русскую хронику» освоили братья Пате, и не прогадали: например, крошечная лента «Донские казаки», в которой показывали простую жизнь полка (джигитовку, рубку лозы и прочее), стала натуральным гвоздем сезона.

Увековечил Ханжонков и самый «золотой состав» МХАТа. Он предложил мхатовцам разыграть сценку: окруженный актерами Немирович-Данченко читает свое произведение, затем в комнату входит Станиславский и поздравляет его. Среди актеров — великий Качалов, Ольга Книппер (вдова Чехова) и другие. Снято без дублей, идеально с первого раза.

Со слов актрисы Софьи Гославской, сам Ханжонков выглядел так: «среднего роста рыжевато-белокурый блондин с... не то задумчивыми, не то рассеянными глазами», который «на дельца, на ловкого коммерсанта никак не походил».

Классика у бывшего офицера в приоритете. Он делает фильмы по произведениям Некрасова, Достоевского, Лермонтова, Пушкина, Островского несмотря на то, что ставить приходится на зрителей искушенных: получасовые фильмы были по сути набором ключевых сцен, и понять сюжет, не зная первоисточник, почти невозможно.

«Оборона Севастополя» (1911) — первая в России полнометражная картина, и она занимает особое место не только в длинном списке фильмов кинофабрики Ханжонкова, но и в истории кино. Это повесть о неравном сражении во время Крымской войны 1854 года: русские моряки тогда выдержали осаду в 11 месяцев, причем, что военная сила их была в три раза меньше, чем у противников (союза Англии, Франции, Турции и Сардинского королевства).

Если обычно фильмы шли 20-30 минут, то этот длится 100. Производство впервые настолько масштабно: с массовыми боями, затопленными кораблями, в общем, настоящая реконструкция событий. На сеансах для правдоподобности даже стреляют за кулисами холостыми, отчего иногда приходится прерывать показ и проветривать зал от порохового дыма.

Финал картины пробирал до мурашек: операторам Ханжонкова удалось снять реальных участников Крымской войны — как англичан с французами, так и русских, подняв картину на уровень серьезной документалистики. Император Николай II, ему первому показывают фильм, остался очень доволен, хотя за некоторые ляпы авторам откровенно стыдно. «Для меня было приятной неожиданностью, когда в зале раздались аплодисменты, и царь, уходя, остановился около меня и поблагодарил за труды», — вспоминал Ханжонков.

Николай II доволен настолько, что награждает Александра Алексеевича орденом («за исключительно полезную деятельность»), а режиссера Гончарова — золотой медалью «за усердие». Картину берут в широкий прокат по всей России, а Ханжонкову разрешают снимать в любом месте Москвы, включая Нескучный сад, где любила прогуливаться царская семья.

Что интересно, он совсем не собирался делать этот фильм. Во-первых, это было беспрецедентно дорого и длинно, во-вторых, для таких массовых съемок нужно было разрешение царя. Но Гончаров уговаривал горячо и не отставал. Тогда Ханжонков предложил самому Гончарову к царю и обратиться. К его удивлению, вскоре тот вернулся не только с разрешением, но и с согласием царя поучаствовать в бюджете. Так что «Оборона» еще и первый фильм с господдержкой.

Кино постепенно становится важнейшим из искусств, а «Ханжонков и К^о» открывает филиалы своего проката в Петербурге, Харькове, Саратове, Баку, Екатеринбурге и, конечно, в Ростове. «Пройдитесь вечером по улицам столиц, больших губернских городов, уездных городишек, больших сел и посадов, и везде на улицах с одиноко мерцающими керосиновыми фонарями вы встретите одно и то же: вход, освещенный фонариками, и у входа толпу ждущих очереди — кинематограф, — пишет в 1912 году Серафимович в статье «Машинное надвигается» для журнала «Сине-фоно». — Загляните в зрительную залу, вас поразит состав публики: здесь все — студенты и жандармы, писатели и проститутки, офицеры и курсистки, всякого рода интеллигенты в очках, с бородкой и рабочие, приказчики, торговцы, дамы света, модистки, чиновники, словом, в с е».

Ханжонков даже заключил договоры на сценарии с ведущими прозаиками:

**ХАНЖОНКОВ
ДАЖЕ ЗАКЛЮЧИЛ
ДОГОВОРЫ
НА СЦЕНАРИИ
С ВЕДУЩИМИ
ПРОЗАИКАМИ:
АВЕРЧЕНКО, ТЭФФИ,
КУПРИНЫМ, ПРАВДА
ПРЕССА ТУТ ЖЕ
ОСУДИЛА ПИСАТЕЛЕЙ
И ПРЕЗРИТЕЛЬНО
НАЗВАЛА
«МЕТРОГОНАМИ».**

Реклама Ростовского
отделения Торгового дома
«Ханжонков и К°».



Торговый Домъ
А. ХАНЖОНКОВЪ и К°.
въ Москвѣ. Тверская 26.
Собственная фабрика и представи-
тельство иностранныхъ фирмъ.
Ростовское н-Д. Отдѣленіе
Дмитріевская 122.
Адресъ для телеграммъ: Телефоны:
Москва | Ростовдонъ | „Кинема“.
Москва 77.—85.
Ростовъ н-Д. 15.—74.



Афиша фильма «Достойный нации» А. Ханжонкова, 1915 год.

Аверченко, Тэффи, Куприным, Леонидом Андреевым, правда пресса тут же осудила писателей за «синематографическую деятельность» и презрительно назвала «метрогонами», поправшими «в пользу Пате и Ханжонкова интересы русской литературы». Поэтому сотрудничество сводится к разрешению использовать уже готовые рассказы и повести.

В 1912 году «фабрика грез» Ханжонкова выпускает на экраны первый русский мультфильм и первую в мире объемную кукольную анимацию. Автор — молодой человек Владислав Старевич, о котором Уолт Дисней как-то сказал, что «этот человек обогнал всех аниматоров мира на несколько десятилетий». Действующие лица мультфильма — жуки: Старевич был с детства одержим энтомологией и фотографией, но служил чиновником казначейства.

Ханжонков увольняет его со службы, дает камеру и пленку. Старевич намеривался снять фильм о жуках-оленьях, которые дерутся за самку. Увы, при нужном освещении жуки стали пассивны, драться не желали. Тогда у Старевича рождается безумная идея

сделать из панцирей рогачей муляжи-куклы и снять постановку. Так в 1910-м выходит познавательный *Lucanus Cervus* (это латинское название жука-оленя), а через два года — «Прекрасная Люканида, Или война усачей с рогачами», 8-минутная пародия на популярные мелодрамы из жизни аристократов, но в членистоногом мире жуков.

Мультфильм хорошо продается за границу и вызывает не только всемирный восторг, но и всемирное удивление. Лондонская *Evening News* писала: «Как все это сделано? Никто из видевших картину не мог объяснить. Если жуки дрессированные, то дрессировщик их должен был быть человеком волшебной фантазии и терпения».

Работа и в самом деле безумно кропотливая, вот как объяснял процесс сам «дрессировщик жуков»: «Сначала насекомое нужно подготовить. Не так уж трудно пропустить сквозь лапки тонкую проволочку, прикрепив ее воском к туловищу. Я сделал из пластилина «поле битвы», чтобы иметь основание, в котором держались бы лапки насекомого. При съемке я делил каждое движение на ряд фаз. Для каждого кадра устанавливал свет».

Старевич впервые применил анимацию и в игровом кино, развернувшись на фантастике гоголевских повестей, поставленных им у Ханжонкова: в фильме «Ночь перед Рождеством» он авангардно совместил в кадре живых актеров и рисунков. А снятая им «Страшная месть» даже без спецэффектов получила золотую медаль на Всемирной выставке в Милане-1912.

Старевич — активный участник и первых просветительских короткометражек: «Электрический телеграф», «Пьянство и его последствия». Кинофабрика Ханжонкова единственная в стране выпускала такие картины и даже создала свой научный отдел для их производства. «Пьянство», кстати, давало весьма сильное впечатление: кроме документальных кадров патологии тут есть допившийся до белой горячки человек, которого качественно сыграл актер Иван Мозжухин, узревший крайне реального чертика (кукольный черт — дело рук Старевича).

Не меньше внимания уделяет студия и съемкам хроник, среди прочих снято и несколько ростовских событий, например, «Парад георгиевских кавалеров на Соборной площади в Ростове» и «Встреча католика всех армян Матеоса II в Нахичевани-на-Дону».

Показывают эти фильмы в электротeatре «Пегас» на Триумфальной площади: к 1913 году Ханжонков построил и свой кинозал с самым большим экраном в Москве (9 x 6 м).

Изящное здание в стиле итальянского ренессанса с залом в три яруса вмещает 750 зрителей. Кинотеатр поражает своими размерами, но самым удивительным был фокус на открытии: после ретроспективы студийных хитов зрителям вдруг показали их самих у входа в «Пегас»! «Многие сначала даже не поняли, в чем дело. Но когда среди подъезжающих и подходящих к кинематографу они узнали друг друга, то восторгу и шуткам не было конца». Еще бы! Такая штука и сейчас произвела бы впечатление.

Афиши, которые висели на электротeatре, тоже не оставляли равнодушным. Одно упоминание имени Веры Холодной, самой загадочной звезды начала XX века, делало кассу. И именно фильмы Ханжонкова сделали молоденькую танцовщицу, бросившую балетную школу, королевой немого кино.

Попробоваться ее уговорил начинающий шансонье Александр Вертинский, с которым она нежно дружила. Дебют, увы, был неудачный. Владимир Гардин, снявший ее в эпизоде «Анны Карениной», говорил: «Вера Холодная тогда умела лишь поворачивать свою красивую голову и вскидывать глаза налево и направо вверх. Правда, выходило это у нее замечательно, но больше красавица Вера дать ничего не могла».

Однако спустя год, в 1915-м, в артистическом клубе красавица Вера знакомит-

**ИМЕННО ФИЛЬМЫ
ХАНЖОНКОВА
СДЕЛАЛИ
МОЛОДЕНЬКУЮ
ТАНЦОВЩИЦУ,
БРОСИВШУЮ
БАЛЕТНУЮ ШКОЛУ,
КОРОЛЕВОЙ
НЕМОГО КИНО
ВЕРОЙ ХОЛОДНОЙ.
ПОПРОБОВАТЬСЯ
ЕЕ УГОВОРИЛ
НАЧИНАЮЩИЙ
ШАНСОНЬЕ
АЛЕКСАНДР
ВЕРТИНСКИЙ.**



Звезды русского немого кино. Слева направо: В. Полонский, В. Максимов, В. Холодная, О. Рунич, П. Чардынин, И. Худолеев, И. Мозжухин. 1918 год.

ся с режиссером студии Ханжонкова — Евгением Бауэром. Тот ищет героиню для своей картины по пьесе Тургенева, именно красота ему и нужна, больше ничего, поэтому он с ходу предлагает ей главную роль. Как тут отказаться? Позже этот период жизни Веры Холодной назовут бауэровским. Уже первая картина «Песнь торжествующей любви» приносит огромный успех и ей, и фабрике Ханжонкова. За один только год она снялась в десятках картин студии.

Актрисой Холодная была довольно средней, но она красива, изящна, и Бауэр придумал, как ее подать зрителю: он дробит съемку сложных душевных страданий на отдельные простые эмоции (смех, слезы, печаль, тревога) и чередует их, вставляя пейзажи и натюрморты. Бауэр не прогадал: экранная Вера производила совершенно магнетическое действие на публику. Впервые был сделан новый маркетинговый ход: реклама строилась не на сюжете, а на участии в картине звезды, и Холодная была первой из них. Кстати, Холодная — не псевдоним, а фамилия мужа (в девичестве она была Левченко).

К сожалению, звездный путь ее был недолгим, в 1919-м Вера заболела гриппом-«испанкой» и умерла в 26 лет, оставив романтический шлейф яркой, сторевшей звезды и полсотни утраченных фильмов.

«Ваши пальцы пахнут ладаном,
А в ресницах спит печаль.
Никого теперь не надо нам,
Ничего теперь не жаль...»

Этот печальный романс Вертинский посвятил Вере Холодной при жизни, но испугал ее этим настолько, что убрал надпись. Вернул он посвящение, только узнав о смерти звезды. Фильм «Похороны Веры Холодной» стал ее последним хитом, собравшим огромную кассу.

Началом конца для фабрики Ханжонкова стал 1917 год, правда понял магнат это не сразу. Проблемы пришли с Первой мировой войной: то исчезала пленка, то ценные сотрудники — призвали в армию Старевича, ушли к богатому харьковскому конкуренту главные звезды. В 1915-м от разрыва сердца умер бессменный постановщик Василий Гончаров, через два года погиб и режиссер Евгений Бауэр. Ревматизм, заработанный Ханжонковым еще на войне, проявил себя так, что ему пришлось сесть в инвалидную коляску. Но окончательно все смешалось после революции.

Ханжонков не испугался переворота, он даже снял картину в духе времени — «Революционер». Казалось, задул свежий ветер, ветер перемен. На лето в Ялте Александр Алексеевич присмотрел и купил участок «с прекрасными декоративными растениями и

соответствующим домом». Здесь было решено оборудовать первую в русском кинопроизводстве съемочную летнюю базу.

В какой-то момент Ялта становится культурным центром: сюда приезжает Шаляпин, переносит свое производство Дранков и другие кинопромышленники, она наводняется режиссерами, художниками и актерами, которые бегут из Москвы. Но все это ненадолго. Война добирается и до Крыма. Связь с Москвой прервана, нет ни денег, ни пленки.

Кстати, единственным в этот непростой период, кто регулярно снабжал ялтинскую киностудию средствами, был ростовский филиал. Директор этого филиала Яков Узуньян как-то приехал лично с большой суммой денег и оригинальной просьбой: нельзя ли ему как режиссеру снять в студии фильм? За свой счет. Ханжонков дал добро, а ростовчане не стали медлить. Сценарий Узуньян с Папазяном (он же Эрнесто Ваграмм) приготовили молниеносно, сюжет был готов заранее: популярная восточная комедия «Ол масун бу алсун» («Не та, так другая»).

Картину сняли и, надо думать, показали с успехом, но через год и ростовчанам приходится туго: вместо денег Узуньян присылает Ханжонкову... десятки пудов туалетного мыла. Фильмов в это время выходит крайне мало. Страна охвачена Гражданской войной. Киношный мир лихорадит: сокращается сеть кинотеатров, начинается топливный кризис, кинодеятели то объединяются в союзы, то распадаются на враждующие лагеря, или вовсе выходят из дела.

Но Ханжонков в 1920-м умудряется хорошо продать свои фильмы, и пока другие киношники думают только о том, как бы по-человечески выжить, он все деньги вкладывает в строительство большого, фундаментального ателье со всеми подсобными цехами по последнему слову заграничной техники.

Именно оно и стало той самой Ялтинской киностудией со звонкими тиграми и корабликом: пока Ханжонков лечился за границей, его крымское ателье национализировали. Изъяла новая власть и кинофабрику в Замоскворечье: в СССР она стала 1-й фабрикой Госкино. А красавцу-электротеатру «Пегас» дали новое невыговариваемое имя «Межрабпомфильм».

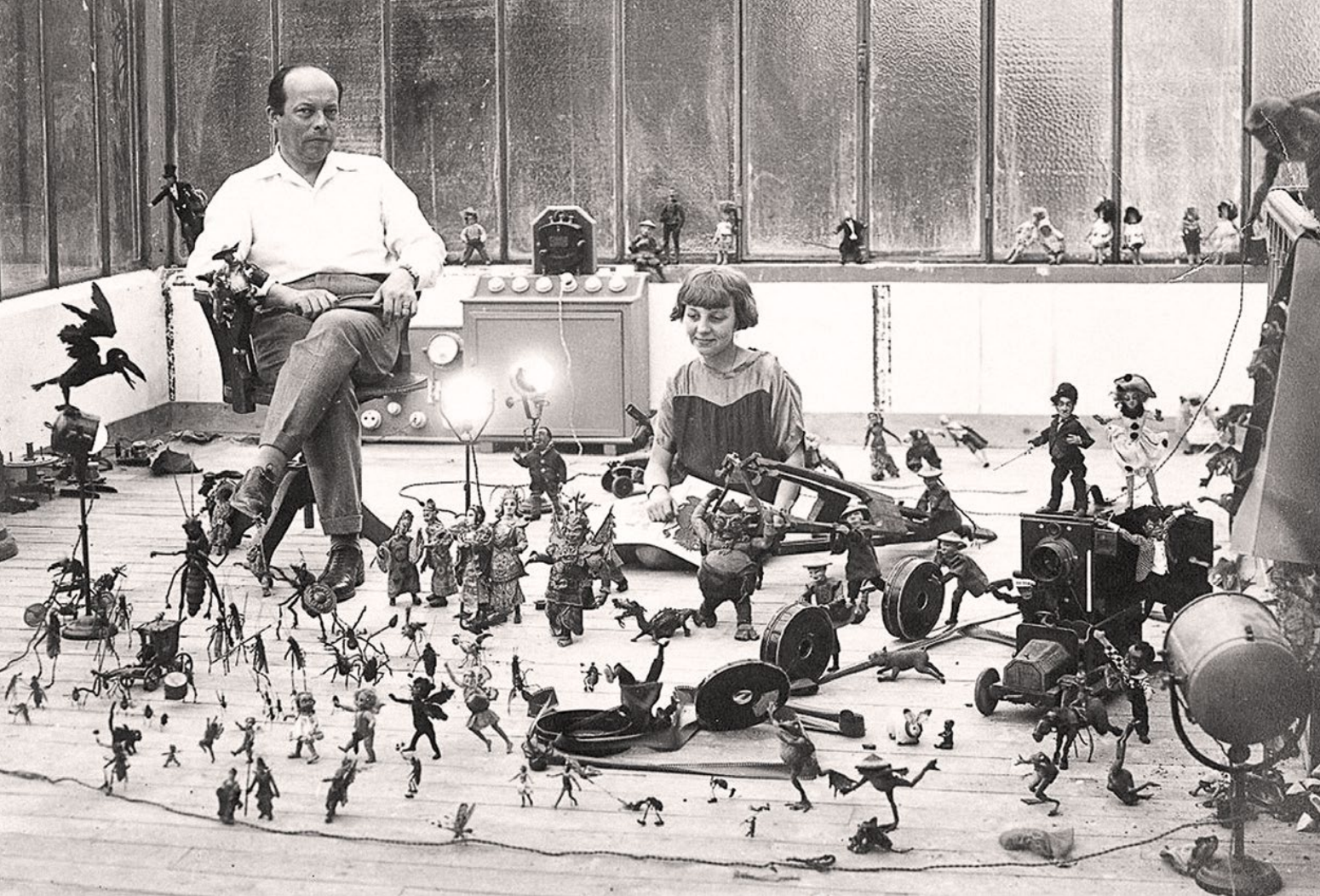
Поселившись в немецком Бадене, Ханжонков с инженерами и техником на последние деньги пытается разработать систему звукозаписи — дать кино голос, но деньги, увы, быстро заканчиваются. И, конечно, он не может отказаться, когда в 1923 году Луначарский лично приглашает «замечательного деятеля русской кинематографии» вернуться в Россию помочь советскому кино.

Александру Алексеевичу дают место директора новой фабрики «Пролеткино», которая под его руководством перевыполняет план на 30% (еще бы, с таким опытом!) и готовит свои фильмы к показу во Франции, Италии, Германии и США. Но в 1926-м на Ханжонкова и еще несколько человек заводят дело и арестовывают. Обвинение — бесхозяйственность и растраты.

И хотя вину его доказать так и не смогли, ему запретили главное — работу в области кинематографии. Резкое ухудшение здоровья снова привело Ханжонкова в теплую Ялту. И снова нет денег, но теперь нет еще и любимой работы — одна горькая обреченность и призрак голодной смерти. Седого человека в инвалидной коляске поддерживает только вторая жена Верочка, монтажистка его когда-то огромной студии.

В 1934 году бывший магнат Ханжонков вынужден обратиться к одному из киноначальников советской России со щемящим письмом: «Мое положение и в моральном, и в материальном отношении стало настолько невыносимо...» Чиновники смягчаются: отмечая 15-летие советского кино, пионеру русской кинематографии дают пенсию в 350 рублей.

Единственное, чем он теперь может заняться — писать мемуары. Выходят они в 1937 году в сильно урезанном и отредактированном виде. Жизнь кинематографиста становится черно-белой немой лентой. Один из его ялтинских соседей, бывший в те годы мальчиком, рассказывал «Литературной газете» в 2016-м: «Мэтр с женой теснились



Первый русский аниматор Владислав Старевич в студии с дочерью Ириной и персонажами своих мультфильмов.

в двух мрачных комнатах коммуналки. Меня поражало обилие старинных вещей, фотографий на стенах, старых киноафиш. И среди этого интерьера на кресле-коляске, изогнутой, венского типа, сидел хозяин, Сан Сеич, как игриво, но в то же время уважительно называла его жена.

В отличие от своей жены-щебетуньи Ханжонков был неразговорчив, даже замкнут. В то время судьба отмерила ему несколько последних лет на земле, и он словно подводил итоги прожитого, писал книги. Кинематографиста, показывавшего фильмы царю, не очень-то жаловали молодые советские киношники, его практическая помощь, громадный киноопыт оказались не нужны... А вот энергичная Вера Ханжонкова (Попова) продолжала работать на Ялтинской киностудии, даже стала начальником монтажного цеха. Это были предвоенные годы...

После войны наша квартира была занята соседями. Ханжонковых тоже не было. Оказалось, когда немецкий комендант узнал, что такой знаменитый человек погибает почти что в трущобе, он велел переселить семью кинематографиста в особняк на Боткинской, 15. Нам же идти было некуда. И нас приютили Ханжонковы... Там же, на Боткинской, в октябре 45-го Александра Алексеевича не стало. На стене этого дома тогда установили памятную доску, где ошибочно указали, что именно там жил Ханжонков в Ялте».

Только спустя много лет, это имя по-настоящему войдет в историю и Ханжонкова по праву назовут основателем российского кинематографа. А в Ялте и Ростове поставят памятники тому, кто был навек влюблен в волшебный мир кино.

«ВОЗЬМИ В ПОЛЕТ ЦВЕТЫ И БОМБЫ». ИСТОРИЯ ДЕВУШКИ ДИНЫ, КОТОРУЮ НАЗЫВАЛИ «НОЧНОЙ ВЕДЬМОЙ»

Эта история — о Евдокии Никулиной, Герое Советского Союза, командире эскадрильи легендарного авиаполка.

автор Ольга Майдельман

фото Евгений Халдей, Иван Шагин, Аркадий Шайхет

Летчиц этого полка прозвали «ночными ведьмами». Они были настоящим проклятием немецких войск, они сеяли ужас и панику — появлялись внезапно и бесшумно, в полной темноте, оставляя за собой взрывы и разрушения.

А летали-то при этом на примитивных «кукурузниках», которые немцы поначалу презрительно звали «рус-фанер»: было просто смешно сравнивать советские бипланы с реактивными «мессершмиттами». Они действительно были сделаны из фанеры, летали медленно и низко — пустяковая, казалось бы, вещь. Но именно такой «пустячок» не могли засечь вражеские расчеты ПВО. Кроме того, к мотору прилагались два пламенных сердца: летчицы и штурмана. А женское сердце — страшная сила.

Снижаясь, «ведьмы» выключали мотор и беззвучно планировали, выбирая, куда бросить бомбы; шелест ветра о самолетные крылья и напоминал полет на метле. «Нахтэксен! Нахтэксен (ночные ведьмы)!» — кричали фашисты, услышав этот звук совсем близко.

И действительно, 46-й гвардейский ночной бомбардировочный авиационный Таманский Краснознаменный и ордена Суворова полк (до февраля 1943-го — 588-й ночной легкомобардировочный) был уникален. Он состоял исключительно из женщин. Вернее, из девочек. Потому что некоторым из них при поступлении на службу едва исполнилось 17 лет. А в среднем, не больше 22-х. Никулина была поопытнее и постарше — целых 24 года.

«Дерзкая» идея создать женский авиаполк принадлежала летчице Марине Расковой, живой легенде СССР. В 1938-м в составе женской же тройки она совершила первый беспосадочный перелет из Москвы на Дальний Восток — 26 часов в воздухе! Смелые летчицы стали первыми в истории женщинами-Героями Советского Союза.

Но в 1941-м, в самом начале войны, Расковой с ходу отказали: некогда нам с вашими барышнями возиться. Однако идея засела в умах, ведь в те времена аэроклубы были всеобщим увлечением, и равноправные советские женщины старались не отставать от мужчин: прыгали с парашютами, становились пилотами.

Евдокия Никулина, деревенская девочка из-под Калуги, однажды и навсегда замороженная «железной птицей», увиденной случайно еще в детстве, прошла авиационную школу сначала в Балашове, а потом в Батайске. Причем под Ростовом трехлетний курс она окончила за два года: у нее оказался особый талант к полетам, даже «ведьмы» считали ее лихим летчиком.



Поэтому, когда Сталин в октябре 1941-го все же издал приказ о формировании трех женских авиационных полков, Никулина была зачислена одной из первых. Увы, асов не хватало. Объявили призыв, и на него пришли сто девчонок 16-20 лет, понятия не имея, на что, собственно, идут. Школьницы, студентки, фабричницы, в босоножках на белые носочки, с длинными косами и горящим взглядом. «Я чувствую, что здесь я делаю то, что должна делать», — писали они домой фиолетовыми чернилами.

Во всех кинофильмах об этом женском авиаполке, а их немало, пряди брюнеток и блондинок красиво выбиваются из-под шлемов, но на самом деле ничего этого не было. Первое, что девочки услышали, был приказ о всеобщей стрижке «под мальчика». С косами надо было проститься.

Одна из летчиц полка Наталья Меклин в книге «Нас называли ночными ведьмами» вспоминала эту печальную сцену отрешения: «Женя Руднева спокойно улыбнулась мне и села. Глядя на себя в зеркало, стала неторопливо расплетать косу. Наконец она тряхнула головой, и по плечам ее рассыпались золотистые волосы. Все кругом застыли: неужели они сейчас упадут на пол, эти чудные волосы? Пожилой мастер стал молча выдвигать и задвигать ящики, ворошил там что-то, потом тяжело вздохнул: «Стричь?» Женя удивленно подняла глаза и утвердительно кивнула. И он сразу нахмурился, сердито проворчал нам: «Тут и так тесно, а вы все столпились... Работать мешаете!» И ножницы защелкали неумолимо, решительно. Даже слишком решительно. Я пошла к выходу. Справа и слева от меня слышно, как снег, падали кольца и пряди, светлые и темные. И мягко ступали сапоги по этому ковру из девичьих волос».

Кстати, сапоги были «самое мучительное» — 40-43-го размеров, девочки называли их «котики», по аналогии с Котом в сапогах. Солдатскую форму выдали, конечно, тоже гулливерскую: огромные гимнастерки и штаны, шинели, в которых они утопали. Даже белье было мужское.

Обучавшиеся там же мужчины смотрели на неуклюжих девушек с откровенной усмешкой: бабы, а туда же, в летчики! Свысока называли их «батальоном смерти», отправляли барышень домой, к куклам, тряпкам... Так же поначалу отнеслись к женским эскадрильям и на фронте. «В чем мы провинились? Почему нам прислали такое пополнение?» — с обидой говорил командир 325-й авиадивизии 4-й Воздушной армии.

А между тем, всего за четыре месяца барышни освоили двухлетнюю программу. Учения шли по 11 часов в день. «Женщина может все», — твердила Раскова. Новички внимали, выпускницы летных школ обучали. Две задушевные подруги, университетские студентки, сами устроили себе муштру. Одна из них, из-за маленького роста даже не достававшая до педалей, пугалась в меховом комбинезоне, и вторая дала ей «наряд»: каждый вечер снимать и надевать комбинезон по пять раз, пока одевание не стало рекордно быстрым.

Полеты начались зимой. Штурман Галя Докутович писала в дневнике: «Первый раз в жизни поднялись в воздух. Катя отморозила щеку, но все вернулись радостные, возбужденные, рассказывали друг другу о своих первых ощущениях в воздухе».

Отмороженная щека? На такую ерунду даже не обращали внимания. Бывали дни и похуже. «По сигналу тревоги вышли на аэродром. Ураганный ветер поднимал в воздух сугробы снега, залепляя глаза, нос; снег на лице таял, лицо становилось мокрым, а от ветра сразу покрывалось коркой льда. Ресницы превращались в ледяные сосульки, в пяти шагах уже ничего не было видно», — это из дневника той же Докутович. Ураган в тот день валил с ног: дверь в ангаре погнуло и сорвало, а девочки вышли, чтобы «держаться самолеты» — 800 кило веса (!), и пять часов «стояли у машин, оберегая их от урагана».

В полете многих поначалу тошнило, кружилась голова, подступала слабость. Особенно в «штопоре» или при перевороте: «Земля качалась, качалась — и вдруг встала у меня над головой». Но когда Раскова спрашивала, внимательно глядя в глаза: «Ну как? Будешь летать?», не отказалась ни одна. В итоге были созданы две ночные эскадрильи — 115 дев-воительниц.

Ни для вылетов ночью, ни для войны не было приспособлено ничего. Биплан Поликарпова, или У-2 (позже По-2), был мирным самолетом, его и «кукурузником» прозвали за то, что чаще всего использовали на полях, при сельской работе. В ночные бомбардировщики он попал потому, что за линию фронта мог летать исключительно в темноте. Днем его сразу бы сбили.

**ХОРОШО ЛЕТАТЬ —
ЭТО БЫЛО ЕЩЕ
НЕ ВСЕ, «ВЕДЬМЫ»
ДОЛЖНЫ БЫЛИ
ИСХИТРИТЬСЯ
В ТЕМНОТЕ НАЙТИ
ВРАЖЕСКУЮ ЦЕЛЬ
ВНИЗУ, ПОПАСТЬ
В НЕЕ БОМБОЙ
И ПРАКТИЧЕСКИ
ШЕСТЫМ ЧУВСТВОМ
ОТЫСКАТЬ ДОРОГУ
ДОМОЙ.**

Шел «небесный тихоход» с крейсерской скоростью 120 км/ч и обычно не выше 1500 м. Но при этом мог приземлиться и взлететь без большого разбега, почти в любом месте — на дороге, у леса, на деревенской улице, а его фанерное тело чинилось на раз. Да и управление было совсем простым, он ведь использовался еще и как учебный, а штурман в кабине сзади в случае чего мог управление перехватить.

Правда, не было радиосвязи и бронеспинок, защищающих от пуль, не было бомбового отсека (бомбы привешивались прямо под плоскости самолета). Не было прицелов, девчонки сделали их сами и назвали ППР (проще пареной репы).

Кабины были открыты всем небесным стихиям, а летали «ночные ведьмы» практически в любую погоду. «Мы основательно замерзали, продуваемые морозными ветрами, хотя одевались тепло. Наши лица от постоянных колючих ветров стали коричневыми», — вспоминала Наташа Меклин.

Утром в общежитии можно было услышать девчачий шепот: «А я сегодня маму во сне видела». — «Везет людям!», «А я купила крем за 11 рэ». — «Зачем?» — «Хоть он мне будет напоминать, что я женщина».

Командиром авиаполка назначили 28-летнюю Евдокию Бершанскую, тоже выпускницу Батайской летной школы, но с 10-летним стажем, опытную. Прикрываясь ее именем, мужчины-летчики поначалу звали женский полк с налетом превосходства — «Дунькин».

А вот Евдокия Никулина не была ни Дуней, ни Дусей, все называли ее древним и звонким именем Дина, что в переводе с греческого «сильная», а с иврита и того серьезнее — «возмездие».

Постоянный штурман Дины — Женя Руднева, третьекурсница отделения астрономии мехмата МГУ, мечтательная и мягкая девушка по прозвищу Звездочет, писала маме: «Ну, а из всех летчиц самая лучшая, конечно, Дина. Не потому, что она моя, нет, это было бы слишком нескромно, а потому что она действительно лучше всех летает».

Но хорошо летать — это было еще не все, «ведьмы» должны были исхитриться в темноте найти вражескую цель внизу, попасть в нее бомбой и практически шестым чувством отыскать дорогу домой, потому что посадочная полоса обозначалась керосиновыми фонарями, открытыми только с одной стороны. У летчиков это называлось: «Надо сесть по папироске командира полка».

Все шло хорошо, но 8 марта, уже накануне отправки на фронт, случилась первая трагедия. Во время тренировочного полета внезапно поднялась пурга. «Мы летели, как в молоке, ничего не видно было, кроме приборов в кабине», — писала Бершанская. Из полета не вернулись три экипажа. Один из них врезался в землю.

Но, похоронив боевых подруг, спустя еще два месяца упорных тренировок, в июне 1942-го полк сразу вклинился в самые кровавые бои на реке Миус. Пробиваясь к Дону, немцы бомбили Лихую — узловую станцию, а девушки, как стемнеет, что было мочи бомбили немцев. А иногда еще и ругали сверху! На вылет брали 150-200 кг бомб, те, что поменьше, вдобавок брали на коленки и вручную сбрасывали вниз. За ночь делали 6-8 часовых вылетов, так что в сумме получалось не хуже, чем у большого бомбардировщика. Летали в дождь, в грозу, среди молний.

В книге «Героини» есть запись со слов Дины Никулиной о том, как они старались не допустить переправы гитлеровцев через Дон, сбросив на понтонный мост 100-килограммовую бомбу. Проблема была в том, что держатель второй такой же бомбы вдруг заело.

«Дергай за трос крепче! — говорю я Рудневой. Еще два круга сделали, но безрезультатно. А тут зенитки открыли ураганный огонь. — Женя, тяни еще!» — «Я руки в кровь ободрала, не отрывается, и только. Попробуй бросать самолет». Я начала швырять машину вниз, в стороны. Зенитки бьют... Решила возвращаться. Бомба резко кренила самолет, держать его в горизонтальном положении трудно... Взгляд упал на бомбу. По правде сказать, от того, что я увидела, перехватило дыхание».

Дина увидела обнаженный взрыватель: «Достаточно удара силой в 5 кг — и бомба взорвется». Но решили садиться, а что еще делать? Женя написала записку: «Бомбу не сбросили: заело замок. Проверьте замки у всех самолетов. Если погибнем, передайте привет семьям». Записку привязали к запасной ручке управления, дали красную ракету и откинули от себя.

Садись, прощаясь с жизнью. Но на земле бомба тихо оторвалась и легла в траву. Это было чудом: «Стоило ей удариться о бугорок, и мы бы погибли». Бомбу обезвредили, а ручку управления так и не нашли. «Как же вы без ручки летели?» — спросили ее удивленно. — «В такой момент можно лететь и без ручки».

Но гитлеровцы неумолимо ползли вперед и вперед, а советские войска отступали. «Улетали поспешно, не было даже карт нового района. Штурман полка так и сказала: «Площадка, куда мы должны лететь, находится за обрезом карты», — вспоминала Ирина Ракобольская, студентка, ставшая в 46-м ночном бомбардировочном начальником штаба.

Однажды мимоходом попали на Дону в жерделовый рай. «Мы стояли в одном месте, все селение — сплошной абрикосовый сад, все угощали абрикосами: и сорванными с деревьев, и сушеными, и абрикосовыми пирогами. Когда мы отступали из этого села, нам в машины насыпали абрикосов, и женщины бежали за нами, а мы плакали и долго после этого не могли есть абрикосы».

Да, они плакали. А еще брали с собой в полет букеты, вставляя куда-то в приборную доску — цветы и бомбы в одном самолете. А еще поначалу писали комичные оперативные сводки: «Ветер на разных высотах разный», «летчик Чечнева встретила три самолета — один впереди и два по бокам». Но когда из раненых девочек вытаскивали осколки вместе с ключьями комбинезона, молча терпели: «Я скорее бы откусила себе язык, чем позволила кричать от боли».

Дину, уже в июне 42-го ставшую командиром эскадрильи, тоже серьезно ранило в одном из боев: немецкие зенитки разворотили борт биплана, ей пробило ногу навывлет. Самолет начал гореть, но она, не растерявшись, сделала скольжение к земле и избавилась от огня. А затем совершила «миссию невозможно»: вся в крови, с пробитым бензобаком (бензин лился прямо в рану), с потерявшим сознание штурманом приземлилась на обочину у дороги — за ориентир взяла редкие вспышки автомобильных фар.

«Динка — просто герой, так хладнокровно посадить машину с раной в голени!» — сквозь слезы запишет в дневнике Женя Руднева, в тот день не летавшая с ней. А позже добавит: «В ней даже осторожности не всегда хватает, а трусости ни капли нет».

И действительно, однажды в боях у Севастополя в 1943-м, когда погода была совершенно нелетной и пять полков воздушной дивизии решили не рисковать, Дина, вернувшись с разведки, объявила своим: «Вполне можно летать. Ориентиры просматриваются». Девчата были единственными, кто поднялся тогда в небо. «После этой нелетной ночи летчики-мужчины попритихли. Встречая нас, они уже не задирали нос. И говорили другое: «Конечно, у вас же опыт какой! Вам приходилось летать и в горах, и в туманы, и над морем», — писала Наташа Меклин в книге «От заката до рассвета».

Правда после того ранения в ногу Дина больше не могла бить жизнерадостную чечетку, на которую была большим мастером. Зато выяснилось, что она еще и отлично поет.

Трусость да и вообще инстинкт самосохранения в девочках как будто отключили. «Я думаю о смерти с презрением», — писали домой.

Страшно представить, но до 1944 года все они летали без парашютов. Это при том, что любая зажигательная пуля могла превратить биплан в пылающий факел! Но логика была такой: «Если сожгут над вражеской территорией, то лучше погибнуть, чем попасть в руки к фашистам, а если над нашей, то как-нибудь сядем, наша машина прекрасно планирует» (иногда биплан и правда сажали с заглохшим мотором). Девушки считали, что лучше взять еще 20 кило бомб. Парашют казался им лишним весом.

Но на деле было вот как: сбитые «ночные ведьмы» горели в воздухе заживо



Летчицы 46-го гвардейского ночного бомбардировочного авиационного полка. 1943 год.

вместе со своими машинами. В августе 43-го в небе над Таманью пылали сразу три экипажа: постарался один бравый немецкий истребитель, налетевший на женскую эскадрилью внезапно (через два месяца этот пилот разбился, странным образом его аварийный парашют просто не раскрылся). Вообще для «мессеров» они были слишком малы и тиходходны, асам люфтваффе нужно было снизить скорость вплоть до выпуска шасси, чтобы выйти на их уровень.

Однако к тому времени «рус-фанер» сводили немцев с ума настолько, что за каждый сбитый биплан У-2 давали Железный крест и 2000 рейхсмарок. Ведь стоило упасть сумеркам, как экипажи вылетали один за другим, и так до рассвета, каждую ночь. Казалось, что невидимые «нахмашинен» (швейные машинки) висят в воздухе постоянно, каждые две-три минуты сбрасывая бомбы. Сухие цифры: за три года авиаполк уничтожил и повредил 17 переправ, 9 ж/д составов, 2 ж/д станции, 26 складов, 176 автомобилей, 86 огневых точек. Было вызвано 811 пожаров и 1092 взрыва большой мощности. Всего же самолеты «ночных ведьм» находились в воздухе 28 676 часов, или 1191 полные сутки.

«Ночные ведьмы» первыми придумали рабочую схему — дежурные сменные бригады. Заходя на посадку, пилот кричала сверху: «Бомбы!» Мигом подбежали девочки-техники и оружейники: поднимали с земли и подвешивали «сотки», бомбы по 100 кило. В одну из зимних ночей, освобождая польские города, они подсчитали, что каждая подвесила за дежурство по три тонны (!).

Эта система дежурств вывела их в негласные лидеры 4-й Воздушной армии: они стали делать больше вылетов, чем «братцы» — летавшие на бипланах мужчины. Потом они и ее усовершенствовали: если раньше перерыв между полетами был 5-8 минут, то теперь, вернувшись с задания, они даже не вылезали из машин: доклады принимались прямо у кабин, и самолет, стрекоча, снова улетал напрямиком в ад, бить врага. Сильный туман пережидали, тоже сидя за штурвалом, ведь дорога каждая минута (засыпая так в кабинах, потом не могли уснуть в кровати: «Не чувствую борта самолета под локтем...»).

Когда немцы выставили дополнительную артиллерию, ловя их, как бабочек, прожекторами и открывая плотный, многоярусный огонь, придумали вот что: вылетали парами, и пока один самолетик кружил, отвлекая внимание зениток, второй заходил с тыла, отключив мотор и бесшумно планируя, сбрасывал бомбы. А когда переключались на него, бомбы начинал метать первый. «Это называлось «новой тактикой боевой работы». Враг терялся и стрелял беспорядочно», — писала Бершанская.

Уже в начале 1943 года, после обороны Владикавказа и участия в прорыве на реке Терек, откуда немцы были просто сметены, после бомб, разбивших штаб генерала фон Клейста под Моздоком, полку присвоили звание гвардейского. Это было невероятно почетно, звание давали «за проявленные героизм, отвагу, мужество и высокое боевое мастерство». К тому же гвардейцами девчата стали первыми в 4-й Воздушной армии. А Дина тогда получила свой первый из трех орденов Красного Знамени. Вот вам и барышни.

Кстати, перекраивать по себе гимнастерки и резать шинели барышни тогда уже научились сами. Но вручая первые награды, командующий фронтом Тюленев заметил их полинявшие гимнастерки, и в полк прислали «женскую форму»: коричневые гимнастерки с синими юбками и американские красные хромовые сапожки. Красиво. Они эту форму звали «тюленевской». Правда, надевали только по праздникам: сапожки пропускали воду, а в юбке было неудобно летать и подвешивать бомбы.

И все же девочки оставались девочками: одно время весь полк, «как ветрянкой», захватила мода на рукоделие: распускали на нитки голубые кальсоны и в короткие минутки отдыха вышивали незабудки. В письмах просили прислать цветных ниток из дома. Любили петь хором «Летят утки». Сочинили 12 заповедей женского полка: «Гордись, ты женщина!», «Не отбивай жениха у ближнего своего» и прочее. Если жениха не было, писали письма несуществующему мужчине: «Дорогой выдуманый друг!..» Влюбляться себе не позволяли, но любить хотелось, естественно.

Писатель Борис Ласкин, побывавший в удивительном полку, оставил в записной книжке наблюдения: «Во время перерыва летчица-лейтенант, совсем молоденькая, с двумя орденами, сидела, держа на руках кошку. Кошка мурлыкала и безответственно тыкала мордой в орден Красного Знамени».

Ласкин подчеркивал парадоксальность этого явления: «Попробуйте себе представить Джульетту в комбинезоне. Пусть она наденет унты, шлем, перчатки. Пусть подпоясается ремнем с кобурой. Произойдет чудо — возникнет военный летчик, но при этом не исчезнет Джульетта».

Записал он и такую «наивную» историю: «Фашистские зенитчики подбили наш самолет. Он совершил вынужденную посадку на ничьей земле. Летчик и штурман решили пробираться к своим. Идут — одна чуть впереди, другая сзади. На двоих подруг один пистолет. Идущая впереди говорит подруге, у которой в руке пистолет: «Если наткнешься на врагов — первым выстрелом убей меня, вторым — себя». Идут. Потом первая обращивается, говорит подруге: «А ведь ты меня не убьешь». Вторая тут же отвечает: «Я тебя больше всего на свете люблю. Я тебя обязательно убью!»

Это был какой-то постоянный бытовой героизм на пределе возможного. И иногда невозможного. Как-то, увидев в небе немецкие самолеты, счет шел на секунды, 19-летняя летчица Марина Чечнева, худенькая, маленькая, сама (!) оттащила свой самолет на край площадки. 21-летняя Галя Докутович летала, несмотря на тяжелую травму позвоночника. 20-летняя Хиваз Доспанова — после перелома обеих ног.

История ранения Гали была трагически случайной: в одну из безлунных и бесконечных ночей она «на минуточку» прилегла в траве на краю аэродрома и заснула. В темноте ее переехал бензозаправщик... Полгода лечилась в госпитале и упрямо вернулась в полк, скрыв свидетельство об освобождении не только от полетов, но и вообще от воинской службы: «После войны буду поправляться». Доказывая, что здорова, даже сделала стойку на руках! Бершанская ее допустила. Летала Галя с постоянными невыносимыми болями, но об этом никто не знал, только самая близкая подруга.

**ЭТО БЫЛ КАКОЙ-ТО
ПОСТОЯННЫЙ
БЫТОВОЙ ГЕРОИЗМ
НА ПРЕДЕЛЕ
ВОЗМОЖНОГО.
КАК-ТО, УВИДЕВ
В НЕБЕ НЕМЕЦКИЕ
ИСТРЕБИТЕЛИ,
19-ЛЕТНЯЯ ЛЕТЧИЦА
МАРИНА ЧЕЧНЕВА,
ХУДЕНЬКАЯ,
МАЛЕНЬКАЯ, САМА (!)
ОТТАЩИЛА СВОЙ
САМОЛЕТ НА КРАЙ
ПЛОЩАДКИ.**



Комполка Евдокия Бершанская и экипаж Евдокии Носаль и Нины Ульяненко. 1942 год.

Хиваз Доспанова едва выжила в «домашней» катастрофе: в темноте два самолета пришли с задания одновременно, а огни аэронавигации в целях маскировки включать было запрещено. При заходе на посадку столкнулись в воздухе. Три девочки погибли, Хиваз осталась... Кости у нее сначала срослись неправильно, их сломали и заковали в гипс снова. Но когда гипс сняли, она, инвалид II группы, снова села в продуваемую всеми ветрами кабину пилота.

Хотя каждый раз мог стать последним, самой большой обидой в женском авиатолку считалось отстранение от боевых вылетов. У Дины Никулиной таких вылетов — 774 (для сравнения: у трижды Героя Советского Союза Ивана Кожедуба, гораздо более известного летчика, — 330).

«Настоящий героизм на войне заключается не в сиюминутном движении души, а в непрерывном преодолении страха и усталости, в непрерывном тяжелом труде», — писала Ракобольская, зная об этом не понаслышке.

Иногда девочки находились в воздухе по 12 часов за ночь, как это было зимой под Варшавой в 1944-м. 22 декабря полк сделал невысказанные 324 вылета, сбросил 60 тонн бомб. Такое перенапряжение в конце концов приводило к тому, что они впадали в апатию и могли отключиться прямо в воздухе.

Из дневника штурмана Ларисы Розановой: «Ровно, монотонно гудел мотор. Потом звук стал отдаляться, и я почувствовала, что куда-то проваливаюсь... Мне показалось, вздремнула на несколько минут. Вдруг слышу: «Ну, проснись же, наконец, Лорка! Проснись!» Очнувшись, я схватилась за управление. Скорость огромная, в ушах свист, самолет весь дрожит. Высота на приборе — 500 метров! Значит, мы падаем уже около 1000 метров! Только на высоте 200 мне удалось выйти в горизонтальный полет».

Бывало и наоборот — не могли заснуть по несколько дней: «Пржекторы снятся». Сны с ослепляющими прожекторами, поймавшими самолет в небе, снились многим еще потом долгие годы. Не помогали и «наркомовские 100 грамм», которые полагались после полетов, чтобы как-то расслабить окоченевших, смертельно уставших людей. Сначала женскому полку выдавали вино, потом вино исчезло, и в граненые стаканы девчатам начисляли чего покрепче.

Странно, но оставались начальники, которые продолжали сомневаться в женских эскадрильях. Как-то, заблудившись в картах, на аэродром случайно попала машина с сердитым генералом Поповым. Генерал объявил боевую тревогу днем, к которой они



Герои Советского Союза
Наталья Меклин-Кравцова, Надежда Попова, Евдокия Никулина. Май 1945 года.

были не готовы (и которая бы их угробила), и выразил уверенность, что «ордена навешали за красивые глаза». Вышел приказ, где кроме плохой строевой подготовки отметили «грязные уши и шеи». За это «братцы» их еще долго дразнили.

Девчонки возмутились, обиделись? Совсем нет. Галя Докутович записала в дневнике такое: «Какой стыд для нашего полка! Хватит гладить нас по головке и называть самыми красивыми. Разбаловали!»

Девочкам прислали капитана, который занимался с ними строевой подготовкой, от которой они взвыли. Наташа Меклин сочинила даже «Молитву летчика»: «Господи, избавь нас от строевой, / Дай нам цель на передовой, / Пошли нам боевую задачу / И лунную ночь в придачу. / Выведи из ада в рай, / Дай бомбить передний край, / И чтоб долго нас не мучить, / Ты пошли нам склад с горючим».

Однажды, после боев в Восточной Пруссии лично вручить новые награды и посмотреть на необыкновенный, уже обросший легендами полк, приехал сам маршал Рокоссовский. Наташа Меклин вспоминала, что, когда она с докладом вошла в комнату,

где сидели еще десять генералов, Рокоссовский неожиданно встал. А за ним и все остальные мужчины. «До меня не сразу дошло — ведь это он встал передо мной как перед женщиной!»

Кстати, когда генеральская команда уже после победы играла в волейбол против команды 2-й женской авиаэскадрильи (Рокоссовский хвалился, что умеет хорошо «гасить»), то и генералы, и маршал проиграли девушкам с разгромным счетом.

23 девочкам авиаполка было присвоено звание Героя Советского Союза. Никулина стала Героем в первой пятёрке, еще в 1944-м. «Сейчас мы понимаем, что слишком требовательными и жесткими были к себе. Формально, по положению о наградах, к званию Героя Советского Союза можно представить летчика или штурмана, сделавшего более 500 успешных ночных боевых вылетов. Сколько таких было в полку? Больше 30, почти 40 человек. Однако мы представляли только тех, у которых счет вылетов был в районе 800», — сокрушалась позже Ракобольская.

По сути, каждая из этих девочек была настоящим героем войны. Но глядя на юные открытые лица, худенькие фигурки, в подвиги верилось с трудом. Когда в августе 1944 года на антифашистском митинге в Москве юную летчицу увидели иностранные журналисты, то только разочарованно покачали головой. Один из них, зная, что переводчик далеко, и думая, что его не поймут, фыркнул коллегам: «Навешали на девочку орденов и думают, что мы поверим!»

Да, именно эти хрупкие девочки освобождали Новороссийск и пробивали оборону зловещей «Голубой линии» на Таманском полуострове, выпроваживали немцев из Крыма, бились насмерть в Белоруссии, Польше, Восточной Пруссии, добивали фашистов на Одере, приближая Победу. Что важно, боевые потери в женском полку были небольшие. За всю войну погибли 32 человека, а полк постоянно пополнялся новенькими и в итоге вырос до 230 человек. Но тут наступило 9 мая.

Ракобольская вспоминала: «Еще 5 мая полк дежурил с подвешенными бомбами. А в ночь на 9-е я проснулась от выстрелов, криков, взрывов ракет. В небе полыхали красные, зеленые, белые огни... Выскочив на улицу, я увидела полуголых девочек, стрелявших в воздух из всех видов оружия и ракетниц. «Что такое?» — «Конец войны!» У одной из техников был радиоприемник, и она узнала об этом раньше всех».

Расставаясь после окончания войны, «ночные ведьмы» договорились встречаться каждое 2 мая в 12 часов дня в Москве, в сквере около Большого театра. Евдокия Андреевна Никулина встречалась там со своими боевыми девчатами почти полвека.

К сожалению, о мирной жизни бывшего командира эскадрильи известно немного. После войны выбрала для жизни город Ростов-на-Дону. В 1948-м окончила ростовскую партшколу, в 1954-м — педагогический институт. Вышла замуж за летчика Аким Карпенко, тоже Героя Советского Союза, родила двух дочерей — Инночку и Валечку. Увы, супруги расстались, не сложилось.

Хотя Дина и стала, вроде бы, чиновником — председателем парткомиссии, но всю жизнь помогала людям, добиваясь справедливости. Любила путешествовать. Обожаала театр и даже дружила в Ростове со многими прекрасными актерами: Богодухом, Бушновым, Кржечковской. В 1974-м стала почетным гражданином Ростова-на-Дону. В 1975-м получила квартиру в доме на улице Журавлева, 104. Там сейчас висит мемориальная доска.

Дом был очень престижный, даже с охраной, но именно здесь произошла главная трагедия ее жизни. Горько писать об этом, не хочется, но надо. Дина, бесстрашная и веселая, пережив весь этот ад, не пережила «современного фашиста». Июль 1992 года, Евдокии Андреевне в то время было 74 года.

В интервью журналисту Сергею Медведеву Инна, дочь Никулиной, рассказала эту дикую историю: «Пришел человек от каких-то общих знакомых, чтобы пригласить на свадьбу. Но мама ходила в гости только к близким друзьям, и она отказала. Гость ушел, ей показалось, что она закрыла дверь, пошла на кухню и в этот момент ощутила удар, будто током. Потом мы нашли при входе окровавленную палку типа биты». «Человек» ударил даже 4-летнюю внучку, которая тоже была в квартире.

Ему были нужны ордена. Тогда Звезда Героя стоила до 25 000 долларов. Он забрал Золотую Звезду Героя, три ордена Красного Знамени, два ордена Отечественной войны, орден Красной Звезды, орден Ленина. Орден Александра Невского не успел открутить.

В больницу привезли и внучку, и бабушку. «Наш хороший знакомый, дежурный хирург, подошел ко мне, а я сидела, рыдала, и говорит: мол, Инна, подожди, какую-то баблЮ привезли, не знаем, что с ней делать, там не голова, а месиво. А я ему говорю: «Коля, это моя мама».

Врачи поставили ее на ноги, но однажды Евдокия Андреевна упала на лестнице и слегла. 23 марта 1993 года ее не стало.

Ее именем назвали улицу и школу. Никто никогда так и не понял до конца, почему в 1947-м она выбрала Ростов, хотя и начала сначала жить в Москве. Может быть, потому что дважды участвовала в освобождении города на Дону. Тем, кто спрашивал, она отвечала: «Я его так полюбила! Хотя видела только с высоты!».



ПОДАРИЛ РОСТОВУ ЗООПАРК, А САМ ВСЮ ЖИЗНЬ ПРОХОДИЛ В ОДНОЙ ШИНЕЛИ

Эта история — о большой любви: к детям, животным, родному городу.
Это история яркой и трагической судьбы создателя Ростовского зоопарка.

беседовала Ольга Майдельман
фото Ростовского-на-Дону зоопарка

Один из крупнейших в Европе, Ростовский зоопарк на самом деле вырос из живого уголка при обычной школе. Но этого могло не случиться, если бы не особенный человек — учитель биологии Владимир Кегель, жизнь которого оказалась очень драматичной. (На групповом фото 1928 года на стр. 70 он в окружении сотрудников своего зоопарка и юннатов, третий справа в среднем ряду. В нижнем ряду вторая справа — его ученица и будущая жена Ася Ланг.)

Ему уже 38, он из русских немцев, сын таганрогского телеграфиста Вильгельма Кегеля. Когда семья переехала в Ростов, Володя с блеском отучился в престижной казенной мужской гимназии на Таганрогском проспекте. Теперь он решил тут же взять место учителя естествознания. Правда теперь это не гимназия, а совтрудшкола (советская трудовая) — девятилетка № 3 имени С. М. Буденного, общая и для девочек, и для мальчиков (сейчас школа № 43 на Буденновском).

Чтобы увлечь детей своим предметом, Владимир Вильгельмович предлагает им не просто читать о флоре и фауне в учебниках, а сделать свой уголок живой природы прямо в классе. Глаза шестиклассников загораются. Через несколько дней один из мальчиков, Коля Сулов, приносит в школу азиатскую сухопутную черепаху и ежа, они стали первыми живыми экспонатами.

Хотя станции юных натуралистов в стране стали появляться с 1918 года, энтузиастов набиралось немного, и ростовские юннаты были одни из первых. Скоро один из классов на третьем этаже стал полностью заставлен столиками с клетками и растениями.

Уголок обретает название — имени Альфреда Брема, немецкого зоолога и путешественника, его книжкой «Жизнь животных» тогда зачитывались все. Благодаря охотникам у юннатов появляется серебристая степная лиса-корсак, смешные толстые суслики.

Популярность маленького зоосада стремительно растет, а вместе с ней и сам зоосад. К прежним жильцам прибавляются кролики, морские свинки, хомячки, белые крысы, безобидные ужики, ящерицы и целый птичий городок: грач, галка, ворона, чиж, канарейка. В классе все они не помещаются, вольеры и клетки уже стоят в школьном коридоре, в других комнатах, во дворе.

Кегель, светлая голова, решает освоить пустырь рядом со школой, и вместе с учениками они все свободное время вдохновенно посвящают созданию первого в Ростове зоосада. На чистом энтузиазме старшие и средние классы во главе с учителем больше полугода сажают растения, копают пруды для водоплавающих птиц, строят клетки, делают загоны для оленей и косуль.

Деньги на организацию и содержание зоосада, а нужно было 20 000 рублей, собирали всем миром: отчисления трудовых школ, Союза охотников. Рассылались по всему городу письма-агитки с просьбой перечислить некоторую сумму. Сто рублей в фонд сдал сам учитель, это были все его сбережения. На себя он денег не тратил, ходил все в той же шинели, в которой пришел с фронта.

Наконец все готово. Открытие назначено на день рождения Кегеля, 26 июня, это 1927 год. Маленькие черно-белые афишки гласят: «Городской Ростовский-на-Дону зоологический сад открывается на временной территории по Буденновскому, 62, вблизи остановки трамвайных вагонов 3, 7, 8».

Из воспоминаний юннатки Марии Ланг: «Как сейчас помню, где находилась касса зоосада. Среди ночи спроси, и я правильно отвечаю, сколько стоили билеты: 20 и 15 копеек. Какие звери были в зоосаду? В первой от входа клетке жил любимец Владимира Вильгельмовича — кабан, за ним в маленькой клетке — лиса Дэзи, дальше была клетка медведя, загон косули и моего любимого оленя Алешки».

Сестры Ланг, Мара и Ася (Мария и Анна), были совершенно покорены харизматичной личностью учителя — невероятно эрудированный, мягкий, деликатный: в среде победившего пролетариата такие люди встречались все реже. Когда на листочках наблюдений и уходов за растениями в классе ботаники Кегель пишет свои замечания, они берут потом эти записки, как любовные письма.

«Как-то Владимир Вильгельмович проверил мое окно и обнаружил в одном

горшке пересохшую землю. Он написал мне в тетради: «Мара, ты недостаточно внимательна, нужно чаще поливать бегонию». Я была так рада этой записи. Она была для меня! Оторвав и свернув листок, я долго тайно носила его при себе...»

Девочки часто оставались в школе вечерами: мама допоздна работала на центральном телеграфе. Покончив с уроками, они сразу бежали в зоосад, это был другой, новый счастливый мир, утопическое единение с природой.

Из воспоминаний юннатки Марии Ланг: «Очень хороши были вечера в зоосаде. После вечерней кормежки все уходило домой, а мы с братом Николаем и сестрой Асей оставались под присмотром сторожа, пока приходила мама забрать нас домой. За что мы любили эти вечера? Вечером мы выпускали во двор своих любимцев. Сначала медведицу Машку. Бегали вперегонки, кувыркались, играли в ловитки. Затем закрывали ее и выпускали моего Алешку (оленя). Он был так рад этим прогулкам, что с удовольствием подставлял нам свою спину».

Посмотреть на животных хотелось многим в городе. Место становится популярным. Прекрасное развлечение за 20 копеек! Но проделав такую огромную работу, Кегель готов к тому, что зоосад на Буденновском — только на время. Он мечтает о парке, где сосредоточен весь животный мир Северного Кавказа, вроде знаменитого биосферного заповедника Аскания-Нова (Херсонская область Украины).

«Зоосад должен быть не зверинцем, а огромной живой лабораторией; животные должны, по возможности, содержаться не в одиночных клетках, а определенными сообществами и иметь относительную свободу», — писал он в докладной организационной записке. А сад при школе даже до гектара не дотягивал.

В августе следующего 1928 года неугомонному учителю выделяют новое место — это 30 гектаров «территории национализированных загородных буржуазных дач», так называемые Гордачи (как возможное место для зоопарка рассматривались также Нахичеванская и Чкаловская рощи). И вся работа начинается с нуля.

Повзрослевшие натуралисты (бывших юннатов не бывает) сами проектируют зоопарк, составляют сметы, руководят стройкой. Тот самый Коля Суслов, с черепахи которого все и началось, делает чертежи. Около местного родника вручную выкопан большой пруд. Из богатой дачи купца Дутикова сделан террариум.

Известный московский зоолог Петр Мантейфель, о котором Паустовский писал: «Нет такого другого знатока и любителя в Советском Союзе. Просто волшебный старик!», приезжает посмотреть на будущий зоопарк, предрекает ему блестящие перспективы и советует не закладывать прямых аллей, поэтому дорожки делаются по направлению радиуса, то есть от центра окружности к ее краям.

Животных для зоопарка покупают не только в Москве. Из Аскания-Нова привозят ламу, антилоп и эму. Из Перми — яков. Из Геленджика — косуль и дикобразов. За черно-бурыми лисами Кегель едет в Сибирь вместе с научной экспедицией.

Неожиданно в стане четвероногих прибывает откуда не ждали: за неуплату налогов конфискован частный зверинец Филатова, гастролирующий по югу. Радость Кегеля и юннатов не описать словами. Теперь у них есть львы, тигры, пумы, леопарды, медведи, крокодилы, обезьяны, морские львы, а также рысь, питон и, самое главное, слон. Слон Булька, который любил развлекаться стаскиванием шляп с голов визитеров.

Наконец в 1929-м животных начинают аккуратно перевозить на новое место. Со слонем дело обстоит сложнее всего. Чтобы не испугать нежного великана и не нарушить движение в городе, где появление слона явно вызовет ажиотаж, решено вести его ночью: по Садовой, по Буденновскому до территории зоопарка.

**ЖИВОТНЫХ
ДЛЯ ЗООПАРКА
ПОКУПАЮТ НЕ
ТОЛЬКО В МОСКВЕ.
ИЗ АСКАНИИ-НОВА
ПРИВОЗЯТ ЛАМУ,
АНТИЛОП И ЭМУ.
ИЗ ПЕРМИ — ЯКОВ.
ИЗ ГЕЛЕНДЖИКА —
КОСУЛЬ
И ДИКОБРАЗОВ.
ЗА ЧЕРНО-БУРЫМИ
ЛИСАМИ КЕГЕЛЬ
ЕДЕТ В СИБИРЬ.**



Тот самый живой уголок школы № 3, с которого началась большая история Ростовского зоопарка.

Все идет тихо, как вдруг навстречу процессии попадают двое поздних развеселых пьяниц. Вид слона приводит их в восторг. С криками умиления несутся они к гиганту — погладить, а Кегель несется им наперерез, пытаясь остановить: характер у слона нервный, как бы не затоптал дураков. Это удается далеко не сразу, ласковые пьяницы крайне настойчивы, но, по счастью, милиция ситуацию спасла.

Итак, в первый год, в 1927-м, в зоопарке были 52 зверя, 28 птиц, 35 рыб и 5 земноводных; стало в 1933-м — 225 зверей, 560 птиц, 1118 рыб и 162 земноводных и пресмыкающихся. Особенно гордились слоном.

В планах Кегеля — биологический музей, зоофермы, зал для кинолекций. Он как никогда близок к своей мечте: создать для каждого из зверей просторные площадки, напоминающие им жизнь на природе. Строительство ведется день за днем. Директор зоопарка лично строит для грифов и белоголовых сипов высокую каменную скалу, на Кавказе эти птицы гнездятся в горах.

Все это время Кегель не только директор зоопарка, он преподает на университетской кафедре зоологии, пишет книги, научные работы, например, по акклиматизации на Дону австралийского страуса эму. Устраивает первый в городе День птиц. Всего за пару лет до Ростова такой праздник стали проводить в Москве: юннаты развешивали скворечники на Воробьевых горах, а Маяковский помогал рисовать плакаты и сочинил известное «Мы вас ждем, товарищ птица, отчего вам не летится?».

Зоопарк ширится, растет. Владимир Вильгельмович признан, оценен, счастлив, дело всей его жизни развивается. Впрочем... возможно, не так уж и счастлив. На групповом фото, сделанном к открытию еще школьного зоосада, лица у всех радостные, все улыбаются. И только Кегель задумчив, взгляд его отстранен и даже как будто немного печален.

И действительно, впереди ждала беда. В 1937-м на зоопарк один за другим обрушиваются трагические события: умирают несколько животных сразу, морской лев и львица, а главное, всеобщий любимец — слон Булька. Слон умер от рака лимфы, но расследований никто не ведет. Энтузиаста и бесребреника Кегеля (часть своей зарплаты он всегда тратил на содержание зоопарка) обвиняют в преступной деятельности и отстраняют от должности директора. Затем увольняют и с кафедры университета. Но хотя бы не сажают в тюрьму.

Едва оправившись от потрясений, он решает снова стать учителем биологии и устраивается в школу на Сельмаше. Лишенный всего, чего добился, создатель Ростовского зоопарка возвращается к тому, с чего начал. И даже по-прежнему ходит в той же шинели, а зимой, чтобы сохранить тепло, оборачивает себя под шинелью газетами.



Слониху Мелани привезли в Ростов из Лондона.

Никто из его учеников не отвернулся, все с болью, бессильно следят за чудовищно несправедливыми переменами в жизни Учителя. Но есть та, для которой бедственное положение Владимира Вильгельмовича совершенно невыносимо. Это одна из влюбленных в него с детства юннаток Ася Ланг.

She колеблясь, тихая Ася выбирает судьбу «жены декабриста». Она просит мать дать согласие на брак с учителем. Мать приходит в ужас: как можно? Учитель годится ей в отцы! Она категорически против. Тогда Ася говорит, что покончит с собой, и мать в слезах дает упрямой дочери разрешение.

Так, в 53 года у Кегеля впервые появляется семья и личная жизнь. Бескорыстная любовь и бесконечная поддержка милой русоволосой девушки развеяли весь мрак печальнейшего периода его жизни. С Асей они живут душа в душу. И скоро становятся родителями двух похожих на отца мальчишек, у братьев разница в два года.

Но счастье было недолгим. В 1941-м НКВД находит новую причину для репрессий: Кегель — немец. Вместе с первой партией таких же несчастных неблагонадежных немцев его отправляют в ссылку в Сибирь. Ася могла бы, наверное, остаться в Ростове, но разве может «жена декабриста» бросить любимого?

Вагон-теплушка трясется по железной дороге Транссиба целый месяц. Голодно, холодно, дети плачут, старшему сыну всего два, младший — грудной малыш. Наконец прибыли: 3491-й километр, Кемеровская область, станция Юрга. Небольшой пристанционный поселок. Есть мельница, цех по производству валенок, крупозавод, дома-баракы. И одна единственная школа.

Пожалуй, эта школа стала спасением для Кегеля. Он снова, уже в третий раз, устраивается учителем биологии, только теперь в суровых сибирских широтах. И снова к нему тянутся ученики, ведь никак нельзя остаться равнодушным к человеку, который так горит своим делом. «Его просто невозможно было не любить», — как писала Мария Ланг.

В декабре 1941-го Кегель решает устроить в школе по-настоящему веселый Новый год. Вместе с учениками идет в тайгу за елкой. Холодно, он проваливается в снег, но окруженный ватагой радостных ребят, не чувствует мороза. Однако это Сибирь. А Кегель все в той же казенной шинели красноармейца, протертой за многие годы совместной жизни, в худых сапогах: на шубу и валенки так и не нажил.

В лесу долго выбирают самую-самую елку и, наконец, находят совершенно роскошную, пушистую, везут ее в школу. Новый год должен получиться особенным. В школе царит

радостное оживление, все делают самодельные елочные игрушки.

Но дома оказывается, что Кегель слишком сильно промерз. Его бьет озноб, поднимается температура. Очевидно, это было тяжелое воспаление легких. Он, как свеча, стал гаснуть на глазах. И в канун Нового года, 31 декабря 1941-го, Владимир Вильгельмович умирает. Умирает на руках безутешно рыдающей жены, которая уже никак не может спасти любимого.

История умалчивает, но вероятно, от пережитого у Аси пропало молоко. Спустя неделю, в канун Рождества, вслед за отцом уходит и один из детей, девятимесячный сын. Его хоронят в одной могиле с отцом, с трудом вырытой в промерзшем грунте.

Словно заледеневшая от горя, Ася всю жизнь будет думать о муже. Сменив немецкую фамилию через фиктивный брак со ссыльным Викуловым, она выберется обратно, в Ростов. Станет агрономом-оформителем. Сын про отца долго ничего не узнает, про репрессированных лучше не рассказывать. Позже Ася напишет короткие воспоминания.

Из воспоминаний Аси Ланг: «Память ушедших лет хранит образы, казалось бы, навсегда прочно позабытые. Мы можем долго не вспоминать, не видеть мысленно лица друзей юности. Но наступает миг озарения — и вот он, глядит на тебя твой безвозвратно ушедший друг, наставник, учитель. Таким вот внутренним взором вижу я Владимира Вильгельмовича Кегеля. Высокий, худощавый человек с тонкими, немного аскетичными чертами лица. Светлые волосы отброшены назад и открывают высокий, чудесной лепки лоб. Глаза ясные, смотрят внимательно и немного задумчиво. Интеллигент. Энтузиаст. Он весь, целиком, всем сознанием и даже, наверное, подсознанием погружен в любимое дело...»

Война чуть было не разрушила детище Кегеля. Дважды через зоопарк проходила линия обороны: вся территория была перерыта окопами. Какие-то животные были съедены или погибли от голода: первыми жертвами нехватки кормов стали молчаливые обитатели террариума и аквариума. Рискуя жизнью, сотрудники зоопарка добывали корм и дрова, чтобы спасти уцелевших зверей.

Однажды фашисты решили убить всех оленей и устроить себе сытный ужин. Их разговор услышал сотрудник, который знал немецкий язык. Чтобы предотвратить бойню, он тайно пробрался в вольеры и обмазал оленей солидолом и зеленой краской. А немцам объявил, что у животных стригущий лишай. Олени остались живы.

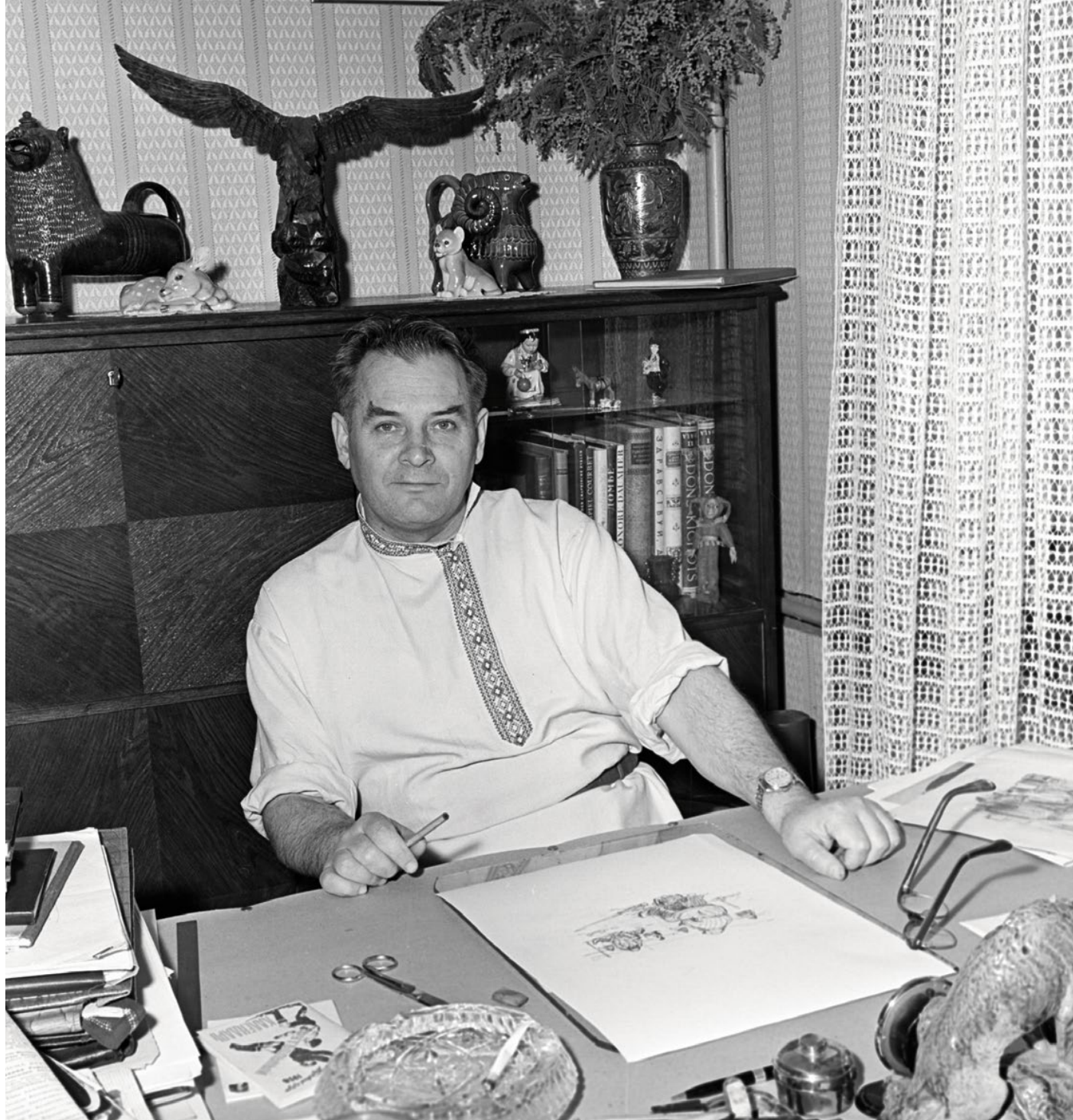
Спасали здесь и людей. В 1942 году в зоопарке разместились немецкая часть. И больше полугода под носом у немцев прятались трое красноармейцев! Они минировали подходы к городу и не успели отойти со своими. Бойцы схоронились в вольере у дагестанских туров, в пещере под каменной горкой, которая была сделана при Кегеле. Еду и воду им проносили, пряча в сене.

Но как только Ростов освободили от фашистов, зоопарк начали восстанавливать, и 1 мая 1944 года он был открыт снова.

В 1958-м, наконец, выписали из Лондонского зоопарка нового цейлонского слона, вернее, слоницу, заграничное имя которой Мелани тут же переименовали на русский лад — Меланья.

Кстати, сегодня Ростовский зоопарк — один из пяти в стране, где слоны не только обитают, но и становились родителями (дважды, в 2010-м и 2017-м). Всего же в коллекции зоопарка больше 7000 животных 507 видов, из них 270 исчезающих видов, занесенных в международную Красную Книгу.

Зоопарку этим летом пошел 95-й год. Он в списке лучших и крупнейших зоопарков страны и Европы — почти 60 гектаров! Трудно даже представить, что начиналось все с маленького школьного класса и энтузиазма одного нестигаемого человека — Владимира Вильгельмовича Кегеля.



**ТОЛЬКО В ОДНОМ СОВЕТСКОМ
СМИ НИКОГДА НЕ ПЕЧАТАЛИ
ПОРТРЕТЫ ГЕНСЕКОВ. ЕГО
СОЗДАЛ РОСТОВЧАНИН**

Уверены, нет ни одного человека родом из СССР, кто не видел бы шаржей, иллюстраций или карикатур ростовчанина Ивана Семенова. Он был одним из ярчайших художников «Крокодила», рисовал для популярных книжек Николая Носова, Джерома К. Джерома и Ярослава Гашека; наконец он создал детский журнал «Веселые картинки» — первые советские комиксы!

автор Ольга Майдельман
фото Николай Пашин (РИА Новости)

Семенов и сам представлял собой редкий тип неунывающего оптимиста. «Пессимист не может рисовать смешное, — как-то сказал он в интервью. — Чувство смеха, юмора — это свойство восприятия жизни».

Жизнь его при этом никак не назовешь веселой или легкой. Ему пришлось нелегко, как и всем, кто родился в России в начале XX века. Семенов родился в 1906-м. В Ростов его семью привел диковатый случай, о котором он сам рассказывал: «Моего прадеда, крепостного 15-летнего мальчика из-под Воронежа, выменяла на пса в 1844 году донская помещица».

Ваня появился на свет уже в семье донских казаков, возможно, поэтому вид на фотографиях у него всегда самый бравый. Он был старшим из пяти детей. Жили бедно, но бедность эту он «как-то не замечал». Рано начал работать, учился урывками. «Учился я в те годы в разных ростовских школах вплоть до бывшей женской гимназии. Учился! Это звучало тогда несколько по-иному, чем сейчас. Приходилось то учиться, то торговать папиросами или работать чернорабочим, то садиться вновь за парту, то работать у частника-весовщика на гирях» (на Старом базаре была такая подработка: мальчишкам платили гроши, чтобы они ставили и снимали тяжелые гири на больших весах).

В совсем уж голодном 1921 году 14-летний Ваня с другом решили сбежать. Скопили чуть-чуть денег, раздобыли патроны и оружие — обрез. Собирались в Бразилию, где много диких обезьян, а там как повезет. О таких искателях приключений у Чехова есть рассказ «Мальчики»: «Пройти пешком несколько тысяч верст, а по дороге сражаться с тиграми и дикарями, потом добывать золото и слоновую кость, убивать врагов, поступать в морские разбойники, пить джин и в конце концов жениться на красавицах».

Но если чеховских мальчиков быстро нашли, то мальчикам из Ростова удалось добраться до Баку — на поезде «зайцами», пешком. Ночью в бакинском порту они смогли даже проникнуть на один из пароходов, который шел в Персию. Но утром путешественников обнаружили. Через три месяца после побега мальчики вернулись в Ростов.

И вот после этого в Ростове, в одной из школ, Семенову повезло встретить Сергея Карповича Гамбарцумова — влюбленного в свое дело учителя рисования, который разглядел талант вроде бы обычного пацанчика, рисующего на стенах мелком. Учитель стал проводить с ним и другими способными ребятами дополнительные занятия по живописи. Группа собиралась по утрам, до уроков. Выдержать такой режим могли только безмерно увлеченные.

Вообще-то страсть к изображениям открылась Ване еще в 6 лет, а помог этому счастью... несчастный случай. Сбегая как-то вниз по лестнице, он опрокинул на себя кипящий самовар. От страшного ожога лечился долго, несколько месяцев постельный режим. От нечего делать придумал забаву: «Сложишь бумажку вчетверо, сделаешь два-три

прореза, развернешь — и готов диковинный узор-цветок! Чудеса...» «Цветы» Ваня клеил на окно. Увидев их однажды, мать попросила: «Ты бы мне такой узор для подушки сделал, а я бы вышила». Самым чудесным для Семенова было то, что «беспечная игра вдруг обрела взрослую серьезность, стала нужной».

Первые свои комиксы, юмористические рисунки с подписями, Семенов начал делать на длинных бумажных лентах, которыми оклеивали в банке пачки денег (тогда он учился в Коммерческом училище). Ваня рисовал на этих лентах целые серии приключений, как на кинолентке. Он и торгуя папиросами, так занимательно раскрашивал свой ящик, что невозможно было пройти мимо.

Однако искусство искусством, а вузом для себя Семенов выбрал Ростовский медицинститут. Отучился первый курс. А весной произошло крупное политическое событие, сегодня известное как Всеобщая стачка 1926 года. И событие это кардинально изменило всю дальнейшую жизнь ростовского студента-медика.

Хотя стачка эта происходила в Англии, бастовали «наши» — рабочий класс, целых четыре миллиона человек. Событие широко обсуждалось: лейбористы рабочих предали, и такой поворот жег сердца людей. Загорелся и 20-летний Семенов. «Сделай рисунок, отнеси в «Молот», — предложил учитель.

На карикатуре Семенова главы партии лейбористов, «социалисты его величества», несут гроб, где покоится всеобщая забастовка, сзади со свечой идет английский король. Свой рисунок Иван саркастично назвал «Сотрудничество классов».

Шарж был удачный, и «Молот», тогда самая крупная областная газета, его напечатал. Семенов ликозвал! «Трудно с чем-то сравнить чувство, которое я тогда испытал — это было как рождение первого ребенка», — напишет он спустя 40 лет.

Так в мае 1926 года оборвалась карьера доктора Семенова и началась карьера Семенова-карикатуриста. Он не раз говорил, «стать художником мне помогли английские горняки» (забастовку начали шахтеры). К слову, много позже, в 1960-х, на светском приеме в Лондоне, в Королевской академии художеств, его спросили: «Мистер Семенов, нам не ясно, что такое социалистический реализм. Объясните это как можно понятней». Семенов не растерялся: «Вы видите мою жену? Она беседует с вашим коллегой. Как по-вашему, она реалистическая по форме?» — «О да, разумеется!» — «Так вот, уверяю вас, что она социалистическая по содержанию».

В Ростове Семенов работал газетчиком еще целых 6 лет, отучился в художественном училище имени Грекова. Кроме карикатур делал множество рисунков к местным заметкам, к рубрике «Ростов на экране» и к сатирической подборке «Молотом по голове». Только в 1931-м он решился отправить свою карикатуру в столичный «Крокодил», уже гремевший на всю страну.

Популярность этого журнала была такой, что на больших экранах появился даже мультипликационный «Кинокрокодил», предшественник известного киножурнала «Фитиль». В 30-х в «Крокодиле» творили и монстры политической карикатуры Кукрыниксы, и фельетонисты Ильф и Петров, да кого там только не было! Даже футурист Владимир Маяковский писал для него рекламные вирши:

«...Не триста, не двести,
а только 150 рублей,
на «Рабочую газету»
с «Крокодилом» вместе,
и это
за целый месяц.
Эй,
рабочий,
рублей
не жалеи!»



Карикатуры И. Семенова для журнала «Крокодил».

Так вот, карикатуру Семенова напечатали, она заняла всю последнюю страницу. Окрыленный художник решил выбираться в столицу. Правда, средств на это не было совсем. «В Москву я впервые приехал летом 1932 года, и первой моей жилплощадью была Театральная площадь. В ее сквере стояли очень удобные большие и широкие скамьи, окруженные кустами. Вскоре жилплощадью стали редакционные диваны газеты «Комсомольская правда».

Но и в «Комсомольскую правду», молодую шумную редакцию, скромный художник устроился не сразу. До этого он попал в отраслевое издательство «Сельхозгиз», где почти год корпел над скучными техническими иллюстрациями.

Однако скоро, уже в 1933-м, 27-летний карикатурист был принят в московский Союз советских художников и перестал ночевать на редакционных диванах: его гротескные, живые иллюстрации были нарасхват во множестве изданий, а уж в «Крокодиле» он стал одним из самых узнаваемых и плодовитых графиков. Иван Максимович сказал однажды: «Кто-то подсчитал, что, если героев моих карикатур собрать в одном месте, они составили бы население крупного города».

Во время войны Иван Семенов был призван и направлен в редакцию главной морской газеты «Красный флот». Снятый когда-то мальчишкой с парохода, он, теперь уже военкор, обошел и Черное море, и Балтику, и Заполярье — на больших кораблях и катерах-охотниках, с подводниками Северного флота и полярными летчиками Кольского полуострова. Участвовал в боевых операциях флота, в прорыве блокады Ленинграда, в освобождении Шлиссельбурга, в боях за Нарву. И ни одного дня не бросал рисовать. Газеты печатали его зарисовки с натуры — портреты солдат, картины военных будней, виды городов, отвоеванных у немцев. Войну он закончил в звании капитан-лейтенанта.



«Иван Семенов и его персонажи».
Шарж худ. Виктора Чижикова.

В конце 1940-х дошло дело и до иллюстрирования книг. Семенов рисовал так, что книжка сама просилась в руки читателю. Хотелось долго-долго разглядывать ее, посмеиваясь над точными характерными персонажами, и успех той же «Живой шляпы» Николая Носова наполовину зависел от обаятельного котенка на обложке, причем шляпа, под которой он сидел, действительно неуловимо казалась живой.

С детским писателем Носовым у Семенова сложился самый плодотворный союз. «Фантазеры», «Мишкина каша», «Огурцы», «Замазка» — Иван Максимович создал настолько гениальные иллюстрации, что после художники еще долго рисовали с оглядкой на «оригинал». И образ грубоватого вихрастого Незнайки бьет в яблочко до сих пор, он, можно сказать, канонический. А тонкая книжка «Бобик в гостях у Барбоса» была так бешено популярна, что ее приходилось переиздавать несколько раз: общий тираж перевалил за 3 миллиона экземпляров.

Семенов сделал узнаваемыми и любимыми девочек с лентами у Агнии Барто, бравого солдата Швейка у Ярослава Гашека, невозмутимых джентльменов Джерома К. Джерома, хитрых мальчишек Сергея Михалкова и многих других. Михалков даже написал стихи о Семенове: «Ты мастер брать на полотно / То, что действительно смешно, / А это, скажем между прочим, / Не всем художникам дано».

Харизма картинок Семенова так велика, что сделанные им в 1960-х иллюстрации к стихотворению Михалкова «Миллионер» — про бесчеловечный мир капитала и собаку-миллионера, в 90-х переиздали как «Джентельдог» — с новым текстом и новой моралью. Уж очень хороши рисунки.

В 1956-м к Семенову, уже главному художнику «Крокодила», пришла идея детского иллюстрированного журнала. По легенде, название «Веселые картинки» подсказал ему сын Володя. Иван Максимович приехал на дачу и застал мальчишку склонившимся над своим альбомом. «Что там?» — «Картинки про то, как мы здесь живем!» — отвечал, не отрываясь от рисования, сын. — «И что же это за картинки?» — «Веселые!» Кстати, вплоть до 1970-х журнал и выпускался в необычном альбомном формате.

Семенов сам придумал весь пилотный номер: макет, текст, рисунки — и даже главного героя, ставшего первым символом журнала. Это был Карандаш. Не рабочий, не колхозник, а маленький художник в синей блузе и с бантом, интеллигент. Рисовал Карандаш носом — вместо носа у него грифель, и все, что нарисует, оживает.

Потом всей редакцией «Веселых картинок» сочинили международный клуб веселых человечков. В него вошли железный Самоделкин, который и вправду сделал сам себя (собрал внутри коробки конструктора), бодрые обрусевшие итальянцы Чиполлино и Буратино, датчанка Дюймовочка (единственная в компании девчонка), русская кукла Петрушка и чешская кукла Гурвинек, ну и любимый всеми Незнайка.

В стране уже были детские журналы «Мурзилка», «Пионер» и «Костер», но Семенову дали добро: в тот год вышло постановление «О развитии детской литературы и детской периодики».

От журнала для дошкольников ничего особенного не ждали: подумаешь, картинки. Но успех превзошел все ожидания. Номера разлетались мгновенно. Дети мечтали о подписке, как о лучшем подарке. В какой-то момент тираж одного номера «Веселых картинок» достигал 9,5 млн экземпляров, а общий тираж за годы существования перевалил за 4,5 млрд! Слава была всенародной. «В школах нас встречали, как инопланетян. Еще бы! Живые художники из любимого журнала!» — вспоминал иллюстратор Леонид Сергеев.

«Журнал был не просто популярным — он был чрезвычайно доходным медиа-проектом. Несмотря на грошовую стоимость в 15 копеек, он приносил своему учредителю, ЦК ВЛКСМ, огромную прибыль. Сотрудники журнала любили хвастаться тем, что «Веселые картинки» в одиночку зарабатывают денег больше, чем все журналы издательства «Молодая гвардия», — пишет Вадим Нестеров в книге «Клуб веселых, но ненаходчивых».

Причин было несколько: во-первых, «Веселые картинки» продвигали неведомый в Союзе новаторский жанр комикса и вообще все, что можно нарисовать: истории в картинках, картинки-загадки, парные картинки «Найди отличия», книжки-малышки, пиктограммы. Семенов даже придумал своего советского Тинтина — Петю Рыжика. И говорить с детьми на языке рисунка было проще и интереснее.

Во-вторых, свобода творчества. Это было единственное в СССР (!) бесцензурное издание. В те времена на подпись цензорам носили все: каждую книгу, газету, брошюру. Нынешний главный редактор журнала Инна Антипенко рассказывала в интервью: «Более того, «Веселые картинки» были единственным печатным изданием, на страницах ко-

В 1979 году художник Виктор Пивоваров создал новый, всем знакомый логотип журнала.



того никогда не публиковались обязательные для всей прессы печальные извещения о смене руководителей советского государства. В «Мурзилке», например, такое бывало — там аудитория была постарше... Когда умер Брежнев, сверху была спущена директива — опубликовать его портрет в траурной рамке на обложке всех изданий. Сотрудникам редакции пришлось довольно долго доказывать вышестоящим инстанциям, что это будет выглядеть крайне неуместно рядом с названием журнала».

...Они существовали как-то отдельно. Даже комната главреда «Веселых картинок» выглядела несолидно — крохотная каморка против огромного номенклатурного кабинета главы того же «Крокодила». Поэтому рисовал Семенов не у себя, а в общем зале, где стояли специальные столы для художников.

В-третьих, журнал Семенова хотел не поучать, а вызывать смех. Правда, было это делом весьма серьезным. Редактор Феликс Шапиро рассказывал технологию: «Среди сотрудников журнала были «темисты», те, кто умеет хорошо придумывать сюжеты. Они со своими набросками приходили на так называемые «темные совещания». Совещания проходили в комнате, где было много-много стульев и всего один стол. За столом сидел Иван Максимович. Он оглядывал всех и спрашивал: «Ну, кто смелый?» Кто-нибудь из «темистов» выходил и отдавал ему свои эскизы. Он их показывал всем собравшимся и следил за реакцией: если люди улыбались, эскизы откладывались в одну сторону. Если реакции не было, в другую».

Между прочим, одним из главных «темистов» «Веселых картинок» был молодой Александр Митта, будущий известный режиссер («Сказка странствий», «Экипаж», «Гори, гори, моя звезда»). Как-то, используя свои рисунки вместо портфолио, Митта пришел в великому Михаилу Ромму проситься в ученики: «Ему понравилось, он посмеялся. И помог мне».

Участники вспоминают, что с «темных совещаний» иногда выходили по стеночке, насмеявшись до истерики. Семенов говорил, что его девиз — это строчки Михаила Светлова: «Пусть заходит ум за разум в мире неизвестности. Но не дадимся двум заразам: тусклости и трезвости». Правда, тут же подчеркивал, что трезвость здесь метафора. Но тусклость точно была не по его части.

Вокруг себя Семенов собрал потрясающую команду: Владимир Сутеев, Анатолий Елисеев, Виктор Чижиков, Евгений Мигунов, Алексей Лаптев, Аминадав Каневский, Юрий Васнецов, каждый со своим ярко выраженным почерком. «Клан неиссякаемых вы-

думщиков и едких насмешников», по словам Леонида Сергеева. Привлекали и зарубежных гениев, например, звезду датской карикатуры Херлуфа Бидструпа.

Интересно, что первую знаменитую многофигурную обложку для «Веселых картинок» рисовал не Семенов, но тоже донской казак и тоже «грековец», выходец из Ростова, великолепный график Константин Ротов («Приключения капитана Врунгеля», «Старик Хоттабыч», «Золотой теленок»). За первый же год Ротов нарисовал в «Веселых картинках» так много шикарных разворотов, что коллеги, смеясь, предложили назвать его Разворотовым. Впрочем, был он человеком очень непростой судьбы: 14 лет отсидел в лагерях за один «неправильный» шарж в «Крокодиле», а в редакцию Семенова попал сразу после реабилитации.

Семенов тоже увлекался сложным рисунком: он создавал настоящий калейдоскоп человеческих фигур, сейчас такие книжки для разглядывания называются виммельбухи. Друзья-шахматисты называли его «гроссмейстер многофигурной композиции». Семенов смеялся: «Иногда товарищи говорят, что я щедро расходую фантазию, мол, из одного твоего рисунка можно сделать несколько тем. Но для меня не имеет значения коммерческая сторона творчества».

**БЫЛ СЕМЕНОВ
ЧЕЛОВЕКОМ РОСЛЫМ,
КРАСИВЫМ, С
НЕОБЫКНОВЕННО
ЯРКИМИ СИНИМИ
ГЛАЗАМИ; ЭТИ ГЛАЗА
УДИВЛЯЛИ ВСЕХ,
КТО ЕГО ВИДЕЛ,
ТАКИЕ БЫВАЮТ
РАЗВЕ ЧТО У ДЕТЕЙ.
А ГЛАВНОЕ, ОН
БЫЛ УДИВИТЕЛЬНО
СПОКОЙНЫМ.**



Новый главред «Веселых картинок» Рубен Варшамов (слева) и Иван Семенов на выставке, посвященной 25-летию журнала. 1981 год.

Был Семенов человеком рослым, красивым, с необыкновенно яркими синими глазами; эти глаза удивляли всех, кто его видел, такие бывают разве что у детей. А главное, он был удивительно спокойным. Художник Анатолий Елисеев вспоминал, как однажды они, молодые дураки, решили подшутить над главредом, как обычно рисовавшим в общем зале: «Кто-то привез из Финляндии купленную в магазине приколов свинцовую кляксу, неотличимую от настоящей. Дождались, когда Семенов почти закончит композицию, набьет трубку и выйдет покурить — и подложили кляксу на почти готовый рисунок. Семенов вернулся. Увидел. Встал столбом. Пожевал губами. Уронил мрачное и тяжелое, как бульжник: «Говнюки». Сел, сдвинул «испорченный» рисунок, вздохнул, достал чистый лист и принялся рисовать все заново». Вывести Максимыча из себя было невозможно.

Юмористический журнал для детей главред Семенов делал до 1972 года. Новый редактор Рубен Варшамов открыл в «Картинках» другую эпоху и другую эстетику: его авторами стали художники-нонконформисты Илья Кабаков, Эдуард Гороховский, Виктор Пивоваров. С нарисованным в те годы логотипом из букв-человечков журнал существует и по сей день. Но всегда помнит, кто его создал.

Народный художник СССР, награжденный орденом Трудового Красного Знамени, Иван Семенов ушел из жизни в 1982 году. В 1976-м Иван Максимович отмечал сразу три юбилея: свое 70-летие, 50 лет с момента первой публикации в газете «Молот» и 20 лет с выхода первого номера «Веселых картинок». Надо ли говорить, что серьезным взрослым человеком он так и не стал? Было в нем важное качество, не позволяющее делаться большим и скучным, оно хранится в одном из его детских воспоминаний: «Ехали мы однажды с мамой из Ростова в Нахичевань. Их разделяло большое зеленое поле. Мама говорит: «Вот хлеб растет». Мне было четыре года, я удивленно таращил глаза: «Где хлеб растет?» С тех пор, сколько себя помню, не перестаю удивляться».



ПРО ТИМУ, КОТОРЫЙ ВЫПАЛ ИЗ ТРАМВАЯ. ИСТОРИЯ ЛИДЕРА ГРУППЫ «ПЕКИН РОУ-РОУ»

В ряду культовых для Ростова фигур Сергей Тимофеев — фигура самая легкая, немного расхристанная и очень обаятельная. Сложно сказать, кем он был для Ростова — не только художник, поэт, музыкант, основавший группу «Пекин Роу-Роу», а герой большого плутовского романа, провинциальный гений, который навсегда останется молодым.

автор Ольга Майдельман

фото Николай Хомчик, архив Дмитрия Келешьяна

Все, что он делал, казалось каким-то несерьезным. Безумное шоу «имени Великой Египетской царицы любви Клеопатры», цыганские репетиции «Пекинов», бывшее всегда навеселе товарищество «Искусство или смерть». Однако участники этого беспредела, те из них, кто дожил до наших дней, известны и востребованы. Это и художник с мировым именем, картины которого стоят десятки тысяч евро, авангардист Валерий Кошляков, и живописцы Юрий Шабельников и Авдей Тер-Оганьян, а также лидер «Запрещенных барабанщиков» Виктор Пивторыпавло, театральный режиссер, обладатель «Золотой маски» Всеволод Лисовский, писатель и сценарист Макс Белозор, композитор, автор музыки для кино и театра Дмитрий Катханов, музыкант и журналист Дмитрий Келешьян.

На онлайн-платформе «ТНТ Premier» скоро выйдет фильм «Сцена — Ростов», где кроме Басты и «Касты», конечно же, будет Тима. Песни «Пекинов» поет группа «Звери» и все ростовские студенты, умеющие держать гитару. Не так давно в Ростове даже появилась улица имени Тимофеева, пересекается с улицей Мусоргского.

Но что интересно: коренным ростовчанином Тимофеев не был. Герой Ростова родился в 1959 году в Сыктывкаре в семье геологов, а рос в самом северном городе Свердловской области — Ивдель. Суровый край, где количество вольных жителей примерно равнялось количеству заключенных в лагерях, расположенных вокруг.

Хотя в историю Тимофеев вошел как лидер рок-группы, был он прежде всего художником. Когда ему исполнилось 9 лет, мама решила, что бойко рисующему ребен-

ку нужен большой город, и его отправили в Ростов. Мальчишка из глухомани трое суток ехал в плацкарте сам. Жить он стал у маминой сестры тети Клавды (прямо как Джон Леннон у тети Мими). Клавдия Ивановна была женщиной одиночкой, работала медсестрой в воинской части. Серезу держала в ежовых рукавицах, приучала к порядку. Но и обожала безмерно. Жили они в девятиэтажке на углу Доломановского и Текучева.

Тяга к рисованию определила его вуз — Львовский полиграфический институт, в Ростове такого уровня не было. Рисовал Сергей всюду и всегда. Его дочка Алиса вспоминает, что в их прежней квартире до сих пор остался рисунок на стене под обоями: выписанные кирпичики и мыльные пузыри вразлет. Тима любил приукрашивать действительность.

Чуть ли не на первую свою большую зарплату накопил любимой Алиске ярких и радостных вещей. «Я его хорошо помню — ярко-зеленый рюкзак с розовым карманом. Это же 90-е, дефицит жуткий. Все спрашивали: «Откуда ты такой взяла?» И я гордо отвечала: «Папа из Москвы привез». Еще он подарил мне ярко-розовую майку и белые шорты с голубыми полосками. Я надевала все сразу и шла так в школу — как светофор».

Дочка родилась в 1981-м, когда Тимофееву было только 22. Но сначала падкий на красоту Сережа встретил Таню. В фойе кинотеатра. Влюбил в себя с первого взгляда. Правда строгая тетка 19-летней продавщицы промтоваров не приняла: «Если хочешь быть с моим Сережей, иди учись». Диплом экономиста Таня, кстати, получила, но позже, а тогда забеременела, и молодые поженились. Поселились в двушке на Чкаловском вместе с Таниными родителями.

«Когда я родилась, знаю, он очень помогал маме, — говорит Алиса. — Приходил с работы и сразу начинал стирать пеленки, гладить, убирать, гулять со мной. Папа он был очень нежный, никогда не ругал меня ни за что, да и вообще не скандалист. Подружки маме завидовали, что Сергей так помогает по дому. Но что касается денег, это было вообще не про него. Он даже не знал, сколько у него в кармане. Не думал, где заработать. Воздушная личность».

Теща приняла воздушную личность в штыки, уж очень нахальным казался. Както дерзко назвал ее жареную картошку невкусной, ну и получил: она высыпала всю сковороду ему на голову. А как-то покрасил в красный цвет дефицитные джинсы, подаренные тещей. Испортил вещь. Такие деньжищи отдала. Бессовестный.

Тут надо отметить, что в 80-х выйти на улицу в красных штанах — это именно что «два раза ку», полное ку-ку. Но что-то не позволяло ему слиться со всеми. Даже имя дочке он дал совершенно диковинное, родом из Страны чудес (Таня хотела назвать ребенка Леной): «В начале 80-х это настолько странно звучало! Меня звали и Асей, и Анжелой, и Олесей. Когда я говорила: «Да я Алиса!» — «Как?», все очень удивлялись».

Впечатление Тимофеев производил неизменно яркое и незабываемое. Одевался поначалу, как Хармс. Дмитрий Келешьян, гитарист и сооснователь «Пекинов», таким и увидел его первый раз на скучном музыкально-поэтическом вечере: «И тут на сцену вышел парень с тетрадкой в руках. В галифе, шерстяных гетрах и клетчатом пиджаке он, казалось, прибыл сюда из какой-то другой эпохи. У него было безмятежное выражение лица, особая, располагающая к себе манера говорить, своеобразная интонация. Публика проснулась».

«Эй, Тима, откуда у тебя фингал?» — крикнули из зала. «Из трамвая на ходу случайно выпал. А знаете, что такое хепенинг?» — спросил он в ответ. (Хепенинг — форма современного искусства, представляющая собой действия, события или ситуации, происходящие при участии художника, но не контролируемые им полностью.) Открыв тетрадку, высокий взлохмаченный парень с синяком под глазом стал читать свои миниатюры. О хепенинге, об агрономе, который очень любил землю и ел ее тайком... Ему долго аплодировали».

Кстати, синяк он потом рисовал себе сам (с фингалом появился в первом своем клипе «Весна», снятом в Ростове Людмилой Рублевской). Но и в реальных драках бил-



Рисунок С. Тимофеева «Проводы первого русского космонавта А. С. Пушкина на Луну». 1980-е годы.

ся не шутя. Ростовских гопников такие выскочки прямо-таки бесили.

На 3-м курсе институт был брошен, хотя учеба, как и вообще все, давалась Сергею удивительно легко. «Я к нему как-то приехала во время сессии, — вспоминала Татьяна. — Завтра экзамен, а мы пошли в гости, тусовались почти до утра, конечно, он ничего не учил. Утром ушел на экзамен, возвращается, я в страхе спрашиваю: «Ну что? Пересдача?» — «Пятерка!»

Так же легко он нашел в Ростове подходящую работу — художником в газете «Комсомолец» (позже «Наше время»), где быстро рисовал злободневные картинки карандашом или шариковой ручкой. А вот семейная жизнь свободному художнику стала даваться все труднее.

Как-то он вышел за хлебом, а вернулся через неделю. Без хлеба. «Что маме говорил? Ну, встретил одного знакомого, потом другого и не заметил, как неделя прошла, — рассказывает Алиса. — А мама и больницы, и морги обзвонила уже. А уж исчезновения на сутки вообще были часто».

Примерно в это время все и завертелось. Еще во Львове он с ребятами, ставшими потом всесоюзно известной панк-группой «Братья Гадюкины», устраивал спонтанные выставки и те самые уличные хепенинги. А в Ростове познакомился и моментально сдружился с Авдеем Тер-Оганьяном, художником тоже симпатичного облика: чаплиновские усики и чаплиновский же котелок.

Вскоре Тима буквально влился — на волне портвейна, ибо приличный интеллигент в те времена не мог не употреблять, в радикальное товарищество «Искусство или смерть», созданное студентами и выпускниками художественного училища имени Грекова.

Каноническое зарождение «ИиС» было описано Максом Белозором в «Волшебной стране» (самой смешной книге о Ростове): «Принесли два рюкзака «Алазанской долины» и стали ее пить. Вася Слепченко захотел показать всем кружочки от банок на своей спине. Он порвал рубашку, потом майку и показал. Праздник продолжался. Время от времени кто-нибудь кричал: «Кружочки!», и Вася показывал. Было очень весело. Звонили в колокол, Юрий Леонидович Шабельников пел красивым голосом казачьи песни, а старый Валерий Иванович Кульченко стоял перед ним на коленях и плакал.

Когда всей компанией пошли «на яму» за очередной порцией «Алазанской долины», поход этот сопровождался чем-то типа пионерской речовки, когда Тер-Оганьян выкрикивал: «Искусство!», а ему хором отвечали: «Или смерть!»

Товарищество не сидело сложа руки: в 1988 году они сделали три выставки, одна из которых, «Выставка провинциального авангарда «Вылкам Плыз» №3», прославилась особо: она была устроена в кооперативном туалете в переулке Газетном. Жанры были представлены такие: «радикальный идиотизм», «осторожный реализм», «тотальный

трансдадаизм» и прочие. «Сортирный вернисаж» имел оглушительный успех: репортаж о нем сняла самая популярная программа Центрального телевидения СССР «Взгляд», а ругательные рецензии написали все местные газеты.

Выставку закрыли уже на следующий день, зато в следующем 1989 году авангардистам дали место в просторном выставочном зале Союза художников на набережной. Выставка называлась «Италия имеет форму сапога». Поэты Жуков и Калашников попытались въехать в помещение выставочного зала верхом на лошадях, но были остановлены администрацией.

В том же году состоялся и дебют провинциального товарищества в Москве: в фойе гостиницы «Юность» прошла «Выставка, которая не считается, потому что все очень плохо».

«Это очень занимает меня — провинциализм, — рассуждал, вернувшись из Москвы, Тимофеев в интервью самиздату Галины Пилипенко «Ура! Бум! Бум!». — Его можно возвести в ранг эстетики, но только соприкоснувшись с чем-то совсем передовым. Как чукча, отучившись где-нибудь на романо-германском факультете университета, возвращается в стойбище и становится шаманом со знанием Канта и Гегеля».

1989-й стал и годом создания группы «Пекин Роу-Роу». В мастерской у Валерия Кошлякова (тот работал художником-буффом в театре музкомедии) произошел судьбоносный разговор Тимы и Кели, Тимофеева и Келешьяна.

«Сидели с гитарами, — вспоминает Келешьян, — пели песни, пили вино, и Тима вдруг говорит мне: «Давай сделаем группу, классную группу!» Ровно на следующий день он пришел с бумажкой и сказал: «А вот первая песня нашей группы, бери гитару, давай попробуем с музыкой». На бумажке было написано:

«Я одеваю пальто, ты надеваешь манто,
Мы выпиваем две бутылки, как положено — винтом!
Я успеваю сделать шаг, ты успеваешь сделать два,
От недостатка витаминов чуть кружится голова.
Но, господи, взгляни, какой сегодня день!
Я нюхаю тебя, а ты нюхаешь сирень — весна!»

Когда я увидел этот текст, то вмиг понял, что у нас будет самая великолепная группа». Мелодию в порыве вдохновения сочинил Келя. Это одна из самых веселых и популярных песен группы — «Весна»: смесь рокабилли, твиста и весенней эйфории. Второй была не менее знаменитая «Шиги-Джиги» (она потом дала название фильму Кирилла Серебренникова о группе «Пекин Роу-Роу» и ростовском андеграунде).

Первое же выступление «Пекинов» на фестивале в ДК РИИЖТ длится полторы песни и заканчивается плачевно в буквальном смысле: музыкантов прямо на сцене обрызгали слезоточивым газом за нежелание заканчивать концерт. Администрация устала от длинного фестиваля и не стала разбираться, кто там только начал.

Но интерес к музыке у Тимы растет, группа обретает других музыкантов: появляются трубач, тромбонист и саксофонисты из ансамбля Назаретова, а также баянист, скрипачка, контрабасист, флейтист, целое трио женского бэк-вокала (одна из них, Ольга Калинина, стала примой Музыкального театра).

Теперь это уже целый оркестр, на концертах которого могут появиться и красивые китайки в национальных халатах, и привокзальные бичи. «Что-то подобное я видел потом в фильмах Кустурицы, — говорит Келешьян. — Мы могли просто найти на улице компанию каких-то колоритных людей и сказать им: «Пойдемте, у нас концерт!»

**ПЕРВОЕ ЖЕ
ВЫСТУПЛЕНИЕ
«ПЕКИНОВ» НА
ФЕСТИВАЛЕ ДЛИТСЯ
ПОЛТОРЫ ПЕСНИ
И ЗАКАНЧИВАЕТСЯ
ПЛАЧЕВНО В
БУКВАЛЬНОМ
СМЫСЛЕ:
МУЗЫКАНТОВ
ПРЯМО НА СЦЕНЕ
ОБРЫЗГАЛИ
СЛЕЗОТОЧИВЫМ
ГАЗОМ ЗА
НЕЖЕЛАНИЕ
ЗАКАНЧИВАТЬ
КОНЦЕРТ.**

«Самое интересное, что все эти персонажи поучаствовали в записи: кто-то пел, кто-то танцевал, кто-то разок во что-то ударил, кто-то шуршал на стиральной доске. Как-то мы нашли старый ксилофон на бабушкином чердаке, на котором не хватало половины клавиш, подвесили его в студии и записали гениальную песню «По улице Садовой», — вспоминал Пивторьшпавло («Запрещенные барабанщики»).

Соратники по товариществу «Искусство или смерть» недоумевают: какая группа, старик? какие еще концерты и репетиции? Ты художник! Рокеры Ростова тоже не принимают странную группу. «Нам казалось, что «Пекин» — это своего рода балаган. Мы особо не слышали их, просто видели: ни косух, ни узких джинсов, немодные», — вспоминает барабанщик модной группы «Элен» Сергей Черевков.

А Тима тем временем находит спонсоров (советско-американскую компанию) и делает грандиозный перформанс в парке ДК строителей — двухдневный «Праздник имени Великой Египетской царицы любви Клеопатры», объединивший художников, поэтов Заозерной школы (Тимофеев обожал этих богемных бродяг Танаиса) и музыкантов.

Он же продумывает и всю сценографию: огромные картины на заднике, холсты прямо на бетонном полу, атрибут любви — застеленная железная кровать на сцене, стенды, на которых можно рисовать. Приглашает еще несколько групп вдобавок к «Пекину» и двух бездомных — даже они поют в микрофон и танцуют.

— У него была способность, какую я за все годы карьеры (а я поработал со многими) ни у кого не встречал, — рассказывал Дмитрий Катханов. — Любой, кто находился в радиусе 100 метров от него, вдруг становился талантливым. Я своими глазами видел, как совершенно невзрачные, ничем не примечательные люди вдруг выдавали вещи, которые они никогда бы не выдали.

Потом, уже в Москве, этот удивительный дар заметит и Дмитрий Дибров.

Знаменитый бард Геннадий Жуков в фильме Серебренникова дал такое определение натуре Тимофеева: «В восточной традиции это называется Мастер жизни».

Несмотря на то, что концерты «Пекинов» в Ростове можно было сосчитать по пальцам, группу приглашают в Москву на всесоюзный фестиваль «СыРок». Выглядят и звучат они сногшибательно, Тима — в строгом черном пиджаке и безумных клешах, усыянных ромашками (они были сшиты специально для действия и появились позже в клипе «Резиновые ноги»).

Ростовчане выделяются даже на фоне таких самобытных участников, как «Воронь клюют твои посева, Джузеппе» и основателя тувинской группы «Хуун Хуур Ту» и «Ятха». Но снова остаются непонятыми. «После нашего выступления на «СыРке» какая-то московская дама написала разгромную статью: мол, мы ждали рок, а тут вышла огромная толпа людей в цветных штанишках. Не рокеры, а цыгане какие-то. Мы не вписывались ни в одну тусовку. По понятным причинам — хотелось делать что-то уникальное. В этом жанре, кроме нас, никого нет, ни одну группу туда не всунешь. Какой это жанр? Ну, мы как-то и не удосужились придумать», — смеется Келешьян.

Зато придумал писатель Александр Житинский (автор «Путешествия рокдилетанта») — «южнорусский декаденс-бит».

Вся популярность группы строилась на разошедшихся по рукам записях: в 1990-м и 92-м вышли два альбома «Бесамемуча» и «Живая сила». Оба записывались в ДК химиков на крутейшем японском бобиннике Otagi, единственном в городе, и оба — в том сумбурном и веселом хаосе, который постоянно закручивался вокруг Тимофеева.

К тому времени Тима уже несколько лет как развелся с женой, поскольку кроме всего прочего была у него большая слабость. «Очень любил красивых женщин. Просто трепетал, — рассказывала первая жена Татьяна. — Однажды пригласили нас в компанию. Людей много, но я сразу заметила: столько красивых баб! И он тут же засиял, как лампочка: весь вечер на арене, говорил без умолку».

Поражались и друзья музыканты, как он «с легкостью элегантного хама знакомился с неприступными красотками, дорогими и надменными, как Снежная королева, и тут же вводил их в манящую даль».

Но появляется женщина, которая сама берет его в оборот — яркая блондинка

Виктория (сегодня жена художника Дмитрия Врубеля). И вместе с ней осенью 1992 года Тима уезжает в столицу.

В Москву, в Москву! Чуть ли не вся ростовская богема, как чеховские сестры, стремится выбраться из провинции и развернуться во всю мощь. И действительно выбирается почти целиком.

В столице события разворачиваются стремительно. Уехавший первым Авдей Тер-Оганьян занимает коммуналку в московском доме под снос и придумывает делать там художественную галерею по четвергам. Потом к нему присоединяются Кошляков, Дубосарский и другие. Так появляется артистическая сквот-коммуна и теперь уже исторически знаменитая «галерея на Трехпрудном». За 2 года в ней проведено 95 выставок. Провинциальные авангардисты становятся центром внимания столичной тусовки.

А Тима вскоре попадает на телевидение, причем на крупный пост. Головокружительная карьера начинается с чечетки на рояле. В автобиографической книге «Раб лампы» Дмитрий Дибров подробно вспоминает, как Тима ворвался в его жизнь: «Тусовка происходила в намеченных на снос якиманских развалинах... Сережа возвышался над толпой, и не только в силу урожденной долговязости: просто он бил чечетку на рояле. Он был как то продет в синюю школьную форму, претерпевшую, впрочем, дизайнерскую метаморфозу. Скучные школьные пуговицы были спороты, вместо них пиджак оказался снабжен дюжиной крошечных пуговичек от чего-то крайне изящного. Брюки не были подшиты, но все равно они не доставали до голых щиколоток. Носков у Сережи не было».

Простой и нахальной просьбой «возьми меня на работу на телек» Сереже удалось обескуражить даже Диброва: «От такой наглости я даже отпустил талию своей спутницы». Расстались они на том, что Тимофеев за неделю должен сделать логотип канала и нарисовать кадр с диктором. То есть, по сути, работу целого дизайн-бюро.

«Знал ли этот человек с голыми щиколотками, как годами устраиваются в Останкино выпускники Суриковки, как потом годами лепят из папье-маше шляпки мухоморов для детских передач, потихоньку спиваются и ждут, чтобы кто-нибудь хоть на пушечный выстрел подпустил их к настоящей работе? Знал ли он, что стоит за незатейливой фразой «нарисовать кадр?»»

Но он откуда-то знал. Ровно через неделю он приглашает в сквот Диброва, а Дибров зовет друга — главного дизайнера ЦТ СССР Алексея Пищулина. И Тима разворачивает перед гостями лист ватмана.

«Минут пять я честно пытался сообразить, — пишет Дибров, — по какому общему признаку соседствуют здесь самые разные предметы и сущности: одни выписаны так, будто сфотографированы, иные — вовсе пиктограммы. И тут тишину нарушил голос Алеши: «Это гений. Ты понял, что он предлагает?»

Уже на следующий день Тима стоял в кабинете генерального директора АТВ Анатолия Малкина «в своей знаменитой школьной форме на голое тело и застенчиво тыкал пальцем в мятый ватман». А еще через неделю ему выписали удостоверение главного художника Четвертого канала Останкино.

Для самого продвинутого на тот момент Авторского телевидения Тимофеев придумывает самые продвинутые декорации: ионическая колонна, фикус и картина Гейнсборо, продублированная 16 раз. Дибров уверяет его, что декораторы захотят много денег и будут тянуть с заказом. «Но они художники же?» — уточняет Тима. — «В прошлом да». — «Художников в прошлом не бывает. Ты мне их только покажи, своих декораторов. Будет тебе Гейнсборо».

Об особой энергии и какой-то человеческой легкости говорят все, кто хоть ненадолго сталкивался с нашим провинциальным гением. Подействовало и здесь.

«Я не верил глазам, — пишет Дибров, — распахивались тяжелые цеховые двери, и за дверями уже высилась построенная раньше срока, невиданная доселе на совковом ТВ декорация с колонной... Рекламщиков победил долговязый парень со стеснительной улыбкой. У него не было денег. Но при нем любой тут же вспоминал, что вообще-то он — художник».



«Пекин Роу-Роу» на рок-фестивале в ДК РИИЖТ. Тима в фуражке.



Сергей со своими учениками в ростовской ИЗО-студии.
«Он во многих местах подрабатывал», – вспоминает жена Татьяна.

Тимофеев первым на нашем телевидении сделал рекламу, не рекламируя ничего. Модный и дорогой видеоролик с красивыми девушками. Сам он тоже в нем снимался. Появлялся в конце и говорил только одно: «Все будет хорошо». Предвосхитил социальную рекламу, например, высокохудожественный «Русский проект» Первого канала («Все у нас получится», «Берегите любовь» и так далее).

Его друг, тележурналист Вероника Богма, рассказывала: «В Москве это был другой человек: чисто выбрит, стильно одет, шикарные ботинки, пальто. Но такой же добродушный. Ужасно радовался тому, что делает, развернул на полу какую-то длинную штуку, показывал, какие будут декорации на канале. Помню, сидим мы в эфире, в кадре группа «ДДТ» с Дибровым, а мы с Тимой за задником, им нарисованным, пьем вино из трехлитрового баллона».

А потом случилось невероятное и нелепое. Возле ночного ларька с сигаретами Тимофееву выстрелили в живот. Какие-то незнакомые случайные кавказцы, чем-то он им не понравился.

Был месяц май. Весна! 10 мая Тима перешагнул возраст Христа, ему только что исполнилось 34.

**«ПОЧЕМУ
В АЛФАВИТЕ
33 БУКВЫ? —
КАК-ТО НАПИСАЛ
ТИМОФЕЕВ. — ЭТОГО
ОПРЕДЕЛЕННО
МАЛО. ПОЧЕМУ
3 ЦВЕТА И 7 НОТ?
ОСОЗНАНИЕ ЭТОГО
ОГРАНИЧИВАЕТ МЕНЯ.
ПОСТОЯННО ХОЧЕТСЯ
СТАВИТЬ ЗНАК
БЕСКОНЕЧНОСТИ».**

Умирал он шесть дней, лежа в больнице Склифосовского. «Даже склифосовская простыня — и та оказалась для него короткой. Он и здесь сверкал голыми лодыжками. Перебитый спинной мозг отказывался признавать их своими, и теперь это была пара фиолетовых дирижаблей», — это тоже из книжки Диброва.

«Честно? Я плакал. Видя такое дело, Серега отвернулся, чтобы не мешать.

— Вот говорят, что смерти нет, — потом сказал он. — Она есть. Я ее уже два дня вижу. Вот она сейчас там, в углу потолка. Знаешь, я ведь родился и вырос-то на зоне. Мать служила в ВОХРе, и я при ней. Один из конвоиров как-то хотел поиграть с пацаном. А чем играть? Да тем, что под рукой. Снял ружье и дулом в меня: «Пух-пух!» И осклабился. Это дуло и его цинготные зубы все годы преследуют меня как самое страшное из детства. Вот он и есть на потолке. Все время целится. «Пух-пух!»

6 июня 1993 года Тимофеева не стало. Уже много позже Дмитрий Келешьян сравнил его с кометой, яркой и падающей. И действительно, вся история происходила очень быстро. «Пекин Роу-Роу» и «Искусство или смерть» — 4 года. Жизнь в Москве — чуть больше полугода.

Тима не успел снять фильм: сценарий под названием «Дай мне голову Хосе» был готов. Сделать новые декорации на АТВ. Записать с группой третий альбом: материал имелся, и, кстати, на один из оставленных текстов, «Промокашка», у Дмитрия Катханова есть прекрасная печальная песня, но весна в ней уже совсем иная: «Стонет, стонет за стеною, стонет подлая весна». Издать «Мастера и Маргариту» со своими иллюстрациями. Сделать новую революционную выставку. Да мало ли чего еще.

«Я, конечно, миллион раз думала, что наворотил бы Тима, если бы был жив, — говорила Вика, став вдовой. — Такая несправедливая, нелепая, нелогичная точка. Ни пика, ни кульминации, он шел к какому-то необычайному расцвету. Попутно делая прекрасные вещи».

Келешьян считает, что иначе быть не могло: «Тима не мыслил себя в обывательской жизни. Он бы не смог, как большинство, проповедовать авангард, а потом пытаться его монетизировать... На 45-летний юбилей уже мертвого Майка Науменко я позвонил Гребенщикову от Би-Би-Си и спросил: «Что бы сейчас делал Майк?» Он ответил: «В наше коммерческое время таким людям — с детской непосредственностью, со святым и тонким отношением к творчеству — тут не место». А вообще Тиму могли застрелить раз десять, он по краю ходил».

Сегодня две дюжины песен «Пекинов» живут своей жизнью и, кажется, уже вшиты в подкорку. В чем их секрет? Может, в том, как гармонично Тимофеев соединил высокий и низкий стиль: засыхающую кабачковую икру и замирающую нежную душу. Или в том, что он, как обычно, легко опередил время.

А время, как обычно, расставило фигуры по своим местам. «Я довольно долго жил в Германии, — рассказывал Дмитрий Катханов в интервью. — И проводил своего рода исследование: давал своим тамошним друзьям послушать разные наши группы, в том числе и успешные. Это очень хороший тест на талантливость. И на успешных группах они всегда морщились, а когда ставил «Пекин», все всегда были в восторге. Они все говорили: «Это очень круто». И суперпрофессиональные музыканты, и академические, и джазмены, и киношные люди. Вообще все мои друзья, хорошие режиссеры — Попогребский, Хлебников, Бычкова — все они знают «Пекин» и фанатеют от него».

Тимофеев все еще живет в Ростове — теперь в своих внуках. Их двое, мальчик и девочка, дети Алисы. Внуку скоро будет 16. Долговязый, худой, лохматый парень, сочиняющий музыку на компе и пишущий акварелью так, будто учился этому. Зовут его Тимофей, Тима.

Значит, ничего не кончилось. «Меня очень волнует, почему в алфавите 33 буквы? — как-то написал Тимофеев в ростовском самиздате. — Этого определенно мало. Почему 3 цвета и 7 нот? Осознание этого ограничивает меня. Постоянно хочется ставить знак бесконечности».



«ЭТИ ИСТОРИИ НЕ ПОРТЯТСЯ СО ВРЕМЕНЕМ». РАЗГОВОР РЕДАКТОРА С ИЗДАТЕЛЕМ

В 2022 году случилось два важных для нас юбилея: 10 лет «Нации» и 20 лет холдингу «ЕвроМедиа», который издает наш журнал. О том, как все начиналось и куда мы идем дальше, в интервью главного редактора «Нации» Андрея Бережного с руководителем ИД «ЕвроМедиа» Владимиром Денисовым (на фото).



— Владимир, сегодня мы разговариваем с вами в редакционном офисе с одним из лучших видов на Ростов: за окном «Шолохов-центр», новенький «Хаятт»... А каким был первый офис «ЕвроМедиа» 20 лет назад?

— Он, кстати, тоже находился в центре города, на Соборном, 36, но это была одна маленькая комнатка. В которой мы сидели впятером. Сегодня у нас около 80 сотрудников, помимо головного офиса в Ростове-на-Дону — филиалы в Москве, Петербурге и Казани; 10 журналов, больше 10 сайтов, информационное и диджитал-агентства, собственный аналитический центр, студия подкастов.

— С какого журнала все начиналось?

— Назывался он довольно сложно — «Вестник министерства строительства, архитектуры и ЖКХ Ростовской области». Первый номер вышел в 2002 году, это было время, когда люди по-прежнему остро переживали квартирный вопрос, но в жилищно-коммунальную сферу уже стали

приходить рыночные отношения, и владельцы квартир хотели понимать, как можно влиять на систему ЖКХ, если уж ты платишь деньги. И с одной стороны, были традиционные СМИ, которые, не задумываясь, вставали на сторону жильцов и критиковали все нововведения. С другой — управляющие компании, компании-поставщики услуг, и им нужна была своя информационная площадка, чтобы рассказывать, что у них происходит, показывать, как можно снижать затраты, внедрять новые технологии. Огромная, одна из самых важных в стране отрасль стала работать по-другому, и нужен был информационный инструмент, который показывал бы, как это происходит в динамике. Такой своеобразный хронограф отрасли.

— В начале — середине 2000-х все хотели делать лайф-стайл, глянец. А вы вдруг занялись отраслевой прессой. Почему?

— Стечение обстоятельств. *(Смеется.)* Когда я пришел на свое второе место работы, это была пресс-служба мэра Ростова-на-Дону, мне дали тему спорта. Она мне очень нравилась, я рассказывал о том, как наши гребцы готовятся к очередной Олимпиаде, легкоатлеты выигрывают чемпионаты мира и так далее. Все это было еще при Борисе Николаевиче. И вот верховные власти решают: в России должна пройти реформа ЖКХ. Мэр Ростова поручает написать программу, как об этой реформе рассказывать людям. К моему тогдашнему неудовольствию меня перебросили со спорта на эту тему. Ну, где ЖКХ, а где я?! Но делать нечего, стал погружаться в тему. И очень скоро увидел, что в этой сфере творился бардак, что тогдашние руководители не совсем понимали, что с этим всем делать, а реформу воспринимали как тягость. А я принял это как возможность. Чем тема сложнее, тем меньше, во-первых, будет желающих этим заниматься. А во-вторых, я исходил из того, что тема инфраструктуры, жизнеобеспечения — это то, с чем мы в этот мир приходим и всю жизнь находимся. И не прогадал. Первый наш журнал, правда, под другим уже названием — «Отраслевой журнал «Вестник» выходит до сих пор. Начинали с одного региона — Ростовской области, со временем переключились на всю страну, и качество нашей экспертизы растет с каждым новым номером. А лайф-стайл... Положа руку на сердце: он, как цунами, обрушился на нашу страну, а потом так же ушел обратно в океан, не оставив ничего.

— Как так получилось, что ИД с головным офисом в Ростове делает общероссийские медиа и является информационным партнером доброго десятка федеральных министерств?

— А здесь помогла президентская программа. Больше 10 лет назад я попал в программу подготовки управленческих кадров для отраслей народного хозяйства. Главной награ-



Во время визита председателя Союза журналистов России Владимира Соловьева (справа) в офис «ЕвроМедиа» главред «Нации» Андрей Бережной вручил ему книгу «Соль земли» (этот проект был создан при поддержке Института развития интернета).

дой при успешном ее завершении была возможность поехать на стажировку за границу. Я выбрал Германию. Попал в ИД, который уже больше 100 лет занимается выпуском именно таких отраслевых медиа. Германия в этом смысле очень интересный пример, ведь там нет установок, что федеральное СМИ обязано сидеть в Берлине. Уже тогда, до эпохи интернета, была полная децентрализация. Например, самый влиятельный еженедельник страны Der Spiegel находится в Гамбурге.

Я приехал в Потерсло, городок с населением меньше 100 тысяч человек, но он известен как место, где находятся штаб-квартиры корпорации-гиганта Miele, одного из самых крупных в мире медиаконцернов Bertelsmann и отраслевого холдинга Bauerlag, где я и проходил стажировку. И я понял тогда, что это моя модель развития медиа: не важно, где находится штаб-квартира, важно только качество создаваемого контента. Чем его создается больше, тем лучше, устойчивее медиа. А потом интернет вообще стер эти надуманные границы. Сегодня мы видим, что можно делать сверхпопулярные телеграм-каналы в однокомнатной квартире. И те, кто по-прежнему делает медиа в помещениях 2 тысячи кв. м, могут этим каналам проигрывать.

— Вы можете прямо сейчас набрать кого-нибудь из федеральных министров?

— Сейчас уже не звонят, обычно пишут... Некоторых, да, могу напрямую или через одно рукопожатие. Интернет

и здесь сократил количество барьеров. Сейчас даже федеральные чиновники вполне могут быть доступны через мессенджеры, соцсети. Гораздо доступнее, чем 20 лет назад.

— В каждом доме, издательском в том числе, свои правила проживания, свои традиции. Каковы они в «ЕвроМедиа»?

— Успех любого медиа стоит на трех китах: контент, дизайн, дистрибуция. Моя задача как издателя сделать так, чтобы всем этим трем китам находилось место, чтобы не было перекосов и чтобы, самое главное, нам всем было комфортно работать. Вот маленькая, но важная деталь: даже в той нашей первой редакционной комнатке были высокие потолки. Сейчас у нас здесь дюжина больших кабинетов, и в них — высокие потолки. Должен быть воздух, пространство. Тогда работается легче.

— Одна из традиций «ЕвроМедиа»: каждый год вы запускаете по новому изданию...

—...По новому изданию или проекту. В 2022-м запустили информационное агентство 1euromedia.ru. Можно читать на сайте, можно в телеграм-канале. Это агентство тоже специализированная, отраслевая история. Мы хотим сделать так, чтобы новости о запуске нового моста или открытия медцентра не тонули в общей информационной повестке и были доступны по одному клику тем, кому они нужны и интересны.

— А кому они нужны?

— Чем занимаются наши отраслевые журналы? Обобщают тот опыт, который есть в отраслях народного хозяйства в России и странах Евразийского союза. Наши журналисты, эксперты занимаются анализом и прогностикой. А задача информагентства — фиксировать картину изменений здесь и сейчас в режиме 24/7.

Мы видим, что, например, строители, которые работают в Краснодаре, не всегда знают, что делают коллеги в Ставрополе. При этом что они практически соседи. А уж о том, что происходит на Урале или Дальнем Востоке, представления у них совсем туманные. Наша задача — «сшить» информационно страну, чтобы московский инженер-строитель понимал и знал в лицо своего коллегу в Новосибирске.

— Давайте попробуем эти 20 лет представить в зримых цифрах. Сколько экземпляров журналов вы выпустили за эти годы?

— Мы как-то специально подсчитали: если складывать в стопку, то она будет в два раза выше Эльбруса. Другая цифра: каждая из наших пяти редакционных машин пробегает за год в командировках не меньше 50 000 км, а это 5-6 экваторов.

Если говорить о героях наших публикаций, то это тысячи, если не десятки тысяч человек за 20 лет. При этом они ведь не сразу рождались министрами или топ-менеджерами. Например, когда-то давным-давно мы впервые рассказали о перспективном молодом инженере Ростовского водоканала Александре Скрябине. Сегодня Александр Юрьевич — заместитель губернатора по вопросам экономического развития Ростовской области. Другими словами, если полистать наши подшивки за 20 лет, можно открыть для себя секреты успеха многих больших управленцев и бизнесменов.

— Весь мир жил в ноябре-декабре 2022-го мундиалем в Катаре, а ведь у вас тоже есть свой футбольный турнир. Есть ли среди ростовских строителей свои месси и мбаппе?

— Мы задумали свой турнир по мини-футболу 15 лет назад в желании поддержать престиж рабочих профессий. Вспомните, как все было: молодежь неохотно шла учиться на строителей. Это началось сразу после развала СССР, все хотели быть юристами или банкирами, белыми воротничками, а стоять на холоде и делать кирпичную кладку воспринималось как лузерство, мол, ничего ты в жизни не добился. Мы, видя это социальное давление, решили поддержать строителей, но как-то интересно, без пафоса. И при поддержке Ассоциации мини-футбола начали проводить свой турнир «Я — строитель!». Конечно, вначале не думали, что зайдем так далеко: уже второе поколение футболистов выросло. Нашу инициативу подхватили и на уровне других регионов, и на уровне Общественного совета при Минстрое России. Турнир пользуется популярностью, завоевать его

кубок престижно, и, да, за полтора десятка лет у нас появились свои «бразильцы», «аргентинцы», «французы», которые выигрывали его не раз.

Но мы видим и радуемся тому, как за эти 15 лет изменилось отношение к строителям в обществе. Сегодня хороший инженер, хороший кровельщик, каменщик могут добиться в жизни гораздо большего, чем посредственный юрист.

— Десять лет назад вышел первый номер журнала «Нация». Зачем отраслевому издательскому дому стал нужен «общечеловеческий» журнал?

— Потому что есть такие понятия, как формат и неформат. Нередко, общаясь с нашими героями, я видел, что это и в жизни интересные люди, но для отраслевых изданий это уже был неформат. И много классных человеческих историй оставались за бортом.

— Такой ли вы видели «Нацию» 10 лет назад?

— Могу сказать одно: я как издатель «Нацию» никогда не перевоспитывал, она росла так, как считала необходимым. И это самое главное. Где-то, быть может, я видел ее образ более причесанным, что-то иногда вступало в противоречия с тогдашним общественным мнением. Но... Время — очень интересный и мудрый арбитр. Посмотрите, о чем писали другие общественные медиа 10 лет назад. Сейчас понимаешь, что многие их тексты, к сожалению, устаревали, когда краска еще не высохла. Главное отличие «Нации», по моему мнению, ее истории не портятся со временем. Ну, и замечательный слоган издания — «Сборная России по здравому смыслу» будет актуален всегда. Так же, как будет актуально противостояние стяжателей и нестяжателей. Современная массовая культура создает и навязывает стереотипы о том, что постоянно нужно бежать в погоне за чем-то материальным, добиваться каких-то благ. А «Нация» — это разговор о том, что существует другая философия жизни, когда ты готов тратить свои силы на служение обществу, на помощь ближнему.

— Какие истории «Нации» первыми приходят вам на ум?

— Монолог Петра Мамонова из первого номера о русских святых и русских кулибинных, история режиссера-самоучки, выходца из СССР, Алика Сахарова, который снимает сегодня главные мировые сериалы. Разговор с православным священником, который пытался защитить свой храм и свою веру в сирийском Алеппо, захваченном террористами. Как мы тогда, 10 лет назад, смогли его найти, смогли поговорить из Ростова? Сегодня с коммуникациями и общением не в пример проще. Везде есть интернет, а где есть интернет, есть слово. Но важно, чтобы слово наполнялось смыслом. «Нация» — это о том, как слово наполняется смыслом, становится идеей.

«Нация» в России

Администрация Президента Российской Федерации

Правительство Российской Федерации

Государственная Дума Российской Федерации

Главы всех субъектов Российской Федерации

Администрации субъектов РФ:

Адыгея (Республика Адыгея), Алтай (Республика Алтай), Алтайский край, Амурская область, Архангельская область, Астраханская область, Башкортостан (Республика Башкортостан), Белгородская область, Брянская область, Бурятия (Республика Бурятия), Владимирская область, Вологодская область, Вологодская область, Воронежская область, Дагестан (Республика Дагестан), Еврейская автономная область, Забайкальский край, Ивановская область, Ингушетия (Республика Ингушетия), Иркутская область, Кабардино-Балкария (Кабардино-Балкарская Республика), Калининградская область, Калмыкия (Республика Калмыкия), Калужская область, Камчатский край, Карачаево-Черкесия (Карачаево-Черкесская Республика), Карелия (Республика Карелия), Кемеровская область, Кировская область, Коми (Республика Коми), Костромская область, Краснодарский край (Кубань), Красноярский край, Крым (Республика Крым), Курганская область, Курская область, Ленинградская область, Липецкая область, Магаданская область, Марий Эл (Республика Марий Эл), Мордовия (Республика Мордовия), Москва, Московская область, Мурманская область, Ненецкий автономный округ, Нижегородская область, Новгородская область, Новосибирская область, Омская область, Оренбургская область, Орловская область, Пензенская область, Пермский край, Приморский край, Псковская область, Ростовская область, Рязанская область, Самарская область, Санкт-Петербург, Саратовская область, Саха (Республика Саха (Якутия)), Сахалинская область, Свердловская область, Севастополь, Северная Осетия (Республика Северная Осетия — Алания), Смоленская область, Ставропольский край, Тамбовская область, Татарстан (Республика Татарстан), Тверская область, Томская область, Тульская область, Тыва (Республика Тыва), Тюменская область, Удмуртия (Удмуртская Республика), Ульяновская область, Хабаровский край, Хакасия (Республика Хакасия), Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, Челябинская область, Чечня (Чеченская Республика), Чувашия (Чувашская Республика), Чукотка (Чукотский автономный округ), Ямало-Ненецкий автономный округ, Ярославская область



«НАЦИЯ» в App Store
(установите приложение «Журнал Нация»)

«НАЦИЯ» в соцсетях
vk.com/nationmagazine
telegram: @nationmagazine
dzen.ru/nationmagazine

Крупнейшие вузы, компании, организации, отели и санатории России

«Нация» в небе

Аэропорт Внуково

бизнес-зал Prokofiev Premier Lounge
(г. Москва)

Аэропорт Домодедово

бизнес-зал «Шостакович»
(г. Москва)

Аэропорт Платов

бизнес-салон и внутрироссийские
воздушные линии

(г. Ростов-на-Дону)

Аэропорт Минеральные Воды

бизнес-зал и ВВЛ-зал

Аэропорт Ставрополь

VIP-зал и ВВЛ-зал

Аэропорт Владикавказ

зал ожидания вылета
и территория аэровокзала

Аэропорт Нальчик

бизнес-зал, VIP-зал,
международный сектор

Аэропорт Грозный

ВВЛ-зал, VIP-зал и территория
аэровокзала

Аэропорт Махачкала

бизнес-зал и VIP-зал

Аэропорт Магас

ВВЛ-зал и VIP-зал

Аэропорт Большое Савино

бизнес-зал
(г. Пермь)

Аэропорт Казань

бизнес-зал и VIP-зал

Аэропорт Курумоч

ВВЛ-зал и МВЛ-зал

(г. Самара)

Аэропорт Стригино

ВВЛ-зал и МВЛ-зал

(г. Нижний Новгород)

Аэропорт Чебоксары

бизнес-зал



Журнал «Нация»
также распространяется
совместно с изданиями
ИД «ЕвроМедиа»:
«Вестник экономики ЕАЭС»,
«Здравоохранение России»,
«Вестник. Северный Кавказ»,
Отраслевой журнал «Вестник»



World Class
Deluxe

ПЯТЫЙ КЛУБ В РОССИИ
ЕДИНСТВЕННЫЙ
В РОСТОВЕ-НА-ДОНУ

УЛ. БОЛЬШАЯ САДОВАЯ, 121,
HYATT REGENCY, 6 ЭТАЖ

221 00 11

Ваш
лучший выбор
для бизнеса
и путешествий

Гранд Ростов Хаятт Ридженси
Большая Садовая, 121
+7 863 238 12 34

premiumhotelrostov.ru

 **HYATT REGENCY™**
ROSTOV-ON-DON